

РУССКОЕ ДѢЛО
И
МЕЖДУПЛЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ

В. Л. Величко Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы.—Баку: «Элм», 1990—224с.

Книга «Кавказ» видного русского ученого, журналиста и историка В. А. Величко одна из ценнейших реликвий русской культуры. Она представляет большой научный интерес. Издательство «Элм» луществляет выпуск исторических книг из серии «История и культура народов СССР». Книга «Кавказ»— первое издание из этой серии.
Хотя в этой работе приводится ряд нелестных отзывов о коренных жителях Кавказа, в том числе и об Азербейджанцах, издательство сочло возможным довести книгу «Кавказ» до широкого круга читателей в факсимальном издании.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

В. Л. ВЕЛИЧКО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Съ портретомъ-гелюгравюрой автора

Издание М. Д. Муретовой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Артели Печатнаго Дѣла, Невский пр., 61
1904

В. Л. ВЕЛИЧКО

КАВКАЗ

1886-1895

Первые листы этой книги были напечатаны при жизни Василия Львовича Величко, смерть помешала ему довести до конца дело, на которое он смотрел, как на одну из важнейших принципиальных задач своих, и мысль о том, что многолетний, глубоко выстраданный труд останется неоконченным, волновала его до последней минуты. Исполняя выраженную им предсмертную волю, мы довели печатание книги до конца, при участии лица, долго работавшего совместно с Василием Львовичем по кавказским вопросам и основательно ознакомленного с взглядами и планами покойного. Основую для книги служит ряд статей, печатавшихся в «Русском Вестнике»; первые четыре главы тщательно разработаны самим автором, а остальные пополнены нами по мере сил и снабжены примечаниями, почерпнутыми из оставленных В.Л.Величко материалов. Часть этих последних помещаем в конце книги в виде «Приложения». Не имея, к несчастью, возможности обогатить книгу всем тем, что дал бы ей сам автор, мы поставили себе задачей не поместить ни одной строки, им не подготовленной или хоть сколько-нибудь расходящейся с его мыслями.

Изд.

1. Введение.

Какое доселе волшебное слово - Кавказ! Как веет от него неизгладимыми для всего русского народа воспоминаниями; как ярка мечта, вспыхивающая в душе при этом имени, мечта непобедимая ни пошлостью вседневной, ни суровым расчетом! Есть ли в России человек, чья семья несколько десятилетий тому назад не принесла бы этому загадочному краю жертв кровью и слезами, не возносила бы к небу жарких молитв, тревожно прислушиваясь к грозным раскатам богатырской борьбы, кипевшей вдали?! Снеговенчанские гиганты и жгучие лучи полуденного солнца, и предания старины, проникнутые глубочайшим трагизмом, и лихорадочное геройство сынов Кавказа - все это воспето и народом, и вещими выразителями его миросозерцания, вдохновленными светочами русской идеи, - нашими великими поэтами.

Кавказ для нас не может быть чужим: слишком много на него потрачено всяческих сил, слишком много органически он связан с великим мировым призванием, с русским делом.

В виду множества попыток (большею частью небескорыстных) сбить русское общество с толку в междуплеменных вопросах, необходимо установить раз и навсегда жизненную, правильную точку зрения на русское дело вообще. У людей, одинаково искренних, могут быть различные точки зрения. Одни считают служение русскому делу борьбой за народно-государственное существование и процветание, борьбой, не стесненной никакими заветами истории, никакими нормами нравственности или человечности; они считают, что все чужое, хотя бы и достойное, должно быть стерто с лица земли, коль скоро оно не сливается точно, быстро и бесследно с нашей народно-государственной стихией. Этот жестокий взгляд я назвал бы германским, а не русским. Он противоречит мировому идеалу России и подрывает одну из надежнейших основ ее духовного, а стало быть, и политического могущества.

Другие впадают в противоположную крайность: они готовы поступиться всем русским в пользу того, что нарушает наше единство, подтачивает нашу государственную силу, да и само по себе представляет явление отрицательное. Это взгляд «школы» непротивленцев с мнимо-национальной программой, истинными руководителями или закулисными

вдохновителями которой являются, конечно, *не русские люди*. Такое непротивление инородным обособляющимся злым силам, даже в тех редких случаях, когда оно бескорыстно, возможно лишь в ущерб жизненности русского патриотизма и нисколько не оправдывается обычным в таких случаях рассуждением на тему о том, что мы - великий и сильный народ. Великий народ, - и потому прикажете позволять, кому вздумается, посягать на хлеб детей наших, на жизненные силы меньшей братии, подвергать поруганию наши святыни и давать обособляющимся инородцам ездить верхом на слабых и уступчивых носителях русского дела?! Доколе будут отождествлять понятие великого с понятием глупого, слабого и беспринципного?!

Правильна, справедлива и, вместе, практична только нижеследующая, третья точка зрения. Великий и сильный не глядит на жизнь сонными глазами, а *во благовремени водворяет жизненную правду*, развивает свою собирательную или единичную личность, во всеоружии заветных преданий прошлого, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Великий и сильный не довольствуется шаблонами и кличками, прикрывающими понятия ложные, расплывчатые или пестрые. Он обязан сжать усилием ума ленивую расплывчатость, обязан разобраться в красках и оттенках пестрой картины.

Если доселе пестрый Кавказ является мучительной загадкой для наших образованных классов, то значит, они не велики и не сильны, они не вполне освободились от рабства чужих слов и понятий, от гнета упомянутой выше и, увы, типично русской ленивой расплывчатости. Недавнее возникновение, и, главное, независимое от посторонних фальшивых и лукавых влияний развитие Русского Собрания подтверждает правоту моих слов, а вместе с тем сверкает ярким лучом надежды на близость лучших дней, на подъем русской прозорливости, русской вдумчивости и духовной силы.

Наши солдаты, а за ними и народ, назвали Кавказ «погибельным», потому что покорение его было сопряжено с невероятным напряжением героизма и тяжкими жертвами. Но на эти жертвы народ наш не скуп: мертвые сраму не имут и подвиги увенчаны славой. «Погибельность» Кавказа приняла иную форму, быть может, роковую, а, может быть, и полезную в итоге, раскрыв внутренние язвы нашей жизни, немощи нашего духа, ошибки и грехи нашей окраинной политики, даже смутность и неустойчивость государственно-национального мирозерцания у многих русских людей, как служилых, так и берущих на себя смелость влиять на общество посредством печати.

Кавказ - огромная академия со всевозможными естественными лабораториями, открывающая наблюдателю и исследователю широкое поприще для самостоятельных выводов. Особенную ценность представляет он для социолога и, в частности, для представителя государственной науки, столь мало распространенной, - увы! - даже в наших правящих классах, которым пора бы *сознательнее* относиться к своим обязанностям перед родиной и Государем, а не смотреть на жизнь с точки зрения 20-го числа. Явления жизни и человеческие характеры на Кавказе чрезвычайно выпуклы, даже когда они, вместе с тем, сложны. Особенный интерес представляет сплетение, а иногда и полное совпадение вопросов расовых с социально-экономическими. Этой особенностью кавказской жизни обуславливается немалая трудность управления краем и контроля над работой местных органов власти, то взаправду, то притворно не понимающих практического значения своеобразных основ тамошнего общественного склада и быта.

Чтобы взглянуть в корень главнейших вопросов и явлений, надо хотя бы в общих чертах ознакомиться с прошлым.

2. Характер прошлого

Прошлое кавказского края представляет собой картину не менее пеструю, чем его естественные условия и многоплеменный состав населения. Обобщения положительного

характера при таких условиях весьма затруднительны, и сколько-нибудь яркими красками можно отметить лишь некоторые, наиболее наглядные черты этого прошлого, вдобавок, отрицательные с культурной точки зрения.

Во-первых, Кавказ *никогда не имел покоя*, ни внутреннего, ни внешнего. Он был в течение многих веков одним из путей для воинственных вторжений Азии в Европу; каждое из проходивших по его горам и долинам племен, смывая своей волной те или иные зачатки местной культуры, оставляло взамен того собственный след, преимущественно дурной, ибо вторгающиеся племена ни с кем и ни с чем не церемонятся. С другой стороны, сильно пересеченная местность, богатая тущобами непроходимыми и высотами недостижимыми, при условии значительного климатического, почвенного и племенного разнообразия, не могла стать территорией крепко объединенного и культурно развитого государства. В горных дебрях жили и доселе живут многие мелкие племена, разнообразные по происхождению и зачаткам расовых культур, находившиеся между собой в постоянной борьбе, но так или иначе объединенные, с точки зрения биологической, сходными условиями природы, хозяйства, образа жизни и религиозной подпочвы, которая, независимо от различия формальных исповеданий, заключается в стихийном поклонении грозным силам природы, покорившей себе человека, его помыслы, характер и верования. Эти люди *не могли создать государства*, ибо малоспособны к государственности вообще, которой, кстати сказать, на пересеченных высотах мудрено достигнуть сильного развития, коль скоро некоторые ущелья бывают на семь или восемь месяцев в году отрезаны от остального мира то снегами, то водами.

Южнее главного хребта, в западном Закавказье поселилось с незапамятных времен картвельское племя (грузины, имеретины, гурийцы, мингрельцы, лазы, аджарцы, кобулетцы и др. разновидности); это племя, объединившееся на краткие сроки в средние века, в остальное время было разрознено. В восточном Закавказье - племена с тюрко-монгольско-иранской кровью и армяне, народ невыясненного происхождения с, несомненно, значительной примесью еврейской, сиро-халдейской и цыганской крови.

Из всех этих племен наибольшую способность к государственности проявили грузины, но и им не удалось создать государство в полном смысле этого слова. Мешала тому, во-первых, орография страны, открывавшая широкий простор феодальному обособлению; во-вторых, серьезным препятствием служила хроническая анархия извне: налетали неожиданно дикие орды, столь многочисленные, что отпор был не всегда успешен; от вторжений оставались надолго печальные последствия и вся жизнь страны была подвержена постоянным случайностям. Отсюда - резко бросающееся в глаза, почти повсеместное в Закавказье *отсутствие домовитости и комфорта*, плодов долгого мира. Даже у крупных помещиков лишь за самое последнее время стали появляться хорошо обставленные усадьбы. В общем, жизнь доселе носит следы бивачного характера: так крепка исторически сложившаяся привычка ожидать вооруженного нападения, скрывать или увозить имущество; многовековая привычка, став чертой характера, мешает, конечно, и поныне расцвету мирной культуры и развитию так называемых буржуазных добродетелей.

Климатические условия и, в частности, разнообразная по симптомам, но почти повсеместная в Закавказье малярия - тоже крупная помеха в прошлом и даже в настоящем для культурного развития края. Кочевой образ жизни значительной части закавказского населения, обыкновенно приписываемый поверхностными наблюдателями врожденным инстинктам кочевников, находит себе более разумное объяснение и оправдание, именно, в климатических условиях: кочевники спасают свою жизнь и здоровье, переходя летом на высоты из малярийных долин и степей, где и стада их не нашли бы себе пищи. Какова бы ни была причина кочевок, бытовым результатом их является опять таки отсутствие домовитости и некультурности.

Влияние климатических и вообще естественных условий на общественно-государственную жизнь чрезвычайно серьезно: и малярия, и горные реки, то иссякающие,

то принимающие чудовищные размеры, и бури, и ливни, и градобития, и тяжкий зной, - все это, губительно отражаясь на народном хозяйстве, оставляет глубокий отрицательный след и на самом духовном складе населения, сглаживая общими недостатками племенные различия; мысль утрачивает последовательность, воля - выдержку, нравственность - свой катехизис, труд - систему, жизнь в совокупности - разумные устои.

Весьма замечательно, что еще разновременно в древности культурнейшие племена, - греки, римляне, персы (времен расцвета персидской цивилизации), потом генуэзцы и др. - пытались заводить на Кавказе колонии, - и это никогда никому не удавалось. По всему Закавказью разбросаны следы разных стилей архитектуры, имена, названия и легенды, явно наносного происхождения; на разнообразных народных лицах видны следы скрещивания многих рас; но в итоге мало крупного, цельного, не стертого другими влияниями или просто временем.

В связи с этим признаком следует отметить, что *ни одно из соседних с Закавказьем государств до начала XIX столетия не имело возможности прочно водвориться в этом крае*. Правда, объяснения этому следует искать не только в местных причинах, но и в характере и политических изъянах государств и племен, посягавших на данный край; тем не менее, местные особенности имели значение преобладающее, как это показывает даже история края со времени присоединения его к России и чрезвычайно тугая ассимиляция местных племен с государственной народностью.

Из всех следов, оставленных в Закавказье его соседями, наиболее наглядным и даже довольно глубоким является *отпечаток персидского строя*, или, вернее нестроения. Ханства восточного Закавказья, образовавшиеся путем измены правителей обязанностям перед далекой центральной персидской властью, юридически считались персидскими провинциями, а на деле были независимыми деспотическими владениями, уменьшенными копиями с персидских образцов. Причины тому были отчасти расовые, так как большинство повелителей в этих владениях были более или менее персиянами по происхождению; частью же влияли тут недостатки персидской государственной организации и, между прочим, широко практиковавшаяся наследственность административных должностей.

Ясно, что в гористых местностях, обладающих всеми естественными данными для вооруженного обособления, этот обычай не мог не усиливать именно феодального склада жизни, и без того вызывавшегося местными условиями; несомненно, что одним из факторов феодализма является также расовая разница между повелителями и их подданными, - а этот фактор периодически насаждался при каждом подъеме персидского воздействия на Закавказье. В частности, собственная Грузия (тифлисская и часть Елизаветпольской губернии) сильно испытала на себе персидское влияние, а Имеретия и другие западно-картвельские владения - влияние турецкое, менее интенсивное, но в итоге однородное по последствиям. Политические изъяны административный, духовный и бытовой склад обоих этих соседей, на почве различных местных условий отразились, однако, на пестром Закавказье, несомненно, объединяющими, нивелирующими чертами, преимущественно отрицательного характера.

В обоих восточных деспотических государствах, Турции и Персии, династии не очень долговечны, и власть их, подобно горным речкам, подвержена резким колебаниям; бюрократической системы, обеспечивающей устойчивость политических направлений, интересов народного благополучия, прав и спокойствия, - налицо не было; все основывалось на подкупе, лести, силе и гаремных интригах, т.е. на скверных случайностях. Государственные доходы, отдававшиеся на откуп, своими колебаниями влияли на политическую неустойчивость и на народные настроения.

Вчерашний мятежный феодал, хищный администратор, разбойник или предатель, вместо заслуженной кары, мог в один миг снискать почести и власть, ублажив азиатского повелителя красивой женщиной, конем, драгоценностями или просто искусной лестью.

Глубочайший, всесторонне охватывающий жизнь *материализм* был руководящим началом, исключавшим всякую принципиальность в европейском смысле этого слова; *гаремные интриги и вообще чувственно-восточная психология* играли преобладающую роль даже в местностях, озаренных светом христианства. Даже в Грузии, в течение многих веков боровшейся за свою веру и племенную самобытность, христианство, в силу указанных выше могущественных причин, приняло особую местную окраску, вместо того, чтобы глубоко озарить мирозерцание обывателей и принести разнообразные плоды своих основных созидательных идей.

Так как при подобном анархическом беспорядке вещей возможны лишь несложные группировки людей, вызываемые вдобавок инстинктом самосохранения, то такой группировкой явилось *родовое начало* со своей узкой моралью и слабой принципиальностью. Тесные границы этой последней заключены между следующими формулами: «моего родственника обидели или убили, а потому я должен выступить защитником и мстителем» и «мой родственник совершил преступление, но так как это мой родственник, то он прав, и я приму все меры, чтобы защитить его от наказания».

Глубокие следы такой психологии остались там и доселе. Ясно, что знатные или честолюбивые роды, которые путем воинской доблести, искусной политики, накопления богатств, гаремных успехов, запасались средствами для борьбы за свое преобладание, - являлись поочередно хозяевами и нарушителями какой бы то ни было независимой правды. Им ничего не стоило изменить неожиданно своим царям и иным повелителям, попать интересы и заветнейшие чувства подневольного народа, даже в крайних случаях надевать маску иноверия или вовсе отречься от веры отцов.

Народная масса, сидящая на земле и обрабатывающая ее, всегда тяготится подобной анархией, - и вот почему, например, грузинский народ доселе свято чтит память царя Давида Возобновителя и «царицы царей», великой Тамары, при которых установился было более нравственный порядок, озаренный славой побед над внешними врагами; вот почему народная масса Закавказья в громадном большинстве стихийно верит в силу и правду Белого Царя, невзирая на многие отрицательные стороны управления краем.

Однако хотя в течение многих веков пестрая масса кавказского населения (за исключением горских патриархальных республик), была преимущественно пассивным, страдальческим элементом в местной истории и не могла особенно любить своих капризных повелителей, сознательно разделять их воззрения, - эти последние на ней глубоко отразились; *порядки восточных деспотий и вытекившие отсюда понятия проникли в правосознание населения до низших его слоев*. И западно-грузинский крестьянин, и кахетинец, и подданный хана ширванского или гянджинского одинаково знали, что золотом, лестью, женщиной, юношами можно откупиться и от неправых притеснений, и от исполнения государственных требований, разумность которых ни для кого не была ясна, и от заслуженных последствий преступления.

Одно уже появление должностного лица было сигналом к подкупу, и притом почти легальному, так как должности по восточному обычаю не оплачивались за отсутствием финансовой системы, и покоились на поборах с народа и на подарках всяческим властям.

Отсутствие широкой принципиальности составляет основную черту местной психологии, атмосферу и своего рода закон местной жизни. Человек, попадающий в эту атмосферу, должен употреблять крайние усилия, чтобы не подвергнуться ее растлевающему воздействию.

Когда несколько миллионов населения за много веков привыкли с неизменной практичностью смотреть на вещи, то представители иных взглядов встречают неблагодарную почву для их проведения в жизнь; можно даже заранее с уверенностью сказать, что если они не являются исполнителями глубоко обдуманной, рациональной системы, а вдобавок поставлены в тяжелые жизненные условия, то и они, и вверенные им задачи неизбежно уступят сложившимся местным традициям, русское достоинство и

служебная честь не выдержат натиска бытовых азиатских условий в ущерб государственному престижу и дальнейшим судьбам края.

Естественно, что переход от одного строя и склада жизни к другому должен сообразоваться с народной психологией, и перемена в существе отношений должна быть сопряжена с возможно меньшим изменением и осложнением их форм. Даже и при этом условии работа, направленная к *культурному присоединению* того или иного края, отличающегося чуждыми бытовыми чертами, *требует руководителей особенно мудрых, стойких и всесторонне знающих местные условия*. Это должны быть не только блюстители закона и спокойствия, но и *созидатели* по призванию, ревнители широко понятого национально-государственного дела.

Это сознавали, еще до присоединения Грузии, выдающиеся русские люди, как, например, Потемкин и представитель России при дворе царя Ираклия II, Бурнашев. В недавно вышедшей книге, посвященной последнему, много интересных черт, рисующих эпоху. И Бурнашев, и непосредственный руководитель его, командовавший северно-кавказскими войсками граф Павел Потемкин - истинно русские люди, верившие в русскую правду и доброжелательные к кавказскому населению, в противоположность современнику их, иностранцу-авантюристу Тотлебену.

«Труды ваши делают вам честь, и плоды их - славу имени и благодарность грузинского народа», - пишет Потемкин Бурнашеву. Он вмешивается даже в мелочи; например, узнав, что два царевича поссорились из-за какой-то княжны, он рекомендует Бурнашеву «потщиться объяснить им, что нет в свете такой девицы, за которую с братьями можно бы было ссориться». Замечает Потемкин малейшие промахи. «Получил я жалобу от князя Эраста Амилахварова, что лекарь, при вас находящийся, отнял у него жену и ему самому проломил голову. Исследуйте сие дело, *не допускайте своевольту начинаться в той земле, где должно ловить сердца и привязывать к себе*». Завет простой и великий.

Как человек, не допускавший своевольтства, первое место среди русских правителей края занимает, бесспорно, Ермолов. Гроза непокорных, строгий, но справедливый охранитель мирных интересов всего населения, которое он буквально *воспитывал в духе законности и порядка*, он первый понял значение русского народного элемента как начала, сближающего русскую власть в крае.

Ермолов изобрел и стал вводить в жизнь практичнейший из применявшихся доселе способов русской колонизации: он учреждал оседлость для женатых кавказских солдат в военных поселениях при штаб-квартирах; в 1826 году образовано было девять, так называемых, семейных рот; дело не обошлось без земельных споров с коренным населением; избирались места, удобные в отношениях военном, климатическом и сельскохозяйственном.

Администрация тогда сознавала, что нельзя, пересадив людей на чужбину, оставить их там на произвол судьбы; помощь оказывалась не на бумаге только, но и на деле. Плоды этой меры видны до сих пор, и если о чем приходится сожалеть, так это о менее широком и убежденном ее применении после Ермолова. Как ни завидовал Паскевич славе Ермолова, как ни старался показывать свое превосходство над ним, - пришлось, однако, следовать его предначертаниям в данном вопросе; но это служение русскому народному делу нашло противовес в колонизации некоторых частей Закавказья армянами, усердно начатой при Паскевиче и принявшей размеры прямо опасные, именно *теперь*, после того, как нежелательность ее весьма недавно еще признана даже с высоты Престола.

Аналогичная ошибка была, впрочем, и раньше сделана самим Ермоловым, просившим об образовании в Грузии колонии из «трудолюбивых немцев, которых бы добрый пример и очевидная от хозяйства польза вселили в местных жителей желание обратиться к подражанию». Дальнейшие события не оправдали этой надежды, так как колонии немецкие, создав свое благополучие на счет казны и туземных соседей, этим последним ничего доброго не привили, а местами лишь сделали из них холопов своих.

Полного расцвета достигают русские поселения, основанные дальновидным Ермоловым, при наместнике князе Воронцове, созидательный инстинкт которого в данном деле проявился более успешно, чем во многих других отношениях.

Если в заботах о русских народных интересах князь Воронцов шел по стопам Ермолова, то, во всяком случае, с меньшей последовательностью и настойчивостью. Он сознавал, например, государственную необходимость привлечь в Закавказье русских торговцев и капиталистов, но после первой неудачной попытки такого рода в Тифлисе мысль эту оставил и стал поддерживать армянских купцов и промышленников, открывая им широкий простор к обогащению и возбуждая в них предприимчивость. Он давал им подряды, места под магазины и караван-сарай, почти насильственно иногда привлекал их к выгодной самостоятельности.

Очень много сделал он для «европеизации», но вместе с тем и для *культурного обособления* местного общества: собирал его представителей на блестящих балах и вечерах, содействовал литературному развитию местных языков; при нем, например, открыт первый грузинский театр. Вообще период русского владычества от Ермолова до Воронцова включительно был счастливым периодом духовного расцвета населения края и, вместе, усиления русского дела... Между прочим, расцвела замечательная для такого усталого и небольшого народа грузинская поэзия. Имена Баратова, Вахтанга Орбелиани, а в более позднее время - князей Илии Чавчавадзе, Акакия Церетели и других весьма популярны на Кавказе, и произведения их переведены на многие европейские языки.

Будучи русским патриотом по чувствам и намерениям, князь Воронцов по складу ума и политической программе был, однако, скорее западно-европейцем, англоманом с аристократическими тенденциями. Он не только придал распространительное толкование грузинским феодальным взглядам и порядкам, но даже в жизни мусульманского населения, демократичного в силу своей религии и расовых традиций, ввел излишне аристократические элементы, ему несвойственные.

Непомерное размножение князей, беков, агаларов и т.п., в ущерб не только интересам жизни народной и разумному обрусению края, но и самим представителям высшего сословия, привело впоследствии к такому порядку вещей, в котором нельзя не усматривать политической и социальной опасности. Искусственно размножив высшее сословие, князь Воронцов положил начало его разорению посредством усложнения и вздорожания жизни. В связи с этим получилось и полное падение престижа того класса, на объединительную роль которого этот государственный деятель возлагал преувеличенные надежды. Существует даже предположение, что это была со стороны князя Воронцова не ошибка, а, напротив, - дальновидная политика, клонившаяся к ослаблению наиболее сильных местных элементов.

Тем не менее, имя его чрезвычайно популярно доселе в Закавказье, главным образом, в виду того, что он признавал законность и полезность самобытного культурного развития местных племен под русским владычеством и духовным влиянием. Кроме того, он не щадил средств и усилий для экономического подъема страны; близко входил во все нужды населения, с которым искал возможно более частого непосредственного общения. И теперь можно на Кавказе найти много простолюдинов, с восхищением вспоминающих о том, как с ними беседовал сам князь Михаил Семенович об их житье-бытье.

Громадное государственное значение имели процветавшие при князе Воронцове школы при военных частях; программа их была не широка, но проходила толково, а главное, в них имели важное значение *элементы воспитания и дисциплины*, ныне почти не существующие во всей русской школе сверху донизу. Из войсковых школ воронцовского периода вышла целая плеяда выдающихся полководцев, администраторов и общественных деятелей.

Эпоха реформ шестидесятых годов имела осложняющие, почти роковые последствия для русского дела в крае и для жизненного склада всего местного населения. И вводившееся ранее 60-х годов в некоторых местностях края, так называемое,

«гражданское управление» нанесло русскому делу немалый вред, именно потому, что на сцену выступили люди без школы и возникли учреждения без традиций. Старые устои рушились, а для новой созидательной работы не нашлось подходящего материала. Вместо обычаев и взглядов, органически выросших на своеобразной местной почве, были призваны нормировать жизнь *совершенно чуждые ей законы и кабинетные утопии*, которых и остальная-то Россия, сравнительно более близкая к западноевропейскому складу, доселе переварить не может.

Освобождение крестьян, по незрелому, наскоро скомканному плану, перевернуло вверх дном социальный порядок в местностях Закавказья, где оно царило с незапамятных времен. Вдобавок, этот скачок был сделан неумело, не до конца: доселе, хотя крепостное право юридически упразднено, оно существует на деле во многих местностях тифлисской и кутаисской губерний, где временно-обязанные крестьяне чувствуют большую тяготу зависимости от помещиков, чем если бы они были по закону их рабами.

Одновременно открылся широчайший простор для развития и преуспевания элемента, который и сам по себе нигде не имеет благотворного влияния на жизнь, а на Кавказе в особенности, так как профессиональные отрицательные черты осложняются там расовыми пороками и тенденциями. Речь идет о тех армянах-эксплуататорах, которые с шестидесятых годов особенно усердно и беспрепятственно принялись высасывать все соки из местного населения. Говорю здесь, конечно, не огульно, *не обо всем армянском народе, а о классе кулаков, ростовщиков, темных дельцов*, - представляющих собой сильно окрашивающий, характерный для этого племени элемент. И дворянин, и крестьянин оказались мухами в паутине этих хищников.

Чем резче социально-экономическая реформа, тем более должны служить приспособлению ее к жизни устойчивые, но гибкие государственные и общественные учреждения: администрация, суды, учебные заведения, печать и т.д. Между тем, все это было реформировано одновременно, и все изменилось к худшему с точки зрения интересов русского дела на Кавказе. Правовой формализм для народов, исторически приученных к скорому решению дел по существу; состязательный судебный процесс для людей, у которых есть в крови веками выработанная *спортивность*; передача главнейших жизненных вопросов из рук воинского класса, обладавшего в глазах туземного населения престижем недавних побед, - в руки духовно-мелкой кавказской бюрократии, среди которой и доселе непомерно велик процент отбросов; классическая система, с отказом от воспитательных задач, для детей племен воинственных, подвижных, исторически несклонных к большим дозам сухого книжного знания, страдающего очевидно неприменимостью к жизни; наконец, данайские дары русского общественного мнения и печати периода самоотрицания и утраты национального чувства - все это было, несомненно, *ядовитой духовной пищей с точки зрения русских интересов*. Нагляднейшим издевательством над этими интересами полна кавказская печать со времени шестидесятых годов. Даже то, что во внутренней России было суровой, но здоровой и благотворной по последствиям критикой изъянов нашей жизни, являлось и является доселе на кавказской окраине поводом к злорадному осмеянию, *к огульному отрицанию всего русского* в созидательном смысле этого слова.

Много влиял в этом направлении личный состав того прошлого русского элемента, который местные жители считали русскими деятелями. Между прочим, на Кавказ попадали недобровольно люди, политически неблагонадежные, не стеснявшиеся там в выражении своей ненависти ко всему русскому строю; местное население жадно слушало небылицы и резкие суждения, распространяемые такими людьми, настроение которых поддерживало или даже вызывало центробежные стремления среди нарождавшейся туземной интеллигенции.

В частности, на Кавказ разновременно было выслано или принято на службу довольно много *поляков*, не примирившихся с русской государственностью и не останавливающихся перед самыми иезуитскими средствами, чтобы вредить русскому

делу. Плоды их разрушительной работы и доселе можно проследить в некоторых местах. Являясь по мундиру и языку пришлыми русскими чиновниками, они эксплуатировали, притесняли и дразнили народную массу, роняя, опорочивая в ее глазах русское имя, а наряду с этим сближались с беспокойнейшими слоями разноплеменной туземной интеллигенции, порождая и обостряя в ней отрицательное отношение к русской государственности.

По многим признакам, *есть, в частности, серьезное основание утверждать, что некоторые местные волнения начинались не без польских внушений, и что армянская инсurreкционная программа, о которой будет сказано ниже, есть лишь выработанная в тридцатых и усовершенствованная в шестидесятых годах разновидность подобной же программы польского жонда.*

Отрицательное значение имел также наплыв *немцев* в ряды кавказского чиновничества, так как даже лучшие и лояльнейшие из них не могли обладать тем напряжением русского национального чувства и самосознания, которое необходимо на окраине, подлежащей культурному объединению.

Само собой разумеется, что окрашивающая среда должна быть, особенно при отсутствии численного преобладания, *богата красящими элементами.* Для космополитически настроенных немцев такая русская задача была не по плечу. Если только что высказанный вывод непонятен многим представителям русского правящего класса, то лишь в силу малого знакомства нашего с государственной наукой, вследствие слабости национального самосознания и достоинства. Сущность данного вопроса прекрасно понимают в Германии, где весьма искусно распределяют по всем нужным местам, именно *пруссаков*, как представителей государственного цемента.

Все, что создано на Кавказе шестидесятыми годами, - новые правительственные учреждения, классовые перемены, племенные соотношения, политические тенденции, перемены экономические и бытовые, - все это обошлось дорого интересам русского дела, да и большинства самого местного населения. *Ущерб, конечно, временный,* по крайней мере, что касается главного вопроса, т.е. *освобождения крестьян.* С точки зрения широких линий истории, с точки зрения *исконно-демократического призвания России,* это была мера *необходимая*, так как она призвала к самостоятельной жизни и творчеству в разных областях народную массу, дотоле подавленную и безличную; это само по себе посев, могущий дать богатые культурные всходы.

Но чтобы эти всходы не погибли и не выродились в нечто безобразное, противосоциальное и противогосударственное, надо было своевременно же принять *обдуманые меры к ограждению освобожденных рабов от новых форм эксплуатации* и к сближению вообще всего нового строя кавказской жизни с созидательными началами руководящего русского центра. Между тем, именно этого-то и не было сделано. Главная доля ответственности падает, однако, не столько на тогдашних высших представителей кавказской власти, сколько на руководящие идеи центра, на низкий уровень общественно-государственной науки в России, - вообще, на дух того времени, когда даже правительственные учреждения находились под гнетом всяческих утопий.

Единичные передовые деятели понимали неудобство, и даже опасность применения многих петербургских кабинетных тенденций к материалу, исторически им чуждому; таков был, например, видный государственный муж, попечитель кавказского учебного округа К.П. Яновский, мужественно боровшийся с крайностями ложно-классической системы и смягчивший ее применение. Но общее течение было слишком сильно и широко, и пагубные последствия его будут еще долго проявляться в местной жизни.

Одним из крупнейших последствий водворения правового порядка *где бы то ни было,* является *воцарение буржуазии* над всеми остальными народными классами и слоями. Недаром один немецкий ученый сказал, что *правовой либерализм есть исповедание буржуазии.* Вместе с тем, это и ее надежнейшее орудие, небезопасное для всякого государственного и социального организма.

Когда «законным» путем упраздняются все перегородки, мешавшие *господству беспринципных денег*, то расшатываются и принципы, на которых зиждется государственная власть, и обычаи, более глубоко, чем легко обходимый закон, нормирующие народную жизнь; *сводится к нулю даже самая свобода*, нуждающаяся для реального, а не бумажного только осуществления, в идейной защите со стороны лиц, независимых от власти денег.

Например, когда правительство, в стремлении к жизненной правде, предоставляет печати большую свободу, то представители господствующей буржуазии, не желающие распространения тех или иных идей, во-первых, *забирают в свои руки почти все влиятельные органы печати*, а, во-вторых, и другими путями, иногда прямо неисповедимыми, *всегда умеют помешать распространению того, что им неприятно*. В республиканской Франции по воле барона Ротшильда не попала на сцену пьеса «Вырождение», тогда как издевательство над христианской религией дозволяется и даже поощряется в каких угодно формах.

Очевидно, свершилось неизбежное: там служилый класс творит волю буржуазии.

Опасность осложняется, когда эта буржуазия принадлежит по преимуществу к племени, не заинтересованному в благополучии государства, или, тем паче, даже не желающему добра этому государству. Тогда получается паразитизм в отвратительнейших и опаснейших формах.

Паразитизм *восточный* осложнен еще тем, что он не знает меры, будучи лишен каких бы то ни было сдерживающих нравственных или социально-облагораживающих начал.

На Кавказе вопрос социально-экономический совпадает с племенным: *буржуазия состоит почти исключительно из армян*, составляющих на верхах этого класса сплоченную *стачку* и представляющих крупную социальную опасность для местного населения, а для государственного дела - *опасность политическую*, как это видно на примере нескольких восточных держав, инертность или неряшество которых открыли простор армянскому паразитизму.

Правовой порядок и всякие дальнейшие шаги по этому пути на Кавказе *только армянам и полезны*, так как многочисленные армяне-дельцы в течение многих веков практиковались в обходе каких угодно законов и властных распоряжений и в порабощении себе чужой воли, свободной или властной по виду, но *не подготовленной ни к свободе, ни к власти*. Все очутилось у них в кабале, не исключая большинства местных учреждений сверху донизу. Другие туземцы основательно ставят в укор России подъем армянского могущества, говоря, что, например, при грузинских царях об этом не могло бы быть речи, ибо тогда вопросы решались не кабинетно-теоретически, а на основании суровых требований жизни.

Тем не менее, и о шестидесятих годах местное население вспоминает с благодарностью и любовью, причем оба эти чувства вызываются не только проявившимся тогда подъемом культурных надежд и политических стремлений, но и симпатией к личности тогдашнего Августейшего наместника великого князя Михаила Николаевича.

Момент победы законного формализма над обычаем, мысли - над верой и чувством, вообще всего отвлеченно-формального над жизненно-привычным, нелегко обходится той среде, духовному складу которой такая перемена мало отвечает. Эта среда испытывает нечто вроде нравственного холода, - и тут-то имеет особую цену любовное, сердечное к ней отношение со стороны высших вершителей местных судеб.

Отеческая заботливость Августейшего наместника о нуждах кавказского населения, особенно туземного, доселе высоко ценится кавказцами, не упускающими случая выражать ему свою благодарность и вернопреданность, близкую к верноподданическим мистическим чувствам.

В этом была некоторая польза для русского дела, смягчавшая вред, нанесенный ему веяниями и системой шестидесятих годов. Но вред был громаден, даже прямо в политическом отношении, так как обособлявшиеся инородцы, сбитые с толку

«движением» и политическими мечтаниями той эпохи, проникались, так сказать, *«австрийским государственным идеалом»*, мечтали о «федерации» и усматривали в центральной фигуре властного наместника символ и оплот их сепаратизма. В отношении же бытовом, между прочим, русское народное дело пострадало в ту пору от того, что русские военные поселения были переданы из военного ведомства равнодушным гражданским властям - и с тех пор именно захирели.

Шестидесятые и семидесятые года на Кавказе ознаменованы началом более интенсивного насаждения цивилизации и экономического развития; и то, и другое, однако, по существу служило скорее *обособлению этого края, нежели прочному сближению его с центром*. Объясняется это отчасти духом времени, отчасти малым значением русской национальной идеи в глазах местных, да и столичных правительственных сфер того времени.

Например, *в течение многих лет откладывалось под разными предлогами соединение Закавказья с остальной Россией кратчайшим рельсовым путем*, а между тем была проведена Закавказская железная дорога, образовавшая, так сказать, совершенно обособленное от остальной России экономическое кровообращение края.

Русским капиталам, которые могли бы экономически связать окраину с центром, теперь, вследствие этого, уже более труден доступ к местному промышленному миру.

Бакинской инородческой и иностранной промышленности было предоставлено развиваться до таких грандиозных размеров, что теперешняя дорога от Беслана до Баладжар, с точки зрения национального объединения, является мерой *более чем запоздалой*, и может скорее послужить, в итоге, усилению местного обособления, путем воздействия бакинских миллионов на петербургские сферы и печать, нежели распространению русского культурного влияния на Закавказье.

Весьма интересно отметить, как отразилось сооружение Закавказской железной дороги на положении отдельных местностей и племен. Выиграли от нее исключительно армяне, экономически захватившие в свои руки Баку и Тифлис.

Так как в другой картвельской столице, Кутаисе, их сравнительно мало и экономическое влияние их ничтожно, то *Закавказская магистраль обошла Кутаис, под предлогом ускорения персидского транзита*, и некогда цветущий город все более утрачивает прежнее экономическое значение, несмотря на несомненную способность его обитателей к промышленности и торговле.

Армянские промышленные фирмы и банки заняли господствующую позицию в Поти и Батуме, - черноморских конечных пунктах дороги, оказавшейся, таким образом, целиком в их руках.

С другой стороны, рельсовый путь объединил между собой разрозненные дотоле ветви картвельского племени, в котором с тех пор замечается большее духовное обособление, принимающее иногда нервные политические формы.

Если бы вместо Закавказской дороги, или хотя бы одновременно с ней, была проведена перевальная дорога через главный хребет к Тифлису, картина местной жизни, несомненно, была бы иной, гораздо менее безотрадной с точки зрения русских национально-государственных интересов. Главное кавказское начальство, по-видимому, во все времена не особенно горячо относилось к установлению удобного и скорого сообщения между Тифлисом и Петербургом. Это вопрос... окраинной психологии, особенно кавказской, на почве персидских административных традиций. Чем дальше от контролирующей центральной власти, тем легче дышится. Но даже и искренние ревнители сближения окраины с центром не умели смотреть в корень вопроса.

К сожалению, не только в ту пору, но и доньше *национальное значение капитала недостаточно создается, а нередко и сознательно игнорируется подлежащими сферами*. В чьих руках деньги, тот - истинный хозяин положения, особенно, если служилый класс материально плохо обставлен, а общественное мнение не обладает национальной устойчивостью. Яркие примеры пагубного господства инородческих капиталов мы видим

даже в таких государствах, как Франция и Австрия, где экономическая самостоятельность коренного населения вдесятеро сильнее, чем у нас. Этот урок, очевидно, не понят или намеренно затушевывается людьми, утверждающими, что капитал, по существу, внационален и везде имеет объективно-благотворное значение. Такое утверждение, кстати сказать, далеко не всегда бескорыстно...

Но и с точки зрения объективной, не национальной гражданственности, Кавказский край начал развиваться с шестидесятых годов ненормально, негармонично, - и попадающее местами внешнее благоустройство сопровождается, с одной стороны, пережитками глубокой дикости, с другой же - симптомами такого острого общественного разложения, какое возможно лишь на почве азиатской растленной нечистоты, накопившейся за много веков тьмы и косности. Чтобы разобраться в этом хаосе, необходимо всмотреться порознь в жизнь и характерные черты хотя бы главных племен, населяющих Кавказ.

При выполнении такой задачи приходится обратить особое внимание на терминологию и отказаться от некоторых из тех наименований и обобщений, которые уместны в будничной речи. Например, слово *туземец* уже не годится, если мы хотим добраться до сути вещей. Оно придумано ленивыми, прямолинейными или недобросовестными кавказскими чиновниками, чтобы формальным признаком, отвечающим целому ряду разнообразных, неравноценных и часто противоположных понятий, оправдывать меры, - либо не жизненные, либо недобросовестные и, во всяком случае, вредные.

Если разделить население Кавказа на группы обширные, но сколько-нибудь цельные и окрашенные руководящей идеей, то таковыми группами явятся: грузины, как основная, государственная народность в крае, близкая нам по духу и по происхождению своей культуры; армяне, как элемент, гораздо более чужой для нас и, в лице своей наступательной буржуазии, враждебный всем народностям Кавказа; мусульмане, главным образом, двух категорий: азербайджанские татары, бывшие под сильным влиянием Персии, и мусульмане-горцы, духовный мир которых сложился под влиянием резких условий природы и резких требований ислама. Грузины-мусульмане и турки здесь в расчет не принимаются, за их малочисленностью.

Все эти коренные народности края не разрознены, а тесно переплетены друг с другом, частью органически, как армяне с грузинами и мусульманами, при помощи смешанных браков и многовекового невольного скрещиванья, частью посредством бытовых явлений, как горские грузины с прочими горцами на языческой подпочве, или армяне-торгаши с различными соседями, путем эксплуатации этих последних. Наконец, остаются *русские*, составляющие в Закавказье слишком 2% населения края и подразделяющиеся на целый ряд различных категорий; тут и высокие люди с протекцией, влияющие на судьбы края, не имея ни малейшего с ним делового знакомства; тут и доблестные, прямодушные русские воины, и кучка честных, образованных людей, и сектанты, упорно сохраняющие национальные особенности, и многострадальные переселенцы. Наконец, всякого рода и звания люди, которые настолько в дурном смысле окавказились, что утратили национальное чувство и понимание русского дела.

3. Братья-грузины

Недаром воспета нашими поэтами прекрасная Грузия, страна древних храмов, башен, цветов, песен и преданий! Иверская земля - удел Приснодевы, край св. Георгия, - по персидски «Гурджистан», о котором много веков тому назад с заочной любовью говорили наши благочестивые предки как о древнем очаге Православия. Страдания маленького героического народа за веру и самобытность находили отголосок братского сочувствия в

сердцах северных единоверцев. Сближение все росло, особенно с тех пор, как Россия взяла на себя задачу третьего Рима, и завершилось добровольным присоединением карталино-кахетинского царства к России сто лет назад. Это было присоединение *добровольное*, не в кавычках, не такое, как со стороны невольно кокетничающих с нами среднеазиатских мелких государств, а серьезное. Положим, в конце XVIII века грузинское царство несколько раз «отдавалось в подданство» России, причем грузинские цари оставались на престоле и внутренний строй Грузии не изменялся; стало быть, понятие «подданства» истолковывалось, по меньшей мере, неправильно: оно давало право на защиту Грузии русским оружием от хищных азиатских соседей и налагало на грузин только обязанность... защищать свою родину от тех же врагов, да доставлять провиант русским войскам. Строго говоря, такое «подданство» не было даже типичной вассальной зависимостью, а более походило на союз слабого с сильным, в видах самозащиты. Надо отметить также, что многочисленные представители грузинского царского дома не сочувствовали состоявшемуся на заре XIX века *радикальному* решению вопроса о фиктивном дотоле подданстве, да и некоторые грузинские феодалы полагали, что Грузия должна была бы присоединиться к России не по манифесту, а *по двустороннему договору*, т.е. на началах особой автономии, или хоть полунезависимости. Такой взгляд существует и теперь; он даже усиленно, но довольно безуспешно пропагандируется теми грузинами, которые заразились армянским по духу сепаратизмом и выполняют, не всегда бескорыстно, его кавказскую противорусскую программу. И во время присоединения Грузии, и в последующие годы бывали там беспорядки на почве политических увлечений и недоразумений, повторение которых не невозможно и в будущем, под влиянием зарубежных воздействий и, порой, нетактичного управления краем. Но все это, в итоге, ничтожно и *не отклоняет широких линий истории*. Дело в том, что грузинский народ, во главе с подавляющим большинством своих руководителей, присоединился *добровольно, безусловно и навсегда*. Он выполнил свою историческую миссию, подчинился стихийной воле своей страдавшей души, присоединившись к России на основе *единоверия*.

Пока мы дорожим своей верой, Грузия нам духовно близка. Эта связь запечатлена также потоками рыцарской грузинской крови, пролитой под русскими знаменами на ратном поле в борьбе за наше общее дело, за мировую задачу третьего Рима, задачу *православной культуры*. Пока мы верим в эту задачу и придаем значение своим знаменам, мы должны смотреть на грузин, как на братьев, и видеть в грузинском народе *один из естественных вспомогательных рычагов указанной задачи в Передней Азии*.

Положим, за истекшее столетие, под влиянием целого ряда условий, дела этих братьев испортились, характер их стал менее приятным, и ежедневные отношения с ними не обходятся без поверхностных недоразумений. Тем более необходимо разобраться во всем этом, чтобы жизненные мелочи не покрыли и стерли своим мусором *широких линий* нашей культурной истории, чтоб ничтожное не сгубило великого, подобно тому, как мыши прогрызают картины бессмертных мастеров.

Грузины, или, точнее, картвельцы, живут в губерниях тифлисской и кутаисской. В тифлисской - грузины и кахетинцы; в кутаисской, за Сурамским перевалом - имеретины, рачинцы, мигрельцы, гурийцы, аджарцы и т.д. Засурамские картвельцы по типу, темпераменту и чертам характера настолько разнятся от грузин, что некоторые знатоки края считают их совершенно другим племенем. Грузины солиднее и устойчивее; засурамские картвельцы менее надежны во всех отношениях, но живее, бойчее, предприимчивее. Они доставляют главный контингент нарождающейся грузинской по языку буржуазии.

Происхождение грузин не выяснено, что свидетельствует о чрезвычайной древности этого племени. По-видимому, оно, вдобавок, не совсем однородное, судя по именам, историко-географическим данным и разнообразию грузинских физических типов. Древняя царица массагетов носила имя Тамариссы, т.е. Тамары, Грузия называлась, как и часть Пиренейского полуострова, Иверией или *Иберией*; и доселе, если всмотреться в духовный

и физический облик грузина, то его нетрудно принять за испанца, романизированного потомка кельт-иберов. Наряду с этим имеются сведения о грузинских селениях в Северной Африке и Абиссинии. В языке грузинском, в pendant к этому, имеются намеки на то, что народ, говоривший этим языком, жил в стране очень жаркой, *где вода была высшим благом*; так, почти все *главные* жизненные понятия, - благодать, милость, несчастье, - связаны со словом «цкали», вода. Милость - по-грузински «цкалоба», несчастный - «сацкали», в буквальном переводе «принадлежащий воде», «несомый водой»... Такие метафоры обыкновенно не лгут. В более позднее время грузины, несомненно, породнились с евреями, которые попали в ту местность во времена навуходоносоровы. Доселе в Имеретии немало евреев, которых почти невозможно по внешности отличить от местных картвельцев. Житие св. Нины, просветительницы Грузии, свидетельствует о присутствии многих евреев в Мцхете, древней столице этого государства. Масса библейских названий местных селений доселе подтверждает это.

Грузия начинается с севера подле станции Казбек: там своего рода Запорожье древнего Иверского царства. Монастырь на горе, за Терekom, названия селений, как, например, *Степанцминда*, или св. Стефан, *Сион* и т.п., - все говорит о свете св. Нины, воссиявшем среди этих угрюмых гор. Но с точки зрения этнографически-бытовой, настоящая Грузия начинается южнее, а ее дуновение или предчувствие - только с Гудаура.

За перевалом, позади
Сурово-мощные громады,
Снега, обвалы, водопады,
Туманы, грозы и дожди...
Здесь - дуновение отрады!
Хоть порубежный Гудаур
Еще задумчив, или хмур,
Но очертаньем горных далей
Так нежно манит южный склон!
И ветерок уж напоен
Благоуханием азалий.
Узоры мягкие хребтов
Лежат застывшею волною,
Почти сливаясь с синевою
Небес и дымкой облаков.
И в сердце смутное волненье:
Как будто взвиться чрез мгновенье
Волшебный занавес готов
Над лучезарною страной
Святынь, венчанных стариною,
Восторгов, песен и цветов!¹

Это стихотворение - плод мгновенно вспыхнувшего чувства и потому неполно. Всмотревшись в Грузию поближе в облик природы и людей, нельзя не почуять глубоких следов *страдания, и многовекового, и нынешнего*. Какой-то рок тяготеет над страной, с виду созданной для блаженства.

История Грузии - сплошной мартиролог. Шекспир мог бы там почерпнуть сюжеты, неопценимые по трагизму. Как выше сказано, государства в настоящем смысле не было. Власть царей оспаривалась своевольными, грозными феодалами, властвовавшими над народом. Монастыри были в значительной мере крепостями и религия - сокровищем, которым народной массе не приходилось пользоваться полностью, так как главные усилия были направлены к его сохранению от внешних врагов. Феодал - епископ, кроме того, нередко бывал именно более феодалом, нежели служителем алтаря. Если можно так

выразиться, *широкие линии души*, под влиянием борьбы за веру, насквозь прониклись христианством, но мелкие черты характера и бытовые условия во многом остались *языческими*, и Церковь вынуждена была примириться с ними: доселе, например, есть в некоторых местностях родовая кровная месть, доселе приносят животных в жертву Богу. Внешней безопасности не было, и нередко царям и феодалам приходилось то откупаться благами земными, невольниками, лестью, и, наконец, даже изменой вере, от хищных турецких и персидских властителей, то, признав власть этих последних, внезапно изменять им во имя народной самобытности или своих личных интересов.

Феодализм и родовое начало крепко укоренились. Во всей грузинской летописи, - *картлис-цховреба*, - это проходит красной нитью, и *о народе, как об активной силе, почти нет упоминаний*. Тем не менее, это - сила живая и сознательная, как видно из великолепного народного творчества, - песен, сказок, благородно-мудрых пословиц и колоритных преданий.

Грузинские простонародные волыночники, «мествирэ», - удивительные импровизаторы-поэты. Язык народа - сокровищница поэзии. Грузинские крестьяне мыслят образами, говорят философскими афоризмами. У одного хизана, - безземельного арендатора-крестьянина, погибла половина стада. Он смирился перед бедой и сказал: «Благодарение Господу! Он принял меня в братья, половину моего достояния взял Себе!...» Вот несколько характерных пословиц: «Между честными врагами посредник - совесть»; «у лжи короткие ноги». Высокое понятие о правде, но наряду с ним есть и пессимистическое, не без юмора: «Если хочешь сказать правду, держи наготове оседланную лошадь»...

По меткому замечанию одного молодого писателя-грузина, князя Авалова, *феодализм спас грузинскую народность*. Если царь покорялся какому-нибудь иноверному повелителю, то это не было еще подчинением Грузии, так как мудро было овладеть всеми замками феодалов и вырвать с корнем племенную самобытность. Но феодальная анархия мешала развитию государственно-народной культуры. Эта последняя расцветала лишь во время кратких проблесков сильной монархической власти. Такие проблески, и притом весьма яркие, связаны с именами царя Давида Возобновителя, Царицы Царей (шах-ин-шах, или, по-грузински, мепис-мепе) Тамары Великой, позднее - Георгия Блистательного, и, наконец, Ираклия Второго, вступившего в подданство России на вассальных началах при Екатерине Великой. При этих монархах культурные семена, таившиеся в народе, давали урожай, что называется, сам-триста; страна покрывалась величественными храмами, в церквях появлялись священные предметы и книги с миниатюрами несравненной красоты. Звучали бессмертные стихи вдохновенных поэтов, как, например, поэма Шота Руставели «*Человек, одетый в барсову кожу*», отличающаяся неувядаемой прелестью изложения и обаятельной мудростью; она переведена на главные европейские языки (особенно хорош немецкий перевод Артура Лейста - «*Der Mann im Tigerfelle*»), и только на русском языке не имеется ее полного стихотворного перевода.

Народ оценил своих царей, дававших ему правду и покой. Все, что пленяет его взор, - храмы, развалины башен, загадочно-красивые места, - связывается с именем великой Тамары; царя Ираклия II, грозу персиян и турок, народ фамильярно называет «патара кахи», маленьким кахетинцем. На этих примерах видно, как глубоко демократична основа всякой сильной монархии.

В исконном социальном строе грузин был весьма крупный изъян, за который им пришлось пострадать, да и еще, быть может, придется поплатиться, если не существованием, то, во всяком случае, благополучием целого племени: *у них не было собственной буржуазии*. Промышленниками, торговцами и ремесленниками в немногочисленных грузинских городах были преимущественно иноверные и инородные армяне, укрывавшиеся под защиту грузинского меча от мусульманских преследований. Они играли у грузин отчасти ту же роль, какую тля играет у муравьев: пользовались миром под защитой грузинского меча, накапливали богатство, а по временам невольно

делились этим последним со своими властителями, перед которыми трепетали в раболепном страхе. Покойный кавказский генерал Кишмишев, горячий армянский патриот, с озлоблением рассказывает в одной брошюре, что, когда богатые армяне отказывались давать требуемые феодалами деньги, то князья опускали их в мешках в быстротечную Куру и грозили утопить в случае неповиновения; по слухам, в числе пострадавших были предки названного автора. Способ вымогательства, конечно, сам по себе непохвальный, но находившийся, по-видимому, в тесной логической и бытовой связи с одинаково непохвальным способом, которым армянская буржуазия приумножала и доселе приумножает свои богатства, плоды зачастую явно-неправого стяжания.

Грузинские цари и князья не были беспочвенными доктринерами правового порядка: они чутьем понимали, что денежный феодализм, *капитализм - есть враг государственности*, когда выходит за благоразумные пределы. Заправский феодал не так страшен, ибо всегда известно, где его можно найти и как его в руки взять; «феодал капитализма» страшнее, потому что неизвестно, каких царских слуг он подкупит, каких вооруженных людей наймет, каким интересам народа, особенно чужого ему, он изменит ради своих выгод. Тогда подобные вопросы решались просто, и нужно сказать, что при соблюдении человечности и умеренности, это было резоннее, чем социально-экономический хаос, царящий в большинстве современных государств, облагодетельствованных европейской цивилизацией.

Так или иначе, армяне в самостоятельной Грузии не представляли для грузин такой роковой опасности, какую они представляют теперь, при отвлеченно-принципиальном в теории, а на практике - зачастую беспринципном современном управлении краем. Тем не менее, и тогда отсутствие у грузин собственной буржуазии, роль которой армяне выполняли паразитически, *было в основе так же ненормально, как если бы одному человеку вставили желудок другого человека, тайно работающий в пользу этого последнего*. Пример, невероятный в единичной жизни, но бывавший в государствах; такая аномалия была одной из причин падения Польши, где экономическая область была захвачена евреями.

С той же аномалией не мешает познергичнее бороться и нашему государству, тем более что времена теперь гораздо более острые и менее богатые инстинктивным государственным смыслом: инородческая буржуазия - *значит господство противорусских разлагающих идей и в печати, и в школе, и в общественных учреждениях, и даже в служилом классе, всегда мало обеспеченном*; единичные люди, стоящие у тех или иных деловых шлюзов, могут не устоять перед пением таких сирен, как какой-нибудь еврейский банкир или армянский нефтепромышленник. Это уже и замечается...

Часть грузинских армян, племенной чертой которых является не только экономическое пронырство, но и бюрократическое пролазничество, воспитанное безнравственной персидско-турецкой служилой школой, проникла в грузинский служилый класс и даже в знать. За исключением двух-трех случаев, это была грубая ошибка со стороны грузинских царей, признак их слабости, а зачастую - подкупности многих властных лиц, не исключая самих венценосцев.

Характерны, между прочим, слова одного из последних грузинских царей об армянском семействе Коргановых². Кто-то пришел к царю с челобитной на одного из них, царь признал правильность челобитной и виновность Корганова, но отвечал, что ничего с этим поделать не может: *«Это люди ядовитые; вот на Сололакской горе лежит мертвый Корганов. Волки вокруг него ходят и нюхают, а дотронуться боятся! Что же прикажешь мне делать с живым?!»*

История показала грузинам, что нельзя доверяться людям, у которых есть природная склонность к шпионству и измене: армянские мелики Або и Меджнун, облагодетельствованные Ираклием II, который укрыл их от персидских гонений, в роковую минуту предались персиянам и были проводниками полчищ Ага-Магомет хана, разграбивших и заливших потоками крови Тифлис в 1795 году. Этот факт полезно

вспоминать, когда армянские публицисты слишком настаивают на том, что армяне ревностные *христиане*...

Отсутствие собственной буржуазии весьма опасно любому народу в наши дни, когда экономические вопросы имеют преобладающее значение; насущно необходим такой класс людей с промышленной энергией, который бы пополнялся не только снизу, но и сверху, т.е. представителями дворянства, приспособляющимися к новым условиям; в противном случае разоряющиеся дворяне будут падать прямо «на дно», а народная масса будет в кабале у инородных эксплуататоров. От этого зависит уровень всех культурных учреждений и форм жизни: и церковь, и школа, и печать, и благотворительность, - все это слабеет без материальной и идейной поддержки со стороны энергичного промышленного класса. Образованность падает - и это немудрено: учебные заведения находятся в городах - и захолустному деревенскому жителю, даже обладающему большим, но малоодоходным имением, мудрено жить на два дома, чтобы воспитывать сына в гимназии, или хотя бы готовить его туда; а платить за полный пансион ребенка - дорого, да и дитя отрывается от семьи; любой же мелкий приказчик, фактор, духанщик из армян, живя в городе, может почти без затрат довести своего сына до университета. Когда такая разница в положении проявляется в большом числе фактов, то в результате *целая народность отстаёт* в культурном отношении и теряет крупные шансы в борьбе за существование. В данном случае, с русской государственной точки зрения, это весьма невыгодно, т.к. грузинская народность в Закавказье является ближайшей нам по духу и основам культуры, обладает высокими нравственными традициями, а, кроме того, как видно из целого ряда отчетов попечителя кавказского учебного округа, отличается большими способностями к научному и нравственному развитию, чем все прочие местные племена.

В начале XIX века прочно водворяется в Грузии русская власть, принося блага мира и открывая простор всестороннему развитию края. Однако для своеобразной Грузии мир оказался благом не безусловным, а относительным. Во всяком случае, несомненно, что он принес и кое-какие отрицательные явления. Во-первых, в дни постоянной опасности грузины проводили большую часть времени в горах, а с наступлением мира прочнее осели в знойных долинах, где лукавым врагом их явилась *малярия*, убийственно влияющая на здоровье; преемственные следы малярии можно встретить теперь даже на личиках новорожденных детей.

Во-вторых, хотя виноделие и процветало издревле в Грузии, но хроническое отсутствие безопасности мешало злоупотреблять его плодами. Тогдашние пиры были редки и торжественны, как праздники победы или спасения. Традиционная песня «мравалжамиер» (т.е. многолетие) заканчивалась (и доселе заканчивается у грузин-горцев) словом *аминь* и крестным знаменем. Теперь, когда пируют иначе и, от безделья, слишком часто, она стала простой застольной песней, и торжественный церковный мотив ее нередко сменяется бесшабашно-веселым. Злоупотребление пирами - не шутка: в некоторых местностях можно видеть немало детей, *возникших в момент нетрезвости отцов*. Это, по меньшей мере, скверно влияет на волевые центры множества людей, и притом *в такой исторический момент, когда нужен серьезный систематический труд, нужна вдумчивая самодеятельность*.

Необходимо отметить характерный, весьма отрадный симптом, все чаще встречающийся в Грузии: молодежь чувствует нередко *отвращение к вину*; можно подумать, что здесь говорит расовый инстинкт самосохранения. Надо надеяться, что он принесет добрые плоды.

Очень жаль, что у нас еще сравнительно мало наблюдают за психофизическим состоянием населения в разных местностях Империи; особенно важны были бы систематические наблюдения на окраинах с пестрым населением, где выводы на основании точных данных могли бы иметь не только практически-государственное, но и общенаучное значение. В частности, такое дело, хотя и в ограниченных размерах, но при возможности значительной полноты характерных данных, сподручно начальству учебных

заведений, особенно закрытых. В Тифлисе в конце 90-х годов был во главе местного кадетского корпуса видный педагог И.Д. Смирнов, ведший глубоко-интересные записки, богатые весьма ценным материалом такого рода и остроумными выводами, но, к сожалению, доселе не напечатанные. В частности, он обратил сочувственное внимание на грузинскую учащуюся молодежь и заметил, что в этом подрастающем поколении весьма часто происходит следующий ряд перемен: маленький грузин лет 14 или 15-ти отличается необыкновенной восприимчивостью к жизненным и научным впечатлениям, находчив, боек, доступен педагогическим воздействиям; затем, около указанного возраста, совпадающим с ранним на юге половым созреванием, он как-то привядает, тупеет, утрачивает интерес к науке, а иногда проявляет те или иные порочные наклонности; через два-три года он несколько оправляется от этого явления, которое можно назвать недугом, но задатки прежних духовных сил уже не восстанавливаются, и выходит довольно шаблонный юноша, словно несущий отпечаток какой-то болезни. Очевидно, тут влияют и природа вообще, и малярия в частности, и результаты наследственного алкоголизма, выражающиеся в ослаблении волевых центров, и крайний недостаток домашнего надзора за мальчиками в острый период первых страстей, ничем и никем не сдержанных.

Чтобы завершить перечень перемен психофизических, не мешает сообразить, что многовековая война выработала в нервной системе грузина черты, не находящие себе теперь применения и потому извращающиеся; удаль и рыцарский блеск нашли себе применение в кутежах, карточной игре, кровавых ссорах, тщеславной роскоши выше средств и т.п.; все круче становится наклонная плоскость, ведущая от прежних подвигов к бесславной гибели или скамье подсудимых: всматриваясь в лица людей, сидящих на ней, нельзя отрешиться от чувства мучительной боли: так наглядно, что многие из этих сегодняшних преступников, при иных условиях, были бы героями; в них действует не злая воля, а взрыв бесцельной и безысходной нервной энергии.

В государстве, где понятие экономии народной жизни более разработано, этой стихийной силе дали бы применение, либо как войску на другой окраине, либо в каких-нибудь иных сферах, например, мореплавании и т.д., где нужна дисциплинированная удаль, как творческий элемент. Теперешние кавказские власти упустили случай поднять, например, вопрос о том, чтобы из обедневшего безземельного, кутающего контингента кутаисских дворян, *составить дружину* во время китайской войны, или *ряд станиц на границе Манчжурии*.

В древней Греции государство искусственно развивало те черты, которые мы на Кавказе получили даром и которым мы предоставляем *мельчать и гнить*, с явным вредом для общественной безопасности, для неповинного народа и для русского государственного дела.

Необходимо еще отметить одно весьма характерное явление. Грузины любят служить у себя на родине и горько сетуют, если, по окончании курса в высших учебных заведениях, им это не удастся: они склонны в этом видеть «обрусительную политику», хотя она тут совершенно не причем. Ведь никакой уроженец Полтавской или Тамбовской губернии не требует, чтоб ему давали место непременно там, где он явился на свет: в наше время перепроизводства ни к чему не подготовленной дипломной интеллигенции он благодарен судьбе, если ему вообще дадут какое бы то ни было место. А грузину желательно непременно «устроиться» в Грузии. Между тем, именно там-то ему и труднее всего сделать что-нибудь путное, быть полезным народу и выдвинуться по службе, так как многие условия местной жизни этому сильно мешают. Страна все еще переживает *болезненно-переходное состояние*. Старый строй рушился, а к новому население не приспособилось. Прежние нравы и обычаи отмирают, т.е. именно *гниют и мельчают*; остаются в силе только деспотичные мелочи и формы, уживающиеся преимущественно с отрицательными сторонами новых понятий. Сплошь да рядом можно встретить «интеллигентного» грузина, в сознании и чувствах которого перепутались родовые счета и феодальная амбиция с шаблонными формулами более или менее крайнего

«либерализма». Творчеству, под давлением таких внутренних противоречий, мудрено возникнуть и разрастись на зыбкой почве смены понятий и настроений. Грузин-юрист наталкивается на неискоренимое родовое начало, охранитель казенных земельных интересов - на органическое, стихийное к ним неуважение, ревнитель крестьянского блага - на пережиток упорных феодальных инстинктов, писатель - на ревнивые требования племенного обособления. Всюду и во всем - препятствия широкому взгляду на общегосударственные и человеческие интересы, без которого немислимо принципиально-обоснованное прогрессивное творчество. Если прибавить к этому мстительность людей, считающих себя обиженными, и назойливость тех, кто чего-либо домогается в ущерб закону, то можно себе представить, как тяжело приходится любому кавказскому деятелю-грузину, связанному с местными обывателями родством, соседством, приязнью, или хотя бы враждой. Доносы, приставастья, угрозы, - целый ад!.. Если область, в которой он работает, не затрагивает кровных интересов его земляков, то и тогда ему трудно систематично работать, потому что ему *не дают* смирно посидеть за письменным столом то гости, требующие радушного приема с вином и пением, то приятели, зовущие его в гости на вино и пение. Климат разнеживающий, обычай обленяющий и отвлекающий от серьезного дела, и многое множество людей без дела, призвание которых как будто состоит в том, чтобы мешать ближним работать.

Весьма замечательно, что грузины оказываются талантливыми деятелями на разных поприщах именно при условии отдаления от родины. Примеров много бы можно привести, но я остановлюсь на одном, весьма ярком и поучительном с начала до конца. Один князь, проводивший время в кутежах, убил совершенно зря какого-то скромного обывателя, имевшего несчастье зайти в туземный ресторан и навлечь на себя внезапный гнев этого «рыцаря»; преступника сослали сперва в Сибирь, а затем в одну из южных губерний Европейской России. В обоих местах ссылки он стяжал всеобщее уважение и сочувствие своей порядочностью, трудолюбием и полезной деятельностью; так, например, на юге России он принялся обучать население шелководству, огородничеству и виноградарству и стал близким советником губернатора в его заботах о подъеме народного благосостояния. Вдруг с Кавказа пришла весть о том, что мать ссыльного князя умирает. Ему разрешили съездить на родину - и по пути он заглянул к находившемуся тогда во Владикавказе известному боевому генералу и администратору князю Н.З.Чавчавадзе, чтобы просить его содействия для исходатайствования ссыльному полного помилования. Князь Николай Зурабович получил так называемое «чапарское воспитание», т.е. никакими дипломами не обладал, но был человек самостоятельно образованный и необычайно умный. Он участливо посмотрел на просителя и сказал ему: «И с какой стати это тебя, глупого, тянет в Грузию?! Пользовался бы тем, что на чужой стороне можешь спокойно работать, ума-разума набираться и чему-нибудь учиться! А попадешь на родину - и опять станешь копителем неба, а, пожалуй, и еще раз дойдешь до преступления. Во всяком случае, быть полезным человеком тебе там вряд ли удастся». Но ссыльный, встосковавшийся по родине, не унимался, - и маститый князь уступил: исходатайствовал ему полное помилование. И предсказание его сбылось, как по писанному! Прощенный ссыльный получил недурное казенное место на родине, но затем весьма скоро его потерял по собственной вине и стал хозяйничать на клочке наследственной земли; пошли сперва соседские пирушки, потом попойки в городах, и, наконец, какой-то собутыльник распорол ему живот кинжалом. Пострадавший остался жив, но, конечно, еще отдалился от возможности быть «полезным человеком»...

Жизнь грузинского общества, особенно высших его классов, резко меняется к худшему, *строй разлагается*, и именно вследствие рокового несоответствия между исторически-выработанным характером народа и новыми социально-экономическими условиями, не говоря уже о законах. Утрата *почвенных* нравов и обычаев не может не вести к разложению. Перемена образа жизни сразу не дается. Спортивность и органическая жажда сильных нервных впечатлений, не находя прежних форм для своего

удовлетворения, переходит не только в обыкновенную преступность, но и в увлечение *анархическими утопиями*. Грузинскую молодежь, в душе вполне лояльную и вообще очень симпатичную, весьма нетрудно смутьянам подвинуть на резкие выходы с печальными последствиями: иногда достаточно для этого сказать, что та или иная авантюра ведет к славе, что грузинам следует быть «передовым народом» и т.п. Народная масса, особенно за Сурамом, т.е. в Имеретии, Мингрелии, Гурии, также довольно чутка к анархическим напештываниям; в Гурии (Озургетский уезд) уже довольно давно аграрные отношения приняли чрезвычайно острый характер. С одной стороны, заметный рост общей преступности, с другой - социалистические бредни, с третьей - преступные же колоритные формы старых хищных инстинктов и понятий, - все это создает небезопасную в близком будущем *массу горячего материала* в западной Грузии, напоминающей то Италию с ее карбонариями, то Корсику с ее кровавой анархией и своеобразно-диким колоритом. Маленькая книжка Проспера Мериме «Colomba», рисующая корсиканские нравы, заставляет переноситься мысленно в засурамскую Грузию. Между прочим, характерная грузинская черта - необычайная *театральность* всего населения, сверху донизу. Грузины, особенно западные, - прирожденные актеры, поэты, художники. В них говорит и сильная, красивая, резкая природа, отражающаяся на их духовном складе, и полная приключений история: приключения и склонности предков *претворяются* у потомков в игру фантазии и именно в *органическую художественность*. Когда это приобретает значение и размеры массового явления, то, значит, нервы целой народности постоянно возбужденны, восприимчивость получается болезненная...

Интересной иллюстрацией к изложенному может послужить следующий факт. В 1895 году был зверски убит в Кутаисе огромной толпой евреев некий Лука Костава. Мать и вдова убитого явились в Кутаис с распущенными волосами, исцарапанными грудями и воплями ярости. Один вид их мгновенно взбудоражил все население, произведшее немедленно гигантский разгром еврейского квартала. Вся местная интеллигенция была на стороне громил; говорили о ростовщицьем гнете главных еврейских тузов над местными обывателями, о предосудительном амикошонстве богатого еврея Цициашвили с одним местным администратором (вскоре уволенным в отставку), и т.д.; антисемитизм был повальный. Прошло несколько лет; петербургские евреи и их прислужники устроили известный скандал в Малом театре на представлении «Контрабандистов» - и та же пьеса вызвала вскоре аналогичный скандал в кутаисском городском театре: недавние «убежденные» антисемиты явились защитниками дурных инстинктов еврейства. В обоих случаях главную роль играла именно нервная восприимчивость и *театральность*, в связи со склонностью фрондировать...

Вникая в самую глубь области чисто-психологической, следует отметить, что мир и новые условия жизни крайне пагубно отразились на грузинской *Церкви*. В течение многих веков религия запечатлевалась кровью мучеников, и вера была подвигом. Автокефальная грузинская церковь, несмотря на наличие епископов-феодалов и неразработанность богословия, озарялась самосознанием. С наступлением мира, *вера утратила трагический характер*, свойственный самому существу христианства, и *потому оскудела*. Автокефальная Церковь, в силу здравых государственных соображений, была упразднена, и ее огромные земельные имущества были взяты в казну. Положим, последнее состоялось по ходатайству самого грузинского духовенства, сознававшего свою неспособность управиться с ними. Это бы и не беда, если бы рядом с урезанной грузинской Церковью не высилось в Эчмиадзине внушительное здание *армянской теократии*, богатой землями и деньгами (управление которыми лишь весьма недавно передано в ведение казны), политически организованной и нередко ведущей *открытую борьбу с русской властью*. При виде такой картины, подзадоривающей сепаративные чувства в каком угодно народе, грузины, невзирая на только что обнародованную реформу управления армянскими церковными имуществами, *все еще вправе* вывести заключение, что на Кавказе *выгодно быть иноверным*.

Наконец, и это соображение отступило бы на второй план, *если бы Православие пользовалось в крае достаточной заботой и вниманием служилого класса и общества.* Между тем, *еще весьма недавно в столицах и центре России религия обреталась не в авантаже,* и серьезный поворот к лучшему начался лишь по державно-творческому почину незабвенного Императора Александра III, причем это спасительное движение до Грузии пока дошло в слабых размерах. Всего несколько лет тому назад, один важный кавказский чиновник спросил экзарха Грузии, поедет ли его высокопреосвященство на вокзал встречать католика всех армян. Получив отрицательный ответ, сановник удивился:

- Ведь, кажется, патриарх в церковной иерархии больше значит, чем митрополит или экзарх?

- Да, - спокойно ответил владыка, - но только *православный* патриарх, а не ересиарх.

Сановник пожал плечами, но настаивать не посмел.

Возьму другой случай, не менее характерный. В одной подцензурной армянской газете, печатающейся русскими буквами, появились недостойнейшие инсинуации против одного из древнейших и воистину благочестивейших грузинских монастырей, *обители Иоанна Зедадзенского.* Между прочим, было в прозрачном намеке сказано, что чудо (самонаполнение бассейна водой в день храмового праздника), которым славится эта обитель IV в., есть не более, как шарлатанство. Как очевидец, побывавший в этом орлином гнезде, где впроголодь живут пять убогих отшельников, я написал ответ, заслуженный клеветником. *Цензура мне его запретила.* Когда я явился к кому следует для личных объяснений и стал доказывать, что издевательство в газете над народными святынями есть грязная гадость, лучшим противоядием против которой может служить негодующее печатное слово, - то господин, с которым я объяснялся, отвечал с видом удивленного либерализма:

- Что за пристрастие к религии?! Простите, у вас немножко жандармская точка зрения. Охота поддерживать отживший хлам!

В устах должностного лица это было, по меньшей мере, неуместно!..

Для иллюстрации этого случая добавляю еще кое-что. Автор указанной подлой статьи был политический ссыльный, чуть ли не из участников заговора 1 марта. Очутившись в Тифлисе, он систематически служил армянской ростовщическо-сепаратистской интриге в местной печати и, между прочим, шельмовал, под предлогом либерализма, многое из того, что дорого настоящим грузинам и русским. Когда этот проходимец умер, то на похоронах его фигурировал, среди тифлисских шпыней и умственных босяков, один из местных предводителей дворянства, человек гордящийся титулом и придворным званием. Очевидно, он сделал это *по приказанию армянских заправил,* у которых состоит в долгу.

Значение такого факта, как упадок религии, прямо трагично для народа, вся культура, вся духовная жизнь которого зиждилась на этой основе. Бедствие осложнилось еще целым рядом других, естественно возникавших явлений, из которых самым роковым особенно для грузинского народа, были реформы 60-х годов; говорю *для народа,* а не для одного только дворянства, потому что и дворяне, и крестьяне немедленно после разрыва связи между ними, очутились в цепких лапах армянской буржуазии. Что при патриархальном складе дореформенного наместничества могло сдерживаться властной рукой таких мудрых правителей, как Ермолов или Воронцов, - то разрослось под кровом отвлеченного правового порядка, давшего пронырливому мошенничеству перевес над патриархальным и далеко не всегда (а лишь в исключительных случаях) суровым традиционным произволом. Новые суды и, главное, беспринципные адвокаты развили сутяжничество, кляузничество, лжесвидетельство, подмен обычной честности формальной безнаказанностью, и т.д. Особенно славятся этим имеритины. Они дают своим дочерям в приданое сотни гербовых марок. Однажды в городском саду в Тифлисе я следил с часами в руках за беседой двух поваров-имеретин; за четверть часа их грузинская речь

прерывалась более полутора раза возгласами: «кассационни прашени», «примэчани на статей» и т.д.

Городское самоуправление нового образца с невероятной быстротой оказалось в руках армянской плутократии, хозяйничающей беззастенчивейшим образом, и открыто пренебрегающей интересами более многочисленной разноплеменной массы населения. Почти все банки, не исключая государственного, оказались в руках у армян, а также и сбыт продуктов сельского хозяйства. *Вся экономическая жизнь края находится в железных тисках стачки.*

Грузинское землевладение тает с невероятной быстротой. Разные Манташевы, Арамьянцы, Арафеловы, Макарьянцы и другие армянские тузы скупают за бесценок грузинские земли и населяют их выходцами из Турции; *часовни и даже церкви переходят в руки армян.*

Нужно заметить, что громадная часть этого процесса совершается тайно: армяне еще не смеют открыто предъявлять всех своих документов и ликвидировать свои междуплеменные вопросы в области земельной. Они боятся взрыва отчаяния в грузинском обществе и подозревают, что русское правительство, вследствие резкого кризиса, станет поближе присматриваться к кавказским делам.

Немалый вред нанесла грузинам и новейшая школа, пробавлявшаяся ложным классицизмом и почти лишенная доброго воспитательного значения. Прежняя батальонная и полковая школа времен Ермолова и Воронцова, как выше сказано, была несложна, но хорошо направлена. Она закаляла умы и характеры, приспособляя их для перехода к новым государственным условиям. Она дала ряд видных военачальников и администраторов-грузин. Среди питомцев новой школы выдающихся людей меньше, а людей, сбитых с толку - многое множество. В Грузии, - где почти нет фабрик и о рабочем пролетариате смешно даже рассуждать, немудрено теперь встретить упорного марксиста; в стране, где вино льется рекой, а табак курится чуть ли не во сне, попадаются мнимые «толстовцы». Масса интеллигентных сил, получая русские дипломы, не находит себе применения, мельчает и превращается в каких-то людей без определенного колорита, или с левантинским оттенком.

Борьба, которую вел почивший попечитель кавказского учебного округа К.П. Яновский, с тогдашним министерством народного просвещения, имела целью приспособление педагогического дела к местной почве. Этот замечательный педагог не дождался победы своих идей, и Бог весть, когда мы еще дождемся ее. Доселе еще силен пагубный предрассудок *«единой школы»*; смешивают понятия *цели и средства*. Между тем, казалось бы, ясно, что стремление к одинаковым конечным целям при различных условиях должно успешнее достигаться именно разнообразием средств. Идеал школы - дифференциация, а не единство.

Низшая школа также не вполне на высоте своей задачи, потому, что она по временам *слишком торопится вытеснить природный язык населения*. Этот формальный отчетный или, еще точнее, *карьерный успех* достигается ценою ущерба для духовного развития, ибо природный язык является естественным органическим орудием этого последнего. Государственный язык народу, конечно, нужен, как путь ко всем благам и преимуществам полноправных российских граждан. Народ жаждет знания русского языка, и представители местной интеллигенции, которые в душе этого не желали бы, руководствуются крепостническими чувствованиями или соображениями: им выгодно загнать народ в темный уголок неведения, чтобы эксплуатировать его возможно беспрепятственнее. Но неправы и те педагоги, которые из простого и ясного вопроса о языке делают раздражающую шикану, выслуживаясь на нервах народа, в основе склонного быть *союзником* нашим в Закавказье. Ясно, что государственному и природному местному языкам можно разверстаться мирно, не исключая друг друга: это вопрос такта и доброжелательства к населению.

Я не сгустил красок, рисуя отрицательные стороны грузинской жизни. Необходимо отметить, что значительная часть князей и дворян, особенно проживающих в Тифлисе и ведущих жизнь выше средств, падает не только материально, но и морально, *подчиняясь влиянию богатых армян, которые все с большим основанием считают их своим политическим орудием.* Уровень женской нравственности и достоинства тоже заметно падает, под влиянием такой жизни, да и вообще дурных сторон карикатурной в Тифлисе европейской цивилизации.

Была ли древняя грузинка нравственна? Такие путешественники, как Шарден и Дюма, отрицают это. Думаю, что они неправы. Типичные грузинки старого закала, которых мне приходилось встречать, внушают к себе полное уважение. Южной, пылкой женщине чадра и своеобразный этикет прежнего времени были подсказаны, может быть, самой природой.

Дело обстоит плохо, хотя и не безнадежно. Во-первых, погибнет, и скверно погибнет, значительная часть высшего сословия, в течение многих веков воплощавшего собой почти всю Грузию. Это скверно, ибо *всякому народу нужен высший класс, обладающий благородными традициями; а они были.* Часть высшего класса, более скромная, вероятно, удержится в своих поместьях. Это - разные отставные капитаны, прапорщики милиции со знаком военного ордена в петлице, и т.п.; это *настоящие почвенные грузины*, люди добропорядочные, преданные своему народу, Государю и отечеству. Нарастает мало-помалу сверху и снизу грузинская буржуазия, *если действительно передовые грузины и русская власть поймут, что этому делу действительно необходимо помочь.* С оздоровлением русской школы и печати поднимется уровень и грузинской интеллигенции; наконец, *народная масса* таит в себе немало живых сил; но *всякая народная масса нуждается в помощи и в заботливом внимании правительства.*

Теперь грузинский крестьянин еще забит, сконфужен и как-то растерялся, тем более что свободу-то ему объявили, но реформу скомкали как попало; обязательные земельные отношения еще не распутаны, как не распутано ни межевание, ни многое другое. Экономические условия гнетут его; в лице скупщиков и кулаков-армян, он получил более жестоких властителей, чем прежние господа, самодурство которых смягчалось целым рядом *добрых обычаев*, сближавших сословия между собой. Прежняя строгая власть феодалов держала крестьян при этом в повиновении, заставляла их уважать чужую собственность. Теперь эта власть упразднена, *а понятие законности в народном сознании не укоренилось*, так как перемена была слишком резка, и народ к ней не был готов. Аграрные недоразумения происходят не чаще. И при этом крестьянин не чувствует себя гражданином с определенными правами и обязанностями. Вновь позволю себе воспользоваться стихотворной формой, потому что у нее есть техническое удобство: она короче и определеннее. Предмет стихотворения - грузинский крестьянин Вано, соответственный русскому Ивану.

ВАНО

В ущельях сыро и темно,
Вдали чуть брезжит луч рассвета...
Индеек гонит из Душета
Дорогой пыльною Вано.

В руке большая хворостина,
Платком повязан, смуглолиц,
В шинели рваной, без петлиц,
Шагает медленно детина.

Во взоре черных глаз - печаль,

И в складке губ - следы тревоги.
За белой лентой дороги
Синеет дремлющая даль.

И словно чует иль предвидит
Вано, свершая скучный путь,
Что непременно кто-нибудь
Его обманет иль обидит.

В духанах могут обокрасть;
Не то - отдать индюшек пару
Придется встречному чапару
Чапар с нагайкой - это власть!

Под самым городом, в духане
Всесильных скупщиков приют:
Из рук все вырвут и возьмут
Неустрашимые армяне.

Они над рынком господа –
Вано покорно понял это.
Но вот фальшивую монету
Подсунуть могут. Что тогда?

Деньжонок надо: срок подходит
Начальству подати платить.
Сынка давно пора крестить:
Уж говорит и бойко ходит.

Хоть пара буйволов была:
Чинить дорогу их забрали!
Вернулись хворыми и пали...
Колючкой нива поросла.

Земля с помещиками в споре:
Межуют, судят двадцать лет,
А все решенья нет, как нет!
Куда ни глянь - одно лишь горе!

Соседи воду отвели
И сохнет сад, а нет управы;
Лишь адвокат, мудрец лукавый,
Все пишет: «денег вновь пришли».

Идет Вано, томим тоскою.
Заря восходит из-за гор.
Багрянцем залитый простор
Сверкает дивной красотой.

И в сердце хлынула струя
Восторга, что-то в нем запело:
«Самшобло, чемо Сакартвело!»

«Отчизна, Грузия моя!»

Да, он стихийно любит свою отчизну, как любит ее всякий грузин, потому, что ее нельзя не любить. Но на русского Царя он смотрит не просто, как на начальство, а как на своего законного царя, естественного преемника прежних династий. Это патриархальная, сыновняя любовь, не содержащая в себе ни тени холопства.

Вот один из тысячи характерных случаев, рассказываемых тифлисским простонародьем о поездке Императора Александра III в Кахетию. Когда Их Величества выехали из Тифлиса, то на шоссе им попался простолюдин, сидевший на корточках и жаривший шашлык. В неистовом восторге он замахал руками и закричал, поднимая стакан с вином:

- Александре, Мариамо, гамарджоба! Дай Бог вам победу!

Государь осчастливил грузина: отхлебнул вина и выпил за свой верный грузинский народ.

4. Русско-грузинские отношения

Весьма интересен вопрос о русско-грузинских отношениях. Нижние народные слои сближаются прекрасно, как два родственных, стихийных начала. И в древнем Мцхете и в Бодбийском монастыре, в Кахетии, бывают тысячи русских богомольцев, братающихся с грузинами. В армии русские также теснее всего сходятся с грузинами, тогда как армян офицерская семья некоторых полков, как, например, Нижегородского, не склонна принимать в свою среду. Генералы из грузин популярны среди русских солдат, как люди с надлежащей осанкой и мужественные. Года через два после оставления корпусным командиром, князем Амилахвари, своего поста, некоторые солдатики были убеждены, что он «во временном отсутствии» и что «в случае военных действий опять будет командовать».

Отношения же между служилым классом и грузинским дворянством - довольно рогатые, - несомненно, по вине обеих сторон. Во-первых, у местного высшего сословия довольно много наступательной амбиции, а гражданской принципиальности зачастую не хватает. Стоит чиновнику отказать какому-нибудь потомку феодалов в невыполнимой или незаконной просьбе, чтобы этот последний признал всех чиновников мучителями, а всю Грузию несправедливо обиженной. Логика немного дамская: если один мужчина огорчит даму, - она непременно скажет, что все мужчины изверги!.. Между тем, сами же эти князья нередко обращаются свысока с чиновниками из семинаристов или вообще незнатными, сами же создать себе недоброжелателей.

Особенно «неудобны» бывают некоторые представители выдающихся старинных родов, отличающиеся психологией маленьких «тоis en èxil»; те из них, которые с новым положением своим не примирились, ни к какому делу не приспособились и склонны только к «эффектному» прожиганию жизни, проели деньги, полученные от казны в вознаграждение за утраченные «владения», быстро спустили затем еще ряд «пособий» и плоды выигранных у той же казны процессов, являются самыми яркими ненавистниками всего русского, *даже когда на них продолжают сыпаться благодеяния*; в их недовольстве звучит, если можно так выразиться, органическая скорбь об утраченном «произволе на курьих ножках». Обладая иногда большими связями в столичных сферах, эти господа при случае являются истинным бедствием для кавказских русских властей; постоянно нуждаясь в деньгах для поддержания своего паразитического «блеска», они снюхиваются с богатыми вожаками армянского движения и являются проводниками их тенденций и интриг в доступных им кругах. Они же обыкновенно эскаотируют в свою пользу великодушное настроение русского правительства, выражающееся по временам смутной

формулой « IL fout faire quel que chose pour ces bons Gëorgiens». Львиную долю этого « quelque chose» хватают на лету люди, и без того пресыщенные всякими милостями, а грузинам, *как народности*, от этого не слаще. В русском служилом классе привилегированные паразиты вызывают негодование, доходящее почти до ненависти, своей заносчивостью и снобизмом. Русский человек по натуре демократичен и феодальной гордости не понимает: он ценит заслуги, а не гербы.

В сношениях обывателя со служилым классом нужна вообще некоторая политика. Когда армянин желает добиться чего-нибудь, то он стелется ковром, змеей ползет у ног любого делопроизводителя и достигает своей цели нередко одной вкрадчивостью. У грузинской аристократии и интеллигенции нет ни этой «удобной» черты, ни черты более высокой и почтенной, - а именно *выдержки*. От того и деловое положение их зачастую неустойчиво. Вредят они себе также пристрастием к родовому началу: самый доброжелательный чиновник, естественно, с меньшим доверием относится к человеку, у которого под соображениями принципиального характера он имеет основание подозревать партийные или родственные комбинации.

Смесь средневековых чувствований с теоретическими понятиями XX века порождает, конечно, путаницу, невыгодную для ее носителя. Под впечатлением частых недоразумений, обе заинтересованные стороны склонны к огульным мнениям и легко верят клевете, вследствие чего отношения еще обостряются. Грузины склонны находить, что все кавказские чиновники непременно плохие люди, что, разумеется, неверно: многие, правда, - но не все! Многие кавказские чиновники склонны утверждать, что все грузины серьезные сепаратисты, что также совершенно неверно.

Грузины любят с убеждением выдвигать слово *верноподданный*, что означает на кавказском символическом языке исповедание преданности Государю, но *нежелание подчиняться кавказским властям*. Грузинские дворяне удивительно умеют «дуться» на чиновников и тем вредить себе. Трудно описать, сколько муки принял, сколько мелких уколов самолюбия получил, например, покойный князь Дондуков-Корсаков, искренно желавший добра грузинам и лишь под конец выведенный из терпения. Рассказывают, например, что, когда он приехал однажды в Кутаис, его угостили следующим транспарантом: изобразили две начальные буквы его фамилии, Д.К., а повыше, в интервале, написали «ура». И это проделали, как школьники, зря, для красного словца! В основе ряда подобных поступков лежало неудовольствие по поводу упразднения наместничества, более отвечающего отрицательным сторонам восточного мирозерцания и быта, чем холодно строгий порядок и законность.

Кавказская атмосфера, растлеваемая армянской лестью и посулами и обостряемая грузинской нервностью, весьма плохо влияет и на русский служилый класс, мало-мальски властные представители которого, чувствуя себя далеко от Петербурга, легко поддаются соблазнам восточных бюрократических нравов. Это учитывается в свою пользу лукавыми элементами населения, а элементы нервные на этом проигрывают. Один старый грузин как-то шутя заявил, что не может отыскать границы между понятиями «правительства», «покровительства» и «превосходительства». Вообще, горького юмора в грузинских речах довольно много. Например, один князь формулировал свое положение так: «У меня имение отобрали армяне, службу отобрали начальство и остались только верноподданныческие чувства, да хороший аппетит. Ничего, жить можно!».

По временам поднимается то чиновниками, то печатью вопрос о грузинском *сепаратизме*. Оставляя в стороне преувеличения и, может быть, мечтания какой-нибудь кучки невлиятельных людей, необходимо водворить это обвинение в действительные границы существующего факта.

Славная история не забывается и сознательные классы народа, отнюдь не изменяя своим верноподданныческим чувствам и не возражая против прочности добровольного присоединения Грузии к России, тем не менее, желали бы не утратить своей

этнографической самобытности. Они дорожат своим народным обликом, языком, обиходным и церковным, песнями, литературой, символизмом обычаев.

Вряд ли это кому-нибудь мешает. Скажу больше: так как нравственность и цельность человеческой личности зиждется на нравах и обычаях, на почве расовой, то *грузин типичный, с точки зрения широко понятых государственных интересов, предпочтительнее грузина, оторванного от почвы и не прикрепившегося прочно к русским началам*: последний принимает облик левантинца, человека с племенными недостатками и без традиционных племенных добродетелей, т.е. человека никому не полезного: ни Богу свечка, ни черту кочерга!

Более острые формы обособления, как выше сказано, замечаются за Сурамом, в Кутаисской губернии. Объяснения тому надо искать в истории, чрезвычайно анархичной по характеру, и в лихорадочном климате, и в необычайной нервности этой отрасли грузин. Помимо всего, царство Имеретинское было скорее завоевано, чем добровольно присоединилось. Наконец, при указанных условиях, острое значение имеют явления *социально-экономические*, в силу которых наиболее сознательная часть населения, очутившись на мели, проявляет симптомы тревожного свойства.

В стремлениях обособляющейся части грузинского общества есть немало внутренних противоречий. Представители этих настроений, с одной стороны, глядят в прошлое, увлекаются своеобразной дилетантской археологией, нервно дорожат костюмом, кинжалом, архитектурой и всякими внешними формами с племенным отпечатком, с другой же - хотели бы распространения на Грузию общероссийских учреждений, т.е. суда присяжных, земства, университетов и иных высших учебных заведений; с одной стороны они стоят за неприкосновенность грузинского языка, с другой - за марксистскую классовую борьбу, отрицая значение языка и традиций. Эти различные мнения выдвигаются различными группами интеллигенции, спорящими между собой, но обыкновенно объединяющимися в общей струе центробежных стремлений; зачастую же совершенно противоречивые тенденции уживаются в одном и том же лице, свидетельствуя о путанице понятий.

Грузины - одновременно народ *неполитический* и вместе обладающий склонностью к нервным ощущениям, даваемым театральными сторонами и спортивными формами политической борьбы. В изложенном, на первый взгляд, как будто содержится противоречие. Но дело в том, что нервная склонность к политике еще не есть призвание, венчаемое успехами. Строго говоря, названия «политического народа» наиболее заслуживают лишь германцы, в особенности же их англо-саксонская отрасль: там народоправство работает *ровно*, почвенно, успешно, причем общество почти сливается с правительством; большинство прочих народов нуждаются в сильной центральной власти и в *административном* строе, потому что их граждане либо не так умеют «спеться», либо равнодушны к политике, либо слишком нервны (почти все южане). Народ «политический» может быть мелким и буржуазно-пошлым (например, голландцы и т.п.), а «неполитический» - великим, как, например, русские. Вопрос тут не в духовном уровне, а в степени, так сказать «сцепления атомов» данного народа. С этой точки зрения большинство южан могут быть сравнены с газообразными телами...

К сожалению, не только обособляющимся, но всем вообще интеллигентным грузинам сильно *не хватает дальновидного племенного патриотизма*, продуманного плана действий для доставления своему народу заслуженно-привилегированного положения в Российской империи. Последнее достигается обыкновенно либо с оружием в руках, либо *добром*; грузины же склонны к третьему, весьма неудачному образу действий: они нередко совершенно зря «дуются», фрондируют - и тем портят свои дела, на радость прочим кавказским конкурентам. А у грузин огромные данные для успеха: они *симпатичны русским людям*, исповедуют государственную религию, легко приспособляются (при желании) к разным условиям. Они могли бы занимать у нас, если

бы хотели, видные места и влиять на общероссийские дела. И вот, не хватает ни выдержки, ни дальновидности...

Всякому, не только относящемуся к этнографической самобытности своей, но даже самому простому хозяйственному или экономическому вопросу, сопряженному с выборной агитацией, речами, баллотировкой и т.п., грузины склонны придавать острый характер политики.

Очень колоритную, характерную картину представляли собой еще весьма недавно выборы в правления дворянских земельных банков, тифлисского и кутаисского. В шумной борьбе участвовала вся более или менее интеллигентная Грузия. В зрительной зале театра грузинского дворянства произносились речи, за которыми следовал невообразимый гам рукоплесканий, протестующих криков; из лож, занятых экспансивными внуками строгих и чопорных некогда грузинских матрон, сыпались цветы, раздавались истеричные возгласы. Ораторы схватывались порою за оружие, но, к счастью, в ход его не пускали. Ярая вражда, однако, широкой волной разливалась далеко за пределы банковских заседаний и интересов. Особенной непримиримостью отличалась партия «мачабелистов», названных по имени князя И.Г. Мачабели, впоследствии пропавшего без вести. Тут приплеталось и привходило все: и дамские грешки, и соревнование литераторов, и отголоски старой феодальной вражды между отдельными «ущельями», быть может, именно последний элемент так и обостряло прение по вопросам о «заемщиках», «директорах», «ревизионной комиссии» и т.п. Так или иначе, и вражда и формы борьбы носили истинно корсиканский характер: у борющихся возникал в голове и неискоренимо утверждался там особый «зайчик», пункт помешательства, искривляющий целое мирозерцание, целую нервную систему, целую жизнь... Устранив или, по крайней мере, сильно смягчив резкие формы банковской борьбы, русская власть оказала огромную услугу грузинскому обществу, крайне нуждавшемуся в успокоении; необходимо прибавить, что пока грузины посвящали время, средства и силы этим усобицам, гангрена армянской эксплуатации все успешнее разъедала их благосостояние.

Легко можно себе представить, во что обратились бы там земские учреждения! Недаром на их введении настаивает особенно армянствующая печать. Ревнителям экономического и духовного порабощения Кавказа - армянам, конечно, весьма желательно, чтоб земские учреждения сделались в Грузии, с одной стороны, аренной усобиц, с другой - очагом обособления, склонного превратить деловое *хозяйственное* учреждение в маленький парламент и, наконец, *отвлечь внимание грузин от городов*, являющихся *ключами* к экономическому преобладанию, так как именно города, в особенности крупные, создают цену на сельскохозяйственные продукты, являясь значительными рынками для сбыта этих последних и центрами кредита. Прямо удивительно, как грузины падки на армянское *подсказывание*, невзирая на горький опыт!.. Никогда не забуду одного из многих заседаний дворянского собрания в Тифлисе, посвященных вопросу о земских учреждениях. Ревнителями этих последних выступили «армянствующий армянин», бездарный, но упорный проповедник «армяно-грузинской солидарности» князь Г.М. Туманов, издатель газеты «Новое Обозрение» и полу-армянин по рождению, популярный в армянских финансовых кругах кн. Д.З. Меликов, избранный впоследствии в тифлисские предводители дворянства. Оба весьма «сладко пели» на тему о земстве, и собрание лихорадочно к ним прислушивалось. Единственное трезвое и дельное слово сказал тогда полковник князь Г.И. Орбелиани, проявивший большое знание местных условий и политический ум. Он обратил внимание на то, что между формой учреждений и их содержанием есть существенная разница; если нет серьезных фактических данных для надежды на установление полного между ними соответствия, то учреждение работает плохо, к немалому ущербу для обывателей и к выгоде лишь тех, кто умеет в мутной воде рыбу ловить. «Мы радовались, - продолжал князь, - введению в Тифлисе нового городского положения, а что же потом вышло? Город стал менее благоустроенным, нас, грузин, и русских вытеснили из думы, грузину-рабочему труднее найти кусок хлеба, чем

выходцу из Турции, и наша древняя столица перестала быть грузинским городом; нечего сказать, есть чему радоваться! Нет, господа, *нам нужен гувернер!* Лучше благоразумно в этом сознаться, чем идти по пути приключений!»...

Прочувствованная, доказательная речь князя Орбелиани была встречена рукоплесканиями, но затем... после других заседаний, собрание высказалось в пользу введения земских учреждений, причем некоторые дворяне потом признавались откровенно, что подали за это голос исключительно из опасения, чтобы их не сочли «нелиберальными». В правительственных сферах проект сочувствия не встретил, *к счастью для грузин*. Искренние (без задней мысли) сторонники проекта забывали, что земская деятельность есть *хозяйственная работа*, за которую без надлежащих знаний и практичности браться нельзя; если люди еще не умеют хорошенько организовать сельскохозяйственные союзы взаимопомощи, потребительные общества и т.д., то какое же у них получилось бы земство, как непроизводительно и тенденциозно возрастало бы самообложение?! Человеку, плохо знающему основные правила арифметики, странно браться за логарифмы: на этой «цифири» его проведет любой шарлатан! Если в некоторых местностях внутренней России земство сперва хромало, а потом обыватели к нему приспособились, то на окраине с пестроплеменным населением ожидать этого трудно, особенно там, где торгово-промышленный класс почти сплошь принадлежит к народности чужеядной и все более порабащающей грузин. Ясно, что порабощение только усилилось бы, если бы ему строго не положить предела посредством ограничительного закона, своевременность которого становится все настоятельнее.

Столь же мало дальновидны представители обособляющейся части грузинской интеллигенции, когда жаждут учреждения в Тифлисе университета или политехникума: ведь они получили бы только «оскребки» от этого блага, которое захватила бы в свои руки армянская плутократия, чтобы сделать из высшего учебного заведения *академию армянской интриги*.

Свою податливость армянским воздействиям грузины не без основания объясняют тем, что армяне составляют единственную в крае *реальную* силу, которой сама русская власть не оказывает должного противодействия ни на каком поприще; армянские тузы захватили беспрепятственно в свои руки *все жизненные источники*: и рынки, и банки, и влияние (хотя и тайное, но тем более опасное) на судьбу служилых людей и пользуются безнаказанностью в таких случаях, когда всякий другой кавказский обыватель поплатился бы жесточайшим образом. С точки зрения преходящей, временной выгоды они правы, но вместе с тем признаются, стало быть, что служат личной выгоде, а не высоким идеалам, как их предки-рыцари. Надо надеяться, кстати, что они недолго будут правы и с точки зрения практической: необходимость противодействия радикальными мерами обарманию Кавказа становится все более настоятельной. С точки зрения русской исторической миссии было бы *грехом* отдать на съедение единоверный и в массе преданный нам народ; грех был бы вместе с тем и плохой политикой, так как с точки зрения русского государственного дела было бы невыгодно допускать до того, чтобы грузины сделались кондотьерами армянского движения!.. Армяне ведут к этому упорно и систематично, но преуспевают пока лишь по отношению к разорившимся коптителам неба. Грузинский народ им не верит. На церковно-народных праздниках в Мцхете, в Алаверды и Бодби слепые армяне-певцы поют беспрепятственно «грузинские» революционные песни, сочиненные специально армянскими политиками из банкиров. Народ слушает без внимания, с презрительной улыбкой, как нечто вздорное. А запоем кто-нибудь красивую лирическую вещьцу любимого поэта, князя Церетели или Чавчавадзе - и все восторгается, все обращается в слух... Для изнервничавшейся интеллигенции армянские тузы издают в Париже на французском языке газету «La Géorgie», но и тут не преуспевают: газета ведется бездарно, занимается мелкими сплетнями и распространением клеветы. В первую минуту общество ею поверхностно заинтересовалось, а теперь о ней никто серьезно не говорит...

Более или менее упорным, хотя, конечно, не особенно опасным очагом грузинского обособления является, по роковому стечению обстоятельств, именно та область местной жизни, которая вместе с тем служит крепчайшим звеном, объединяющим маленькую Грузию с великой Россией. Я говорю о Церкви. Грузинское духовенство не может забыть автокефальности своей Церкви, а в русском духовенстве на Кавказе встречаются недальновидные люди, не умеющие отделять религии от политики, а также и недобросовестные «карьеристы в рясе», готовые ради служилого честолюбия потрясти самые основы священного церковного дела в Грузии. Нужно, кстати, сказать, что и само грузинское духовенство зачастую не отличается ни высоким культурным уровнем, ни полезным воздействием на народную массу, среди которой авторитетом почти не пользуется. И это не плод русского режима, а наоборот, *результат истощения духовных сил Грузии в конце XVIII века*. Мне самому случалось видеть такую весьма недавнюю официальную переписку: два высоких духовных лица обвиняли друг друга в уголовных преступлениях: А обвинял Б в подговоре наемных убийц для покушения на его жизнь. Б отвечал гордо, что не нуждается в наемных убийцах, ибо у него много молодых родственников, *которые по первому его зову убьют кого угодно*.

Родовые счеты в духовенстве, особенно высшем, далеко не отошли в область преданий. При таких условиях ясно, что с точки зрения религии и духовных интересов грузинского народа, наличие русского по происхождению объективно-благожелательного экзарха в крае весьма полезна, безотносительно к каким-либо объединительным политическим задачам, для осуществления которых есть тысячи других способов. Наиболее вдумчивые грузинские патриоты это понимают. Когда грузинское православие напрягало все усилия к тому, чтобы не погибнуть, русская Церковь, под защитой сильной власти, недоступная ни внешним врагам, ни родовым счетам, выдвигала представителей глубокой и спокойной духовной мысли, плоды которой полезны единому, пострадавшему народу.

Наряду с этим необходимо, конечно, оберегать грузинский церковный язык и традиционные напевы. Признаюсь, что они всегда производили на меня глубочайшее впечатление: от них веет чарующей мистической древностью; так и кажется, внимая им, что ближе подходишь к временам Христа. Это чувство разделяют многие русские богомольцы-простолюдины, с которыми мне случалось встречаться в грузинских монастырях. Кстати сказать, некоторые грузинские церковные песнопения весьма напоминают наш старинный *знаменный* напев.

Еще несколько слов о грузинском патриотизме. Когда широкие линии истории и главные основы жизни красноречиво свидетельствуют в пользу тесного русско-грузинского единения, поместный патриотизм может сделаться опасным только в случае, если вся краевая политика поведется неудачно. Подробнее скажу об этом в одной из глав, посвященных вопросу об армянах. При нормальных же условиях поместный патриотизм принесет даже *пользу* государственному делу, *если будет глядеть вперед, а не назад*, и если станет на разумную основу *экономической заботы* о народном благе.

Разумеется, надо отрешиться от фантазий, по поводу которых народ сочинил выражение «раздулся, как Лиахва»; Лиахва - речка близ города Гори, впадающая в Куру, обыкновенно очень мелководная, но в полую воду широко разливающаяся и причиняющая немалые бедствия. Одной из таких «Лиахв» является претензия на какую-то особую «культурно-историческую миссию» грузин в Абхазии, основанная на том, что абхазское царство было некогда вассальным владением Грузии (в XII веке!) и что владельцы этого лена, огрузиненные персияне князья Шервашидзе (от Ширван-шах, Ширван-шахидзе) носят фамилию на «дзе» и причисляются к грузинской аристократии. Некоторые духовные лица измышляют при этом фикцию «грузино-абхазской церкви», хотя абхазцы говорят на языке, не имеющем ничего общего с грузинским. Как выразился шутя покойный кавказский лингвист, барон Услар, «абхазцы говорят на таком мудренном языке, что удивительно, как они сами себя понимают». И вдруг на Абхазию

предъявляются культурно-исторические права грузинами, у которых уплывает из рук собственное, кровное земельное достояние!..

Грузину не до фантастического «жиру», *а быть бы живу!* Надо стремиться, прежде всего, к *самодетельности*, - и многие это вполне понимают. Мне случалось слышать искренние пожелания, чтобы в грузинских центрах завелось побольше русских *православных купцов*, так как это помогло бы и насущно необходимому росту грузинской буржуазии, и делу церкви, и *культурному* развитию в экономической области.

В разных местах в Грузии возникают сельскохозяйственные синдикаты, потребительные общества, депо и т.д. Правительство должно бы помочь им, и вообще следовало бы содействовать экономическому возрождению наиболее близкого нам в Закавказье народа.

Последний из типично грузинских предводителей дворянства тифлисской губернии, покойный кн. К.И. Багратион-Мухранский, сказал однажды, что *грузины все консерваторы*. Эти слова не всеми были поняты, ибо слишком многие непременно хотят, чтобы их считали либералами; но кн. Мухранский в основе прав. Не могу забыть, как в одном кружке передовых говорунов откровенно рассуждали при мне о конституции и всяких формах окраинного обособления. Вдруг какой-то молодой князь влетел в комнату и сообщил о предстоявшем будто бы приезде Их Величеств на Кавказ. Без уговора, в один миг, заблестели все глаза, сверкнуло вино в бокалах, и хор запел мравалжамиер, - многолетие Царю.

Близко зная изъяны грузинской жизни и недостатки их общественности, о которых я не однократно говорил грузинам открыто на Кавказе, я не могу считать эту многострадальную изнервничавшуюся народность чужой для нас. Веруя в жизненность объединяющих нас культурных основ, засыпанных кучей мусора в сознании высших слоев обоих народов, но живых в глубине народной души, я иду по стопам славянофилов, совпадаю со взглядами таких определенных людей, как Иван Сергеевич Аксаков и Ростислав Фадеев, которые не считали чужим народ, объединяемый с нами в прошлом исторической миссией, славными подвигами, а в настоящее время *общностью веры, Царя и отечества*.

5. Армяне

Полтора века тому назад, - говорит Лебон, - философы, весьма, впрочем, несведущие по части первоначальной истории человека, изменений в его умственной организации и законов наследственности, - бросили в мир идею равенства индивидов и рас. Эта идея, глубочайше неверная, потрясла основы старых обществ, породила самую громадную из революций. Учреждения и воспитание стали панацеей в глазах современного общества, - и лишь немногие дерзают бороться с идеей, неосновательность которой до очевидности доказывается и современной общественной психологией, и жизнью. Названия вещей меняются в истории народов, но под новыми словами живут старые факты, трудно изменяемые. *Каждый народ обладает умственным организмом, столь же устойчивым, как и его анатомические черты*.

Наша космополитическая печать, замалчивающая выводы науки в угоду зарубежным вдохновителям и окраинным политикам, всегда поднимает неистовый крик, если кто-нибудь хотя заикнется относительно общих, окрашивающих, типичных отрицательных черт какой-либо народности, кроме русской. Русских можно «анализировать» сколько угодно! Об инородцах же сказать правду - Боже упаси! Кричат, что это мракобесие, человеконенавистничество и т.д. И не только кричат, но и принимают меры, не стесняясь выбором средств. Всем памятна история с «Контрабандистами». Наша общественная и

отчасти даже государственная (на окраинах) жизнь богата такими поучительными примерами.

Как в природе есть целые разряды предметов и существ, отличающихся теми или иными резкими характерными чертами, так есть последние и у человеческих племенных групп, получающих и в истории, и у своих соседей-современников соответственную репутацию.

Об армянах издревле сложилось плохое мнение, - и это само собой разумеется, не лишено основания, так как иначе оно не могло бы возникнуть у целых народов и притом в разные времена.

Но, разумеется, в категоричности и огульности таких мнений, образчики которых я приведу ниже, нельзя не усмотреть несправедливости. Во-первых, *необходимо отделять армянскую народную массу от хищной плутократии, невежественного политиканствующего духовенства и мнимо-интеллигентных пиджачников*, т.е. от тех *правлящих* армянских слоев, которые гнетут не только иноплеменных соседей, но и *соплеменных им неповинных простолюдинов*. Во-вторых, и среди правящих, несомненно, есть *довольно значительный процент людей, в основе неплохих и виновных, главным образом, в малодушном подчинении террору своих главарей и гипнозу своей болезненно развившейся племенной или, как они говорят (без всякого на то права), национальной идеи*.

Честному человеку, сталкивающемуся преимущественно с этими главарями и их наемниками, нетрудно вспылать огульной ненавистью к армянам; при более же внимательном отношении к этому загадочному племени, его историческим судьбам и современному положению, нельзя, однако, не проникнуться и *состраданием к армянской народной массе*, у которой, несомненно, есть много хороших задатков.

Но чем больше мы будем ей сочувствовать, чем ближе присмотримся к ее положению, тем более *отвратительными* явятся в наших глазах ее *бездушные соплеменные вожаки*, политиканствующие угнетатели и смутьяны.

Мне могут возразить, что армянские правящие классы вышли *из среды того же народа*, сыны которого, стало быть, являются эмбрионами таких же хищников. Но, во-первых, *высшие классы далеко не всегда являются показателями духовного уровня народа*, а во-вторых, *исторические и социально-экономические условия*, в которые, волею судеб попал армянский народ, способствовали и доселе *способствуют поднятию на поверхность и на высоты местной жизни преимущественно худших, наиболее порочных и лукавых представителей этой расы*.

6. Историческое прошлое.

Кто такие армяне? Основное их происхождение мало выяснено. История свидетельствует о слиянии с ними сперва во время вавилонского пленения, а затем после разрушения Иерусалима, огромной массы *евреев*. С антропологической точки зрения они, в большинстве, *крайние брахицефалы*, т.е. короткоголовые, и наиболее сходны в этом отношении, как видно из исследований Шантра, Эркerta, Пантюхова и др., с *горскими евреями* и сиро-халдеями (айсорами). Английский ученый Бертин считает их людьми одного типа с евреями допалестинского периода.

Профессор Д.Н. Анучин говорит, что армяне племя не арийское, а скорее арианизированное (по языку). Помимо всего сказанного, *далеко не все, причисляющие себя к армянам, принадлежат к коренному армянскому племени*. Армянский журнал «Мурч»³, говоря о значительной способности армян к ассимилированию других народностей, указывал в конце 90-х годов на наличность среди армян довольно большого процента *ассимилированных цыган*. Знакомство с обоими племенами дает наблюдателю

значительный материал для подкрепления выводов указанного журнала. К еще более интересному выводу относительно значительных армянских групп пришел кавказский антрополог, доктор И.И. Пантюхов. Почтенный ученый воспользовался случаем, когда Тифлис был наводнен полудикими беженцами из Турции, и подверг множество турецких армян антропологическому измерению. Оказалось, что огромная часть этих незваных гостей, по своему физическому складу, - чистокровные *курды*. Это открывает простор предложению, что некоторые эпизоды армянской резни в Турции явились результатом давнишних семейных счетов между курдскими племенами различной веры.

Весьма интересен также вопрос о закавказской Албании или, по-армянски, *Агвани*. Эта страна, в состав которой входили и нынешняя Елизаветпольская губерния, и части Тифлисской и Дагестана, была населена народами *не армянского* происхождения, получившими христианство от армян. До начала XIX века существовал отдельный агванский или гиндзасарский католикос, соперничавший с эчмиадзинским и по временам совершенно независимый от последнего. В настоящее время христиане, бывшие некогда паствою агванского католикоса, считаются армянами и, перемешавшись с ними, усвоили их характер.

Были у армян и невольные, насильственные скрещивания с другими народами. И персидские полчища, и азербайджанские татары, и турки, и грузины, и горцы, очевидно, не церемонились с женщинами народа, давно утратившего государственность и связанные с ней способы гордой, мужественной самозащиты.

При таких условиях ясно, что в жилах у армян есть *всякая кровь*. Этим и объясняется то обстоятельство, что у народа, трусость которого в Передней Азии вошла в пословицу, выдвигаются по временам талантливые и мужественные полководцы, как яркие исключения на темном фоне: ясно, что в них говорит *кровь других, воинственных народов*, нормальный же, чистокровный армянин, согласно обще-кавказской пословице, имеющейся на нескольких местных языках, «боится зайцев». Черта, несомненно, семитическая. Вообще, характерных семитических черт в армянском народе сколько угодно: тут и историческая неспособность к мало-мальски устойчивой государственности, и постепенное исчезновение сколько-нибудь авторитетной родовой аристократии, и *давнишний переход к подпольной политике теократического строя*, и резкие признаки коллективизма в пользовании поливными землями, доселе наблюдаемые в крестьянской среде (ампа-черекство), и значительная расовая склонность к торговле, ростовщичеству и вообще ненасытному стяжанию. Заносчивость и жестокость по отношению к слабейшим и рабское низкопоклонство перед сильными, наконец, удивительная, феноменальная способность к рекламе и ненасытное тщеславие, - все это черты *еврейские*, только у армян они еще грубее и интенсивнее.

Армяне очень не любят, чтобы их сравнивали с евреями, и поручают своим защитникам не упускать случая говорить возможно энергичнее об *арийском* происхождении гайканского народа. Вероятно, в предвидении таких фактов грузинская пословица остроумно говорит:

«Только рабу, когда ему это приказано, подобает утверждать, что на дубе растут яблоки».

Таких рабов, увы, в наш век поклонения золотому тельцу найдется немало среди служилых людей, и публицистов, и даже ученых...

Помимо всего, у нас чрезвычайно распространена *неосведомленность* относительно Кавказа и его племен, - неосведомленность притом самоуверенная и раздражающая знатоков дела. Вот что написал мне, между прочим, из деревни варшавский заслуженный профессор Д.И. Азаревич, лично мне незнакомый, по поводу недавних статей г. Сыромятникова⁴:

«Не имея под руками библиотеки, я только напомним вам, что на археологическом съезде, в последний раз происходившем в Москве, антропологический отдел, под председательством Вирхова заслушать доклад одного француза (кажется Фигье) о

семитизме армян. Труды этого съезда нетрудно найти в Императорской публичной библиотеке, а там отыскать и самый доклад».

Почтенного ученого, который, надеюсь, не сочтет нескромностью то, что я ссылаюсь на его авторитет, - вероятно, смутило легкое отношение к науке со стороны слишком смелых защитников армянства от подозрения в семитизме. Некоторым оправданием для этих последних может служить прямое указание словаря *Брокгауза и Ефрона* на то, что армяне - *«отрасль иранской группы индо-европейского племени»*. Но вряд ли можно при этом забывать изречение: *«все врут календари»*, с успехом применимое особенно к словарям, издаваемым евреями...

Здесь, кстати, нужно отметить, что армянские меценаты из нефтепромышленников усиленно заботятся о создании совсем особенной истории Армении, о возвеличении этого маленького народа и его героев, начиная со случайных генералов, достойных уважений, и кончая неслучайными контрабандистами всякого рода, достойными... уважения, но с другой стороны. В частности, они не упускают случая выдвигать свои исторические «заслуги» и теперешние достоинства паразитическим способом, т.е. *попутно набрасывая тень на соседние с ними народности, у которых была история более ясная, несомненная и достойная*. Грузин они в области историко-археологической грабят бессовестнейшим образом: *сцарапывают грузинские надписи с памятников, захватывают древние православные часовни и опустелые церкви*⁵, сочиняют исторические нелепости и указывают, как на древние армянские владения, на такие области, где каждый камень говорит о прошлом грузинского царства.

Первым наемником армян в русской литературе был *Сенковский*, под псевдонимом барона Брамбеуса, писавший в таком духе. Затем армянские «историки» в кавычках, Эмин (История Моисея Хоренского), Худобашев (Обозрение Армении), в более позднее время Ерицов (Кавказская Старина, 1872 г., № 1), вопреки таким красноречивым свидетелям прошлого, как памятники, работали в том же направлении; они, например, пытаются похитить у Грузии исторические права на область Саатбаго, т.е. владения атабека Джакели, нынешний ахалцихский уезд. Всякий кавказец знает, что в этой области, есть еще несомненные следы пребывания царицы Тамары Великой, что мусульманское население уезда состоит из отуреченных грузин, говорящих по-грузински, и что армяне в большом числе появились там в первой половине XIX столетия как беглецы из Турции, а не коренные жители.

Профессор-арменист Патканов⁶ также мало стеснялся с фактами, ссылаясь на таких мнимых ученых, как Сенковский, странствующий ботаник Кох и т.п. Грузинский писатель Бакрадзе его своевременно обличил, как следует, но до большей части русского общества эта полемика не дошла; ученик Патканова, г-н Марр не упускает случая отхватить что-нибудь от грузин в пользу армян и все обещает доказать, что замечательная древняя грузинская поэма «Барсова кожа» есть произведение позаимствованное.

Это желательно армянским политикам потому, что у армян нет и не было за все время их существования сколько-нибудь сильного поэтического произведения, т.е. одного из наглядных признаков *цветения народного духа*. Как ни стараются более усердные, чем даровитые литературные птенцы, вроде г. Юрия Веселовского и ему подобных, убеждать русскую публику в существовании хорошей армянской литературы, дальше лепета они не идут, потому что как ни усердствуй, а из ничего только и получится ничего.

Некий г. Эзов, составивший феноменальную по бесцеремонности книгу «Сношения Петра Великого с армянским народом», в которой приписывает, вопреки здравому смыслу, какое-то особенное дипломатическое значение неведомому проходивцу Израиллю Ору или Орию, пытавшемуся вовлечь Петра Великого в войну с Персией, как раз во время разгара его борьбы со шведами, - этот г. Эзов черпает отовсюду цитаты, невыгодные для грузин, выходя ради этого далеко за пределы своей задачи. Такие же цитаты тенденциозно подсовываются читателю в филантропическом сборнике «Братская помощь пострадавшим

в Турции армянам», с эпиграфом из Гладстона: «доброта, доброта и... доброта!» Получилась доброта довольно ядовитая, в армянском стиле.

Очень интересную брошюру («Армянские мудрецы и вопиющие камни») посвятил этой лжи, всем этим историко-археологическим посягательствам и хищениям армян известный грузинский поэт и публицист, князь Илья Чавчавадзе. Эта брошюра переведена на русский язык и богата характерными фактами.

В Тифлисе, когда говорят о грузино-армянских междуплеменных отношениях, вспоминают корреспондента «Temps», некоего Кутули. Едва приехал он в Тифлис, как его захватил хитрый горбун, талантливый политический агитатор Арцуни, редактор-издатель газеты «Мшак». Начали армянские богачи ублажать и закармливать Кутули, ни на шаг не отпуская его от себя. Он совершенно утратил способность смотреть на окружающее собственными глазами. Дошло до того, что всех красивых женщин, встречаемых на пути, ему выдавали за армянок, а всех уродливых - за грузинок. Получился такой комизм, что даже грузины, у которых историко-археологическое самолюбие чрезвычайно обострено, не в силах были сердиться, читая путевые впечатления доверчивого или податливого француза.

Чрезвычайно забавно было видеть, еще весьма недавно, как армянские политики и «делатели истории» пытались совратить французского ученого, барона де Бай, много писавшего о России, и как они были удивлены неудачей. Он посетил, между прочим, Эчмиадзин, столицу армянского католикоса, где ему показывали какие-то необычайно древние вещи, какие-то короны, чаши, расшитый покров и т.д. Опытный археолог сразу заметил крайнюю неточность приведенных армянами хронологических данных и не без юмора высказал это печатно. Оказалось, между прочим, что кое-какие мнимо-древние узоры относятся к упадку стиля *рококо*. Бешенство местных армянских газет, печатавшихся русскими буквами, дошло до неприличия.

Болезненное самолюбие и тщеславие армян и склонность их рекламировать свое величие в прошлом и настоящем - объясняются и отчасти оправдываются тем, что они в течение веков стяжали себе плохую репутацию, от которой хотели бы избавиться.

Беспристрастный, гуманный и нравственный Тацит, умеющий хвалить врагов Рима, германцев, говорит об армянах во 2-ой книге *Ab excessu Augisti*, в параграфе 53, нижеследующее: *Ambigua gens ea antiquitus hominum ingeniis et situ terrarum*, - этот искони двуличный народ, как по характеру, так и по географическому положению; *saepius discordes sunt, adversus Romanos odio et in Parthum invidia*, т.е. беспрестанно разрываются ненавистью к римлянам и завистью к парфянам. В книге 12, в параграфе 46, он указывает на «достаточно известное вероломство армян», *satis cognitam Armeniorum perfidiam*.

«Ты трус, ты раб, ты армянин!», - говорит Пушкин устами старого горца. Грузинский народ говорит: «мовида сомехи - мойтана схва мехи», - пришел армянин и принес новую беду. По поводу вытеснения грузинских дворян армянскими торговцами и затем пиджачниками сложился целый ряд народных пословиц: «породистые кони перемерли, - ишакам осталось раздолье», «чужая курица прогоняла из дому курицу домашнюю» и т.п. Закавказские татары говорят: «зажги свои десять пальцев, как свечи, чтобы осветить дорогу армянину, и он тебе спасибо не скажет». Русский народ давно склонен называть армян именами уничижительными, связывая с ними то презрение, то насмешку. Некрасов, поэт передовой и гуманный, говорит:

Жениху с солидным чином
Отказалась, осердясь,
И с каким-то армянином
Обвенчалась, не спросясь

Не менее гуманный Жемчужников (в Козьме Пруткове) поет так:

На узкой кровати
Лежу я один,
В соседней палате
Кричит армянин.

Слово «кричит» чрезвычайно типичное: они именно склонны кричать по всякому поводу. Не пустят их в чужой дом, или раскроют какие-либо их шашни, или отдадут под суд воришек из ихней среды, - и они не только кричат, но заставляют кричать иноплеменников, глупых или продажных людей.

Наша беспристрастная беллетристика тоже неблагоприятно относится к армянам. У Лескова, в «Соборях», имеется, например, шантажист с сильно развитым тазом, - Термосесов.

Франция и Германия, где есть и армянские революционные кружки, и где на деньги бакинских нефтепромышленников ведется усиленная агитация в пользу армян, люди мало-мальски знакомые с вопросом, и притом беспристрастные, поднимают голос *против* этих последних. Французский путешественник по Армении, Курдистану и Месопотамии, граф де Шоле, с большим знанием дела рисуя жизнь этих турецких провинций и негодующий на бесчеловечное отношение мусульман к армянской народной массе, говорит об армянах: *«и тем не менее, невзирая на огромное сострадание, которое порождали во мне их бедность и их мучения, мне никогда не удавалось привязаться к ним, так отвратительно их плутовство, так постыдна их низость и возмутительна их подлость»*.

Немецкий путешественник Альфред Кёрте, в своих «Анатолийских эскизах», которые посвящены им известному германскому деятелю в Турции Кольмару фон-дер-Гольцу, и в которых автор, стало быть, не решился бы говорить на ветер, высказывает следующее: *«почти каждый, кто в этих провинциях соприкасается с ядром народа, научается уважать и любить турок, низко ставит греков и ненавидеть и презирать армян... Везде оправдывается пословица, что грек обманет двух евреев, а армянин двух греков*. Можно наверняка сказать, что если вас в Анатолии где-нибудь обманут, - то, значит, вы имели дело с армянами». Тот же автор приводит слова крупного подрядчика в Эски-Шехире: «когда я условливаюсь относительно дела с турком, то обхожусь без письменного контракта, - ибо его слова достаточно. С греком или иным левантинцем я заключаю письменное условие, ибо с ними это нужно и полезно; с армянами же я и на письме никаких дел не веду, потому что от их лживости и интриг не ограждает даже письменное условие».

Строго говоря, интеллигентные армяне давным-давно сознают, что репутация у их племенного имени - нелестная. Недаром они еще весьма недавно старались выдавать себя перед людьми, незнакомыми с Кавказом, за грузин, а иногда, для пущей поэзии, за «черкесов». Доселе и они, и публицисты, сочувственно к ним относящиеся, склонны, где только возможно, заменять слово «армянин» словами «туземец», «кавказец», и, в особенности «христианин». Это напирание на «христианство» весьма характерно, как потому, что армяне не прочь поживиться насчет своих соседей-мусульман, так и потому, что название «христианин» дает им положение привилегированное, и очень им удобно в тех случаях, когда невольно напрашивается сравнение их с евреями. А еврейских черт у них столько, что если бы все ученые мира ошибочно признали их арийцами, сама жизнь возмутилась бы против такого определения...

Как бы ни была неточна писаная история Армении, в ней есть много характерного и поучительного, как в большой бесцеремонности тона повествователей, так и в самих фактах. Начиная с католикоса Иоанна VI («История Армении с начала мира до 925 года», перевод на французский язык Сен-Мартена) и до позднейших времен, армянские историки *pretendent* на точность сведений, относящихся именно к сказочному периоду. Армяне происходят, мол, от Ноя; его правнуком и внуком Иафета был

мифический Гайк. По словам армянского архиепископа Иосифа, посвятившего свою книгу императору Павлу I, - «*достовернейшее* повествование о родословии праотцев армянского племени гласит так: Ной родил Афета, Афет родил Гомера, Гомер родил Тираса, Тирас родил Торкома, Торком родил Гайка, который обще с Немвродом предпринял Вавилонское столпотворение. Поелику же не хотел он признать над собой верховной власти Немврода, то, оставя предприятие оное, возвратился в свою землю, за что от Немврода нанесена ему была война, на которой Гайк победил и убил Немврода. Почему народы, повинующиеся Гайку, почитая его за отца своего и государя, стали называть себя от имени его Гайканами». Затем идет целый ряд столь же правдоподобных и доказанных фактов. *Страницы пестреют «великими» именами, незнакомыми никаким историям*, кроме армянской, да порою появляются в сильно увеличенном виде фигуры менее сомнительного происхождения.

Если бы, кроме слова «измышление», понадобилось начертать на скрижалях армянской истории слово, которое бы точно охарактеризовало факты правдоподобные, то нельзя было бы избежать слова «*измена*». Сомнительные властители Армении, страны с постоянно колеблющимися границами, всегда зависят от сильных соседних монархий и всегда *систематически* изменяют им. Знатные люди (нахарары) изменяют царям, народ - и тем и другим. Жестокость нравов и ненадежность взаимных отношений - феноменальные. Стоит персиянам, римлянам, арабам назначить кого-нибудь правителем Армении, чтобы немедленно этот правитель начал готовиться к возмущению.

В собственной Армении, т.е. на армянском плоскогорье, сколько-нибудь независимое царство было упразднено довольно-таки давно, в пятом веке, когда Армения стала открыто *персидской провинцией* и фактически, как власть ближайшая и организованная, над армянским народом воцарилась *теократия с католикосом во главе*. С тех пор не менее наглядно армянские заправила, так сказать, торгуют на две лавочки: продают отечество и народ то персам и затем мусульманам вообще, то Византии, исподтишка ведут свою линию борьбы за племенную самобытность.

Некоторый призрак государственности возник в конце XI века в маленькой Киликии и окончательно рассеялся в 1375 году.

7. Переход к теократии и монофизитство.

Первое упоминание о христианстве (кн. Абгар Эдесский) среди армян, в виду племенной близости их с евреями, встречается очень рано, в 1-ом веке нашей эры, но формальное, хотя весьма сомнительное по существу, введение христианства относится к 301 году: св. Григорий Просветитель обратил царя Трдата, который крестил своих подданных и вскоре затем внезапно умер: предполагают, что он был отравлен новыми христианами. Библия на армянском языке появляется только в V веке, перевод Месропа. Истинным христианам и руководителям церкви жилось в Армении тяжело; например, католикос Нерсес Великий, в конце IV века, вел, впрочем, не во имя христианских идеалов, а с целью основать *теократию*, яркую и в основе недостойную борьбу с царем и, по некоторым сведениям, кончил неестественной смертью. Царь Тигран II заставлял армян поклоняться изображению Юлиана Отступника.

Особый интерес представляет собой момент отпадения армян от православия. Оно истекало из теократических стремлений, соображений материальных и политических, подготовлялось давно, но оформилось и нашло себе догматические придиры лишь в VI веке, когда армяне, в угоду персидскому царю Хозрою, *окончательно отвергли формулу Халкидонского собора и примкнули к монофизитам*. Персиянам это было нужно, чтобы внести рознь в христианский мир и ослабить Византию. Такое же стремление проявили арабы, пускавшие в ход и угрозы, и деньги, - т.е. средства, перед которыми потомки Гайка

устоять не могли. Армяне, с одной стороны, вступили ценою измены вере на путь рабского отношения к иноверным властителям, с другой - упрочили особый тип *подпольного государства, отвечавшего их семитическим инстинктам, а именно теократию*, в которой политические и материальные интересы имеют особо важное значение, в ущерб религиозным.

Такая *ликвидация открытой государственности*, требующей и мужества, и верности, и умения добровольно, с доброй целью дисциплинироваться, и жертв материальными благами и кровью, очевидно, не может служить патентом на благородство для расы. Но следует признать, однако, что внешние условия были уж очень тяжелы, и открытая борьба с соседями была бы слишком неравной, так что *к борьбе рабьей пришлось перейти невольно*. С другой стороны, переход к теократии был, несомненно, актом *практически-мудрым*, так как именно теократия сохранила самобытность армянской расы и проявила необычайную способность возрождения этой самобытности там, где эта последняя, казалось, уже уснула навеки.

Сквозь всю дальнейшую историю армян, полную унижений перед крупными и мелкими иноверными властителями, проходит еле заметной струйкой и никогда не иссякает *надежда на возрождение армянского народа и государства*.

Разумеется, мечтает об этом не народная масса, а единичные патриоты, преимущественно *лица духовные*, разбогатевшие купцы, нахарары или мелики, попавшие в милость к шахам и султанам. Весьма характерно, что эта надежда разрастается именно по мере территориального роста России, по мере приближения ее победоносного стяга к Передней Азии.

Сношения армян с русским правительством довольно пестры. Петр Великий, глубоко понимавший значение русской исторической миссии на Ближнем Востоке, разумеется, ничего не имел бы против того, чтобы люди, считавшиеся христианами, восставали против своих мусульманских владык, врагов православия и русско-славянского дела. Поэтому он упомянутому выше авантюристу Израилю Орию высказываться дал; но на удочку его царь, однако, не поддался. Великий Император велел словесно объявить армянским посланцам, что «ныне занят Свейской войною», и вовлечь себя в авантюру не дал. На просьбу же Израиля Ория разрешить ему быть в этой войне при русских войсках государь велел отвечать, что *«ему тамо быть не для чего»*.

Любопытно, что из монархинь XVIII века Анна Иоанновна (вероятно, на основании сведений, полученных от Волынского, близко знавшего армян), относилась к последним недоверчиво, хотя и вела христианскую политику, так как ее полководцы побеждали мусульман. Екатерина II, наоборот, дошла до крайних пределов благоволения к армянам, что объясняется, быть может, царившим при ее дворе растлением нравов и чрезвычайной роскошью. Немудрено, если находились царедворцы, получавшие «пешкеши» от армянских торговцев дорогими товарами. Кроме того, «великолепный князь Тавриды» был, несомненно, человеком с фантазией, и его забавляла мысль о возрождении христианского царства на армянском плоскогорье.

В царствование Императрицы Екатерины у армян проявился человек, во многих отношениях замечательный, с неукротимой энергией и большой политической предприимчивостью, доходившей порой до назойливости. Это был архиепископ Иосиф, происходивший из старинного, давно огрузиненного по культуре армянского рода, получившего от грузинских царей княжеское достоинство. Он носил фамилию Аргуташвили-Мхагрдзели, в буквальном переводе означающую *Аргутов-Плечистый*, но затем переведенную «с фантазией» и вошедшую в русский обиход под именем «Аргутинский-Долгорукий». С рюриковичами Долгорукими у этой фамилии, конечно, нет ничего общего. Упомянутый архиепископ Иосиф в 1779 году основал Нахичевань-на-Дону, армянский город, населенный выходцами из Крыма и Турции, в числе 15 000 человек. Переселенцам были даны недурненькие льготы: перевозка за счет казны из Крыма всей недвижимости, 12 000 десятин выгонной земли, освобождение на 10 лет от

всех повинностей, свобода от постоев и рекрутчины: каждому домохозяину отведено по 30 десятин земли, лес и припасы на постройку даны безденежно, а семена, скот и инвентарь - с возвратом через 10 лет. Обо всем изложенном имеются точные сведения в полном собрании законов.

При царе грузинском Ираклии II, благодаря хлопотам того же Аргутинского, *стремившегося пробуждать армянское самосознание*, в Грузии были водворены кое-какие карабахские мелики с подвластными им крестьянами и образовали селение Шулаверы. Два мелика, Меджнун и Або, поторопились предать своего нового владыку и *явились шпионами-проводниками персидского шаха Ага-Магомед-Хана*, разрушившего Тифлис в 1795 году. Последнее признает природный армянин, генерал-лейтенант С.О. Кишмишев. Профессор Санкт-Петербургского университета А.А. Цагарели основательно замечает, что в конце XVIII века архиепископ Иосиф проявлял большую энергию, *«но только в направлении, несогласном с видами и планами русского правительства!»*. Подтверждение этого вывода можно найти и у академика Н.Ф.Дубровина, который говорит, что летом 1796 года армянский архиепископ Иосиф вздумал вмешаться в дела покоренного дербентского ханства, не упускал случая придирается к мусульманам, старался унижить последних пред армянами, - словом, в самое короткое время своего пребывания в Дербенте, *восстановил против себя все население*. Граф Зубов вызвал Иосифа в главную квартиру, но и там пришлось принять меры, чтобы ограничить политиканство архипастыря. Войдя в сношение с эчмиадзинским патриархом, и не испрашивая ничьего позволения, Иосиф написал вместе с ним *«коллективное послание к армянам, жившим в Карабаге и других местах Закавказья»*; в этом манифесте говорилось, что русские войска вступили в Персию с главным намерением *«освободить армян от ига мусульман и сделать их независимыми»*. Это послание произвело всеобщее волнение среди жителей Закавказья: *армяне мечтали о восстановлении царства Великой Армении*.

Современник названного архиепископа, П.Г. Бутков свидетельствует о чрезвычайном честолюбии Иосифа, который собирался, будто бы, сделать царем Армении своего племянника и приготовил даже царскую корону. Еще будучи в России, Аргутинский-Долгорукий, собираясь воссесть на патриарший эчмиадзинский престол, заказал свой гравированный портрет в патриаршем одеянии.

Очень интересный момент *политической* истории армянской церкви описан в брошюре «Начало сношений эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством», принадлежащей перу упомянутого выше г. Эзова, которого нельзя заподозрить в критическом или хотя бы беспристрастном отношении к армянам, считавшим его одним из главных своих руководителей и апологетов. В конце XVIII века, вопреки принципу *всенародного* избрания эчмиадзинского католикоса, на эту кафедру воссел архиепископ Гукас (Лука), *избранный только эчмиадзинским духовенством*. Константинопольский армянин патриарх Захария запротестовал. Гукас писал ему нежные послания, а тем временем константинопольская армянская община выхлопотала у турецкого правительства *смещение Захарии*. Торопливость Гукаса, которого г. Эзов хвалит до небес, объясняется-де тем, что понадобилось избежать избрания на эчмиадзинский престол Израэля, патриарха *агванского* (гандзасарский монастырь близ гор. Шуши). Речь шла о том, чтобы нанести удар обособлявшемуся агванскому патриархату и установить *теократическое единодержавие*. В этом, по неосведомленности или продажности действовавших служилых людей, его поддержали и турецкое, и русское правительства с трогательным единодушием, хотя интересы их были противоположны. Наш посланник в Константинополе Томара сочувственно доносил правительству в 1801 году, что Гукас стремился *«восстановить свою нацию помощью России»*. Агванский патриархат, *в угоду зарубежному католикосу*, был сперва крайне стеснен, а затем, по присоединении Карабаха и Гянджи к России, незаметно упразднен, *эскамотирован*. Оказалось, что *наши политики менее дальновидны, чем даже турки*,

догадавшиеся в своих пределах поддержать независимость патриархатов *Сисского и Ахтамарского* от «католикоса всех армян».

В момент присоединения Грузии армянское духовенство стремилось показать, что армяне тут играют какую-то особенно выдающуюся роль, и что главная суть именно в армянах. Так как монофизитство армян было общеизвестно образованным русским иерархам, а Россия спасла и приняла на свое лоно Грузию как царство *единоверное*, то архиепископ Иосиф позаботился о распространении возможно более благоприятных сведений об армяно-григорианстве. В 1799 году вышла в С.-Петербурге книга *«Исповедание христианской веры армянской Церковью» Иосифа, архиепископа армянского народа, обитающего в России*. На странице 14-й сказано о Христе: «едино Лице, един вид, и соединен в едином естестве»; на 50-й странице Иосиф говорит, что естество здесь равняется понятию лица. Но тогда к чему же было приводить два равнозначущих понятия? Ясно, что это делалось из желания *скрыть* монофизитство армян. Разумеется, он тщательно умолчал о католикосе Иоанне IV Отцнийском, прозванном «философом» и причтенном григорианской церковью к лику святых. В угоду мусульманам-арабам и за приличное от них вознаграждение этот иерарх созвал собор, на котором *подверг анафеме Халкидонский собор* и произнес еще следующие решения: «Кто говорит, что Христос был человеком по природе, и творением тленным по плоти, и подверженным страданию, и смертным по природе человеческой, *анафема* да будет; кто не исповедует Христа *единым* бессмертным естеством, *анафема* да будет».

Видя, что все это компрометирует армянскую церковь в глазах православных, в XIII веке армянский историк Киракос, а в позднейшее время упомянутый Иосиф и католикос Нерсес пытались скрыть монофизитство армян.

Интересно разоблачают все эти махинации проф. Спб. Духовной академии Троицкий «Изложение веры армянская» 1877 г. и г. Аннинский «История армянской церкви», Кишинев, 1900 г.

Архиепископ Иосиф, впрочем, напрасно так беспокоился об этом вопросе. В ту пору наша бюрократия мало заботилась о православии и еще менее понимала в нем толку. Армянское дело в русских пределах с той поры продолжало расти неуклонно, по временам двигаясь вперед крупными скачками. По туркменчайскому трактату в состав России вошел Эчмиадзин и католикос оставлен на правах вселенского патриарха всех армян. Православную грузинскую автокефальную Церковь мы своевременно упразднили и земли ее отобрали в казну, а наряду с этим в русских пределах оказалось теократическое *государство в государстве*, фактически недоступное контролю и обладающее огромным авторитетом в глазах своей «политической паствы». При Паскевиче был послан в Персию полковник Лазарев для приглашения армян, которые перешли в Закавказье в числе, примерно, 40 000 душ. Эчмиадзинский патриарх тоже участвовал в этой комбинации: велел переселиться из Персии армянским священникам, за которыми вслед пошла и паства. По Адрианопольскому миру мы получили более 10 000 турецких армян; один эрзерумский архиепископ Карапет привел до 70 000. С той поры постепенное переселение армян из мусульманских государств в Россию шло *непрерывно*, то еле заметной струйкой, то, как за последние несколько лет *широким, стремительным потоком*. Теперь, когда более или менее ясно, к каким результатам привело стремление кавказских администраторов привлечь побольше армян, немудрено вспомнить малорусскую пословицу: «купив собі біду, тай за свої гроши».

Разумеется, и Иосиф Аргутинский, и католикос Нерсес, сидевший на патриаршем престоле с 1843 по 1857 год, были *колоссами армянской идеи, по сравнению с прочими соплеменниками своими*. Созидательная, с армянской точки зрения, деятельность Нерсеса, в бытность его архиепископом, в Тифлисе и Кишиневе, прямо огромна.

8. Племенная обособленность и экономическое владычество.

Масса армянского населения, пожалуй, подумывала в Турции и Персии об автономии; перейдя же в пределы могущественной России и притом в Закавказье, довольно рационально тогда управлявшееся, армянский народ первое время не поддавался нелепым бредням. Он отдыхал от тяжких испытаний, богател и незаметно готовил для себя сперва экономическую почву. Бунтовать же, например, при Ермолове было бы не очень удобно.

В изданном по Высочайшему повелению «Обозрении российских владений за Кавказом» (Спб. 1836) на стр. 197-199 говорится следующее: «Армяне, подобно Моисееву народу, должны были рассеяться по лицу земли, собирая богатства, коими, под бременем своих властелинов, не могли наслаждаться в земле своей. От этого произошла причина *бесхарактерности армянина: он стал космополитом*; его отчизной сделалась та страна, где с большей себе выгодой и безопасностью может он употребить изворотливый свой ум для прибыли. Но и в этом отношении заметна некоторым образом *робость его духа*; нужны слишком явные, слишком положительные выгоды для побуждения армянина к предпринятию важного какого-либо торгового оборота. Да и в таком случае нередко страх потерять приобретенное уже бывает причиной неуспеха в начатом деле. Все это могло произойти частью от утеснительного состояния, в каком находились они при азиатском правлении, ибо богатство подвергало иногда жизнь опасности, или, по крайней мере, надлежало тщательно скрывать приобретаемое. Хитрость, лукавство - необходимые качества непросвещенных, а тем более торговых народов, - свойственны армянам: *всякий обман считается ими дозволенным в покупке и продаже, всякая мера для приобретения - законной. Они овладели торговлей Тифлиса и всего Закавказья; исполняют всякого рода поручения, содержат почти все откупы, принимают все подряды, исполняют обязанности комиссариатских и провиантских там комиссий. Они - переводчики, докладчики, факторы; словом, где есть возможность получать прибыль, там непременно находятся армяне. Корысть - первый движитель всех их помышлений и поступков*».

Эта характеристика и по сие время верна, за исключением указания на космополитизм. С 30-х годов много воды утекло, и армянское племенное обособление развилось с чрезвычайной быстротой, при помощи духовных и светских патриотов, быстрого обогащения и беспрепятственного пользования богатством, а также *отсутствия дальновидности у целого ряда русских правителей*, которых армянские вожаки умели, посредством веских, а, по кавказским преданиям, иногда и *вещественных аргументов*, убеждать в своей непоколебимой преданности и верности России. Последнее, кстати, как будто подтверждалось во время каждой войны, когда армяне служили *шпионами* против турков и персиян; доказательство *мало надежное*, ибо в самом ремесле *шпиона содержится основание для недоверия* к его носителю.

Весьма характерно замечание автора «Обозрения» относительно робости духа армян, даже в области промышленности. Князь Воронцов почти силой навязывал им выгодные предприятия, положившие начало огромным состояниям. В их обогащении, с первых же дней и до сего времени, двигателем является *начало паразитическое, а не созидательное*. В немецкой экономической литературе это называется *Conjuncturgewinn*, т.е. барышом, получаемым от особенного сцепления условий, случайных или искусственных. *На изощрение техники такого пенкоснимания, на опутывание местных властей и иноплеменного населения были в первой половине XIX столетия направлены все силы армянской буржуазии*.

То, что автор «Обозрения» называет «бесхарактерностью» армян, точнее называть *умением по внешности ассимилироваться*, воспринимать чужие имена, одежды и обычаи. В Грузии масса армян приняла фамилии с окончанием на «швили», в мусульманских провинциях появились Юсуф-беки, Кара-беки, Ибрагим-ханы и тому подобные

прикрытые армяне; в России появились не только имена с армянским корнем и русским окончанием, но даже Красильниковы, Сапожниковы, Лисицыны, Сергеевы, Поповы. В Астрахани был отъявленный ростовщик армянин с очень русской фамилией, прозванный «красным кушаком». Его потомки пролезли во дворянство и в такие круги, где их никто не ожидал...

Ассимиляция, как впоследствии оказалось, была *весьма поверхностной и временной*. Армянство держало за пазухой камень обособления, и этот камень рос, сперва незаметно, а за вторую половину XIX века - с наглядной, головокружительной быстротой.

Идею обособления подсказывали армянам и *англичане*, которые с самого начала нашей кавказской войны стремились подзадоривать все местные племена к восстанию против России, и *поляки*, двумя, если можно так выразиться, вспрыскиваниями, в 30-х и 60-х годах, за позднейшее время *немцы*, и, наконец, сами же армяне, приходившие из зарубежных стран. Среди таких армян выделились две семьи особенно «ядовитых». Первая отличалась *клерикально-сепаратистским* направлением, а вторая поставила сепаратизм на почву *буржуазно-либеральную*, иногда с радикальным оттенком. Каждая война России с соседними восточными государствами увеличивала, с одной стороны, численность армян, и притом элементами, выработавшими в себе инстинктивную склонность к крамоле в хаотических азиатских деспотиях; с другой - война чрезвычайно обогащала их промышленный класс. Поставщики, шпионы, мародеры сильно наживались, а цены на все необходимые продукты быстро возрастали, под предлогом войны, и *затем оставались на этом ненормальном уровне*. Еще Погодин, посетивший Закавказье при кн. Барятинском, отмечает *чрезвычайную дороговизну жизни*, очевидно искусственную.

Наместничество немало также послужило подъему экономического могущества и племенному обособлению армян. Эта, безусловно, отжившая ныне для Кавказа форма управления, в указанный исторический период имела свое разумное основание, но у нее уже тогда были также и *темные стороны*. Так, например, наместник князь Воронцов, задавшись «европеизацией» кавказских народностей повел их путем сильного повышения потребностей, подъема роскоши и шумной общественности. Элементы, экономически не подготовленные, стали разоряться, а хищные, т.е. представители армянской буржуазии, - сильно богатеть на костях тщеславной знати, летевшей на огонь новых приманок. При первом же наместнике образовалось нечто вроде двора и хотя «придворными» были, главным образом, представители родовой знати, но *их денежная зависимость от армянских богачей приводила к тому, что эти последние были фактически влиятельными людьми*, далеко не всегда с ведома начальников края.

Против краевого обособления можно было бы значительно раньше принять меры, умело насаждая *русскую экономическую силу* и, главное, *соединив Закавказье возможно более кратким железным путем с остальной Россией*. Но именно этого-то и не было сделано, как я имел случай отметить в предыдущих главах. Вместо этого была проведена Закавказская железная дорога, то есть, *организовано обособленное экономическое кровообращение обширного края*. У нас принято смотреть на железные дороги, как на фактор прогресса и обогащения вообще. Это взгляд совершенно неверный и, должно быть, придуманный заинтересованными лицами и без должного понимания повторяемый прочими обывателями. Железная дорога есть *орудие, всецело служащее тому, кто экономически сильнее других, обостряющее и ускоряющее развязку неравной борьбы между сильным и слабым*, между стачкой и разрозненными обывателями. Закавказская дорога явилась преимущественно орудием быстрой хищнической эксплуатации всего населения страны армянской буржуазией, так же точно, как и банки, и многое другое...

Обширный район экономического воздействия своего властителя охотно начинают при таких условиях *принимать за будущую свою политическую территорию*, тем более что вся история Передней Азии богата фактами, склоняющими к такой «мечтательности». Да и как не мечтать людям, быстро разбогатевшим темными путями без созидательного труда и видящим в течение нескольких десятилетий, что им *все позволено*, все сходит с

рук! Система подкупа организована, печать местная и столичная к услугам, Петербург, в лице *честных* представителей власти, не осведомлен... Странно было бы не «мечтать»!..

Мусульмане, жители завоеванных областей, спрашивают не без горькой иронии. - «Где же русские? Для кого же они нас завоевали? Во всяком случае, *не для себя*. Мы видели храбрых русских солдат, а теперь видим только слабых и корыстных российских чиновников, зачастую не русских по происхождению. Ни ваших купцов, ни ваших хлебопашцев здесь не видно! *Все армяне, наши вчерашние рабы*. Нечего сказать! Стоило воевать, чтобы дать господство таким нехорошим людям!..»

Два факта имели *решающее экономическое, и затем политическое значение* для закавказских армян и, так сказать, *прорвали плотину*, сколько-нибудь сдерживавшую их быстрое наступательное движение. Это, во-первых, *изъяны реформ 60-х годов*, а во-вторых, развитие *нефтепромышленности в бакинском районе*.

Первый факт повлек за собой разорение дворянства и упадок его авторитета, прилив в Закавказский край многих русских людей, враждебных русскому строю и увлеченных новыми течениями, от буржуазного либерализма до анархии включительно. Такие люди ни созидать русского дела, ни мешать инородческому обособлению не могли. *Правовой порядок, уместный там, где сильно развита гражданственность и самостоятельность всех слоев и категорий населения, явился вопиющей нелепостью в Закавказье* и предал всех и все в руки армян, которые одни обладали чертами характера, необходимыми для победы при буржуазно-правовом строе. Не будет преувеличением сказать, что эти черты развиты в них *до уродства*. В силу исторической привычки к подпольным организациям, они умеют, почти без уговора, соединяться в кружки, дисциплинироваться, организовывать стачки и маленькие экономические и иные заговоры против всех прочих обывателей. *Этой способностью они превосходят евреев*, у которых зато гораздо больше творческой фантазии, чем у армян.

Пионерами нефтепромышленности в крае *были сперва русские*, но скоро и след от них простыл, потому что они не умели прибегать ни к армянским способам обогащения, ни к армянским же способам вытеснения конкурентов, - посредством уголовщины, стачек и интриг в присутственных местах всевозможных ведомств. Состояния в несколько десятков миллионов стали возникать с быстротой головокружительной. Вчерашний амбал, носильщик, нагрузчик с пристани, мелкий приказчик или более или менее заведомый контрабандист, получив от «своих людей» клочок украденной у казны нефтеносной земли, через несколько месяцев мог иногда купить совесть десятков служилых людей, необеспеченных, изолированных, лишенных нравственной и материальной поддержки. Поднялась целая *вакханалия*, которая с возрастающей силой *продолжается до сих пор*.

Часть тамошнего русского служилого класса давно в зависимости от армянских богачей. *Нет в крае буквально ни одного учреждения, дела и проекты которого составляли бы абсолютную тайну от армян*. Высшее сословие всех местных племен, в лице огромного большинства своих представителей, мотается на вексельных арканах и, так сказать, нравственно, *стоит уже на запятках* у новых повелителей края. Банки, не исключая государственного, повинуются им же: в учетном комитете местного отделения государственного банка армяне составляют подавляющее большинство и широко этим пользуются. Общество взаимного кредита, главный капитал которого состоит из сравнительно небольших прежних чиновничьих сбережений, систематически служит поддержанию деревенских и городских ростовщиков, опутывающих крепкой сетью все местное население. Вся, *теперь без исключения*, кавказская печать находится во власти или под влиянием армян.

Несколько русских газет, издаваемых армянами и трогательно *солидарных с нашей еврейской печатью*, конечно, *только печатаются русскими буквами* и проникнуты ненавистью к созидательным русским началам.

Цензура, которой по закону надо быть объективной в племенном вопросе, нередко более чем наглядно мирволила армянам!

Чтобы не быть голословным в этом указании, приведу несколько примеров. Выше я уже указал, что статья, полная издевательств над одной из древних православных святынь, была пропущена цензурой, а мне не было дозволено в газете «Кавказ» ответить, как следует, на эту мерзость. У меня хранится оттиск статьи, в которой русская женщина призывала своих тифлиских соотечественниц к бережливости, к отказу от излишней роскоши и сомнительного кредита и советовала беречь служилую честь и достоинство мужей, отцов и братьев. Статья была запрещена, потому что *могла бы раздражить местных тузов, которым успешность такой проповеди была бы некстати*. Предлогом к запрещению этой статьи и многих других было недопущение так называемой расовой нетерпимости, хотя об армянах там не было сказано ни слова⁷. Расовая «терпимость» цензуры не помешала ей, однако, разрешить тифлисскому уличному листку пошлый *пасквиль на магометанство*. Какой-то местный наемный разбойник пера написал, что *Магомета силой толкнули в ад*. Написано это было *не зря*, а с явной целью вызвать беспорядки. На площадях и базарах в день выхода этого номера представители армянской черни, как-то сразу осведомленные, *дразнили этой статьей местных мусульман*. Возбуждение последних дошло до такой степени, что местами люди хватались уже за кинжалы; начальник края был в отъезде, и высшие представители мусульманского духовенства заявили его помощнику, что не отвечают за спокойствие своей паствы.

Только благодаря последнему обстоятельству цензура дозволила мне дать очень резкую отповедь негодяю, бессмысленно бросавшему в толпу грубые издеательства над чужой верой.

Для характеристики положения вещей добавлю, что автором статьи был деморализованный от бедности грузинский дворянин, прервавший свою «литературную» карьеру тем, что *убил человека из засады, не поделив с ним какой-то свиньи*. Армяне-плутократы прикармливают таких людей и, так как их интеллигенция к писательству неспособна, то они широко пользуются услугами продажных иноплеменников, в том числе местных и столичных русских. Указанный герой что-то очень долго был судим, написал в промежутке между инстанциями трогательную статью в «С.-Петербургских Ведомостях», был сослан, но затем, по чьему-то сердобольному ходатайству, помилован и теперь опять поучает тифлискую публику нравственным принципам.

Боюсь отвлечься в сторону и впасть в личные воспоминания, но не могу удержаться от того, чтобы рассказать маленький факт, свидетельствующий о культурном уровне местных, с позволения сказать, писателей, питающихся из армянского корыта. Как-то перед Рождеством задумала группа местных городских учительниц устроить елку для бедных детей и печатно обратилась за пожертвованиями. Казалось, следовало поддержать начинание этих милых, самоотверженных тружениц. Однако, упомянутый выше герой, в угоду каравансарайским купцам, не желавшим жертвовать на это дело, выступил со следующим убийственным возражением: «В основе устройства елки для бедных лежит доброе христианское чувство, но энергия и деньги расходуются, извините за грубость, на глупости. К чему такая трата мирра: не лучше ли было продать его и раздать нищим. Это слова *Спасителя* весьма уместны в данном случае».

Фельетонист армянствующей газеты *приписал Христу слова Иуды*. После этого выражение «иудина мораль» вошло в Тифлисе в пословицу.

С армянской печатью творилось нечто невообразимое. Например, газета «Ардзаганк» систематически издевалась над всем русским, о чем я получал лишь отрывочные сведения. *Честного переводчика в Тифлисе нельзя достать на вес золота*. Наконец, я случайно нашел такого господина, конечно, не из армян, который доставил мне перевод очень щекоотливой проповеди его святейшества, католикоса Мкртыча I, и кое-какие другие нескромные признания армянского «патриотизма»⁸. Как только я напечатал эти вещи, взывала не только армянствующая печать, но и цензура. Газеты, печатающиеся русскими

буквами, назвали меня tradittore, - предателем, как будто я кому-нибудь присягнул никогда не переводить щекотливых вещей, печатающихся в армянских газетах, которые, стало быть, считают себя подпольными?! Цензура же настаивала на неточности помещенного у меня перевода и защищала вообще газету «Ардзаганк».

Впоследствии точность перевода была констатирована компетентным лицом, занимавшим официальное место, газета «Ардзаганк», клерикально-революционное направление которой дошло потом до крайних пределов, была окончательно запрещена через год. Упомянутый же переводчик совершенно исчез с моего горизонта... Он боялся, и не без основания, что его прогонят со службы, хотя служил он в русском правительственном учреждении...

Странно даже говорить такие вещи, а между тем в том, что я скажу, нет преувеличения. Крупное должностное лицо может еще, пожалуй, отстаивать русские интересы от посягательств армян, но маленькому чиновнику прямо небезопасно быть не только активным противником армянской интриги, но даже просто строго-честным служакой, не допускающим беспорядка и злоупотреблений, в которых участвуют армянские тузы. Его непременно оболгут, запачкают ему формуляр, выживут его тем или иным способом, если у него нет сильной поддержки; постараются повлиять на его жену или детей, скупить его векселя, если таковые есть, лишить его кредита, если таковой нужен. В Тифлисе есть с крикливой роскошью обставленное учреждение, мнимо-культурное и носящее приличествующее случаю имя, но *специально основанное* с целью вовлекать русских чиновников в склад жизни выше средств, совращать с пути истинного чиновничьих жен и вообще опутывать местное общество под предлогом приятных способов препровождения времени. Оно описано в моей сатире на тифлисские нравы «Нор-Какгак» (Новый Город). Пошлость мысли, выцыгивание нравственных начал, франтовство, обжорство и «клубничка» - союзники армянской политики. Это целая система, и система сложная, сопряженная с шантажом, позорная для русского имени.

В серьезных вопросах хозяева края не останавливаются и перед крайними мерами. Например, смерть честного судебного деятеля, члена тифлисской судебной палаты *Стрельбицкого* доселе является *не разъясненной* (хотя и «разъяснявшейся») печальной загадкой. Он умер неожиданно, еще полный сил, во время ведения важного дела. Зато люди податливые «процветают»; есть, например, служилые лица с видным положением, позволяющие себе производить в порядке третейского суда раздел крупных армянских имуществ и получать за это «дары нефтепромышленности».

О прямых злоупотреблениях я уже не говорю: имя им легион. Расхищены десятки тысяч десятин казенной земли, сокрыты сотни вопиющих преступлений, о которых говорил целый край. Люди, заведомо занимавшиеся контрабандой, хищением земель, подлогами и иными преступлениями и нажившие потом миллионы, достигли высочайших для их репутации и нравственной дикости званий и почестей; невежды и развратники оказывались покровителями учебных заведений; воры и поднадзорные - влиятельными членами армянских церковных попечительств, заправилами банков, главарями благотворительных обществ.

О том, какую ужасающую картину представляло и доселе представляет собой городское хозяйство, например, тифлисское, нечего и говорить. Хотя армяне там составляют лишь 40% населения, - дума всецело в их руках. Грузинам, русским, мусульманам доступа туда нет. Ни порядочных мостовых, ни хорошего освещения, ни сносного водоснабжения. В течение многих лет левый берег Куры, населенный русскими, подвергается периодическим наводнениям, дети мрут, как мухи, дома гниют. Начальство пишет, запрашивает, предписывает, а воз и ныне там. Армянские вожак открыто хвастают, что выживут русских из этой местности. К слову «русский», когда это простолюдин, они весьма обычно прибавляют термин «собака»; интеллигентных, но не влиятельных людей третируют, а своих прислужников держат на ролях илотов, то комичных, то позорных.

Вот факт, обрисовывающий целую картину отношений. Тифлисский губернский врач, г. Кикодзе, грузин, безукоризненный и мужественный местный деятель, открыл, что на городской бойне не сжигались, а продавались ветеринарным врачом Испандарьяном трихинозные свиные туши в огромном количестве. Рискаю жизнью, несмотря на грозившие ему обнаженные кинжалы заинтересованных лиц, молодой врач поймал с полочным мясника покупателя, обнаружил *городской склад заведомо трихинозных туш* и составил протокол. По расследовании обнаружилось, что это *система*, практиковавшаяся уже некоторое время; кроме непосредственного виновника, косвенно были замешаны и исполнявший обязанности врачебно-санитарного инспектора и коллеги Испандарьяна по надзору за бойней. Испандарьян лишил себя жизни, думцы всполошились и под разными предлогами, при помощи мнимо-благовидных отговорок и формальностей, чрезвычайно медлили (чуть не год!) рассмотрением вопроса в думе. Тем временем, в лесах Кахетии, как упоминалось в местных газетах, умирали в значительном числе от неизвестной мучительной болезни бедные дровосеки. На состоявшемся, наконец, сильно запоздалом заседании думы по вопросу о трихинах, известие об указанной болезни было поставлено в связь с продажей трихинозных туш на сторону. Известие было встречено возражением, что, стало быть, городу Тифлису не о чем беспокоиться. В конце концов, русский человек, сын заслуженного генерала и присяжный поверенный, гласный думы, некий г. Опочинин высказал, что, так как главный виновник сам себя наказал, то дело следует *передать забвению*. Не считаю нескромным назвать этого господина, потому что тогда же, в Тифлисе я резко выразил ему печатано свое возмущение. Слова, впрочем, не помогают там, где «нужно власть употребить»!.. Исправлявший должность санитарного врачебного инспектора был в этой должности утвержден, - и тем дело кончилось.

Сложность армянского вопроса заключается в том, что *задачи паразитизма и политиканства между собой тесно переплетены, находятся в органической связи...* Во время городских выборов это обнаруживается весьма наглядно. Такой порядок сильно развился при двух очень «патриотичных» армянах, городских головах Матинове и, в особенности, покойном Измайлове, когда армянская политика стала главным двигателем городской жизни. Многие русские и грузины искусственно лишаются возможности участвовать в выборах, частью из-за недоимок по обложению, причем в некоторых случаях в последнюю минуту таким препятствием служили внезапно предъявленные управой недоимки *в несколько копеек*, частью же потому, что избирателям из не-армян банки грозят взысканием по векселям.

На последнее можно не без основания заметить, что вольно же давать людям себя запутывать. Но дело в том, что в Закавказье всем пасынкам этого края мудрено и не запутаться. Рынок в руках у стачки, жизненные продукты чрезвычайно дороги, а кредит, который был бы нормальным в другой местности, здесь всегда опасен. Вообще, упоминая о нелестном положении русских людей, об их слабости и податливости в известных случаях, считаю нужным оговориться, что даже грехи могут быть вменены им в вину лишь в малой степени. Виноваты не отдельные лица, от которых *заведомо нельзя требовать героизма*, и даже, строго говоря, не единичные начальники края, которые могут быть преисполнены лучших намерений, но не обладать всеведением и *не находить достаточного контингента честных и верных сотрудников*. Виновата история края, создавшая особую *систему*, особый бытовой склад, при котором самые лучшие начинания бескорыстных представителей русской власти дают лишь малые результаты.

Тут целый гордиев узел. Необходима работа многих умов, работа целого *специального учреждения*, которая бы выяснила *истинное*, а не только формально-отчетное *положение дел* на Кавказе, и исторические его причины; надо, чтобы такое учреждение не было отвлечено тяжкими заботами повседневной жизни, как отвлечена местная власть. Тут ведь и разбои, и землетрясения, и другие стихийные бедствия в этом пестром крае, и необходимость отстаивать в мало-принципиальных и неосведомленных столичных

«сферах» те или иные предприятия, подсказанные жизнью; а время идет, времени мало и мало покоя для труда, имеющего свои *научные* стороны.

Попросту говоря, нужна *сенаторская ревизия*, причем важно, чтобы такой сенатор был *истинно русским* человеком, свободным от сильных влияний, а также предрассудков и фальши буржуазного либерализма; нужна *глубокая честность не только сердца, но и ума*.

Бог даст, несчастный край дождется этого. Покуда же надо оценить и то, что за последнее время хоть несколько умерился цинизм хищений и несколько притих задор людей, дерзавших произносить слово «русский» с насмешливой улыбкой, - задор, невыносимый по своей наглости.

Легко можно себе представить, как бесцеремонно обращаются армянские политиканы с другими народностями. Несколько лет тому назад в кахетинском городке Сигнахе православные справляли иордан. Специально, чтобы надругаться над православием, армянские пиджачные интеллигенты наняли невыносимо крикливую зурну и барабан, взобрались на ближайшую к православной иордани колокольню и подняли такой невообразимый шум, что слов богослужения не было слышно. Зурна - такая дудка, звуки которой слышны чуть не за пять верст. Полиция предоставила этим милым людям наскандалить вволю, ибо и уездный начальник, и его помощник в Сигнахе были в ту пору армяне. Скандалистов потом судили и, по обычаю, приговорили к какому-то ничтожному наказанию, и то не самых зачинщиков, а нанятых ими музыкантов.

Упомянув о политиканстве армянской буржуазии, я сделал это совершенно объективно и не хотел преувеличить явления, которое может серьезно разрастись, но может и свестись к более ничтожным формам. Это вопрос будущего, *вопрос русского самосознания*.

Политические мечтания части армянских тузов и мнимо-интеллигентных людей отлились в более или менее определенные формулы, по-видимому, после польского мятежа 63-го года, а затем нашли поддержку в последующих противоправительственных движениях в России и в заграничных кучках революционеров.

Особую роль сыграл бывший редактор-издатель «Мшака» - Арцруни, ныне умерший, который изобрел для кавказских туземцев, с целью объединения их под армянским руководством, следующие формулы, проводившиеся на более или менее эзоповском языке, даже в русско-армянских изданиях: *«соединимтесь против общего врага»*, т.е. России, и *«Кавказ для кавказцев»*. Русские самоотрицатели, как водится, поддерживали это бесцеремоннейшим образом. Грузины, однако, поняли, в чем дело, и талантливый поэт-юморист кн. Акакий Церетели ответил в прекратившейся ныне газете «Дрозба» на призыв Арцруни следующим стихотворением, которое ныне привожу в переводе В.П. Лебедева впервые, так как *оно не могло появиться в «Кавказе»*, хотя наряду с этим другие газеты и проповедовали открыто *«грузино-армянскую солидарность»*... против общего врага. Вот это стихотворение:

Комар и муха

Комар-хитрец сказал однажды мухе:

- «Сестрица, ведь тебе я друг!

Ты знаешь, всюду ходят слухи,

Что нас поймать затеял злой паук?!

Готова западня, готова паутина,

А мы все ссоримся с тобой!..

Давай, сестра, перед борьбой

Соединимся воедино,

Чтобы врагу навстречу полететь

Четою дружной, легкокрылой,

С двойною ловкостью и силой

Порвать губительную сеть!»
Лукавых речь всегда сладка для слуха –
И муха
Все лапки подала в восторге комару:
Отправились искать отважно паутину.
Комар на муху сел... Да, видно, не к добру!
Знать, пить он захотел в воинственном жару. –
И ну сестрицу жалить в спину!
Сестрица терпит; братец пьет да пьет:
Знать, кровопийствовать разбойнику не внове!
И вот, почувствовав, что в теле мало крови
И сил нет двигаться вперед, -
Союзнику взмолилась муха: - «Больно!
Товарищ, ты кусаться брось.
Иль прочь ступай! Я мучилась довольно!
Невмоготу пришлось!»...
«Безумная!» - комар жужжит сурово, -
Ведь мы союзники! Тебе я первый друг!
Смотри, вдали уж виден злой паук
И паутина там готова!»
«Ну хоть бы даже так», - сестра ему в ответ, -
Зато *теперь* грозит мне смерть такая ж!
Паук еще меня поймает или нет, -
А ты меня наверно доконаешь»...

Такое здоровое понимание дела, конечно, признак хороший, но жизненные условия могут внести и вносят разлад между здоровым пониманием и нелепыми, даже роковыми поступками.

Грузины и карабахские мусульмане на Кавказе иногда говорят, неискренне улыбаясь, что *стоит русскому правительству вывести войска из Закавказья, и от армян ни косточки бы не осталось*. Уже лет тридцать, как эти слова до смешного далеки от истины. Во-первых, армяне не только экономически поработили всех прочих, но и отчасти завладели *политическими* тенденциями других обособляющихся народностей; наконец, у них *есть уже своя «армия», - сброд из Турции*. В частности, этнографическая картина Тифлиса сильно изменилась за последние несколько лет. Так, например, теперь там трудно встретить мушу (носильщика) из рачинских грузин, - некогда весьма известный и симпатичный тип чернорабочего: теперь все какие-то необычайно разбойничьи рожи в турецких тюрбанах и башлыках⁹. Вытеснение простолюдинов русских и грузин неуклонно ведется городским самоуправлением и стачкой плутократов.

9. Правда о турецких зверствах

Сильное обостряющее значение имели для всего Закавказья, и в частности для армянства, последняя русско-турецкая война и ее политические результаты, отлившиеся в параграфе Берлинского трактата относительно турецких «христиан». Это произошло *неспроста*. Еще задолго до войны, Германия обращала свои взоры на Ближний Восток, где, еще будучи молодым офицером, с толком поработал Мольтке. Статья Берлинского трактата о турецких христианах была *первым шагом Германии по пути к Багдадской дороге*, а с другой стороны, - открывшимся вулканом, извержения которого грозят европейскому миру и, в частности, делу России на Ближнем Востоке. Необходимо

отметить, что за последние тридцать лет *Германия систематично работает над развитием армянского сепаратизма в Закавказье*. Много армянских кружков сосредоточено именно в Германии. Между Тифлисом, Берлином, Мюнхеном, нашими балтийскими пангерманистами поддерживаются оживленнейшие сношения, в которых принимали горячее участие и *финляндские демагоги*. Германские офицеры генерального штаба под видом археологов, любителей охоты и туристов, значительными группами посещают Закавказье. Характерно также, что интеллигентные армяне, получившие образование в бывшем дерптском университете, проявляют систематичную враждебность к России и что *служащие на Кавказе немцы особенно покровительствуют армянам*.

В виду приведенных выше условий, после берлинского трактата у армян начались определенные уже политические мечтания об *автономии*. Но для автономии не паразитической и сколько-нибудь прочной требуется более или менее сплошная *территория*. Как видно из обнародованных в 1897 году документов французского министерства иностранных дел, в Турции данных для такой автономии *нет и не было*. На стр. 2-й говорится: «Глубокое изучение распределения различных племен позволяет, однако констатировать, что *ни в одном вилайете Турецкой империи армяне не представляют большинства населения*». Это наглядно подтверждают добытыми ими статистическими данными на местах кавказские офицеры генерального штаба генерал Зеленой и полковник Карцев. На стр. 12-й упомянутой книги, в письме г. Камбона, французского посла при турецком дворе, к министру Ганото, говорится, что *о независимой Армении нечего и думать* и что если бы, вследствие каких-либо невероятных условий, Европа предложила создать Армению, - было бы даже почти невозможно указать пределы этого нового государства.

Тот же г. Камбон доносит, что в Турции идет *сильная пропаганда армянского восстания, искусственно подготовляемого Англией*, и, отчасти, как видно из донесения диарбекирского французского вице-консула от 5-го октября 1894 года, *в деле оказался замешанным и Тифлис*. Вот что пишет этот г. Мерие своему начальнику: «Говорят, что движение было подготовлено задолго обществом *«Гнчак»*, управление которого находится в настоящую минуту в Тифлисе, а раньше было в Лондоне и Афинах. Инсургенты-де повинуются приказам этого общества».

Можно добавить, что другая группа армянских революционеров, под именем «Дрошак», т.е. «Зная» сосредоточилась вокруг газеты того же имени, существующей и доселе. Издается она не в наших пределах, но «дрошакистов» на Кавказе немало.

В целом ряде донесений французского посла, проникнутых глубочайшей симпатией к армянам, как христианам, а также стремлением к серьезным реформам, искренно разделявшимся русской дипломатией, г. Камбон перечисляет целый ряд *зверских политических убийств, совершенных членами армянского революционного комитета* и их наемниками, отмечает весьма характерный факт, впоследствии мною в некоторой мере проверенный, что *главная масса армян не сочувствует революции и лишь единичные кучки турецких армян мало-помалу поддаются угрозам и террору своих вожаков и частью против воли вступают в борьбу*. Многие турецкие беглецы-армяне, с которыми мне или моим знакомым приходилось говорить, откровенно признавались, что *бежали в Россию не от турков, а от своих же террористов*.

В упомянутой книге говорится о массовых беспорядках, затеянных армянами, *которые местами сами стали нападать на турков и курдов, чтобы вызвать резню*. Перед началом беспорядков и вопиющих зверств в Константинополе, где, как известно, шайка армян ворвалась с динамитными бомбами в «Оттоманский Банк», армянский революционный комитет прямо обращается к г. Камбону с подобием ноты, в которой говорится, что армяне решились произвести *«мирную демонстрацию»* и комитет, мол, не отвечает за последствия, если полиция вмешается. Во время последовавшей манифестации *армяне первые стали убивать полицейских и даже жандармских офицеров*. Это-то послужило толчком к ужасающей резне армян, при одной мысли о

которой волосы становятся дыбом. Из указанной книги видно, что *в значительной мере повод к армянской резне подали сами революционеры своими вызывающими действиями, сознательно к этой цели направленными*, что английский посол и консулы всеми силами пытались все это раздуть и осложнить, а русский и французский послы, при всей симпатии к безвинным жертвам интриганов и осатаневших мусульман, проявляли большой политический такт.

Особенно замечательна была гениальная дальновидность незабвенного князя Лобанова-Ростовского, нашего министра иностранных дел, и его железная воля, помешавшая вовлечению России в нелепую войну. Он, кстати сказать, первый *пошатнул*, но, к сожалению, не вырвал с корнем *неосновательный взгляд нашей дипломатии на армянство, как на элемент, дружественный и полезный нам в соседних Персии и особенно в Турции*. Он понимал, что русско-турецким отношениям пора вступить в новый фазис, а именно мы должны бы оградить Турцию от иностранной эксплуатации и посторонних вмешательств, а за это мирным путем достигнуть улучшения участи христиан на Востоке и, главное, упрочить свое положение на проливах. Сторонники другого мнения кокетничали с армянами в Турции, поддерживали озлобление в Ильдиоз-Киоске против нас и славянства и вместе с тем *косвенно поддерживали гегемонию армянского племени на Кавказе*.

Но вернемся к армянским беспорядкам и резне в Турции. Оттоманская Порта вела себя недостойно: правительство явно мирволило участникам резни - мусульманам, частью разделяя их раздражение, частью же, как впоследствии оказалось, *создав рациональный с турецкой точки зрения план обмена веществ*, т.е. сосредоточения возможно большего сплошного числа мусульманского населения в Передней Азии и истребления или изгнания в Россию армян, заболевших столь острым политическим недугом. *Этот план (за исключением давно прекратившейся резни) теперь приводится в исполнение с необычайным, феноменальным успехом*.

Всякое явление, особенно ставшее достоянием истории, требует точного определения. Несомненно, что турецкие зверства были ужасны и по существу, да и по размерам. Но несомненно также, что и англо-армянская печать, в лице разных Диллонов и при содействии печати космополитической всех стран, сильно раздувала размеры этого тяжкого бедствия народного, прибавляя нули к десяткам и сотням действительных жертв.

В Закавказье и русские, и армяне одинаково содрогались и возмущались, слушая отголоски предсмертных стонов тысяч людей. Несомненно, однако, также, что слово «религиозный мусульманский фанатизм» произносилось слишком огульно. И греки, и католики, и даже армяно-католики значительно меньше пострадали, чем григориане. Французский консул доносит 25 января 1896 года следующий знаменательный факт о резне в Требизондском вилайете: *«Прежде, чем приступить к резне, в селении Гюмюш-Ханэ, мусульмане собрались на площади. Отделили армян от прочих христиан и отвели последних в сторону, чтобы не смешать их с заранее намеченными жертвами»*. Ясно, что турецкие фанатики боролись с армяно-григорианской и революционно-армянской организацией, грозившей спокойствию и, может быть, целости их государства. Всякому, кто побывал в Малой Азии или знает тамошние социально-экономические условия, вполне ясно, что тут привходил такой же экономически-бытовой фактор беспорядков, с каким мы встречаемся в черте еврейской оседлости; только, к несчастью, турки, и особенно курды, не знают удержу, когда рассвирепеют, - и главное, тягчайшее обвинение против них заключается в том, что они дошли до такой массовой резни, не разбирая пола и возраста, а не ограничились истреблением революционных шаек.

Зрелище людей, *действительно* пострадавших от этого погрома и нашедшего приют под стягом России, представляет собой нечто надрывающее душу. Особенный трагизм заключался в том, что *в значительной мере сами армянские богачи, духовные лица и прочие политиканы предали на гибель и поругание часть меньшей братии своего народа*.

Приведу маленькую поэтическую картинку, снятую мной с натуры.

Шушаника

Картинно прислонясь к узорной двери храма,
С утра до вечера покорно иль упрямо,
Армянка-нищая проводит много дней;
Сидит, недвижимая, как будто изваянье,
Кивая изредка кладущим подаянье
В тарелку медную, лежащую пред ней.

Бедна, оборвана. Полузакрыты веки;
Под ними - взора нет; для нищенки навеки
Все в тьму погружено, погас небесный свет...
Лицо не горестно: по нем порою зыбко
Скользит болезненно-блаженная улыбка...
Улыбка? Почему?!... Она дала ответ:

Зовут меня, ага, счастливой Шушаникой.
Из Вана родом я. К нам для расправы дикой
Нагрянули враги, нещадней, чем гроза!
Насилье, трупы, кровь!... Живые разбежались...
Я в церкви спряталась... Нашли и надругались
Два курда надо мной, и выжгли мне глаза...

Какая злая боль!... Но легче жить мне стало:
Кого-то мучили, кого, - я не видала!
И что-то рушилось!... Смятенье, крики, стон...
Затишье... Снова шум, и выстрелы, и топот!...
Потом... слышался мне торопливый шепот...
Зовут меня! Идем... и путь - как страшный сон!

Тут - мне велят ползти, там - мчаться, что есть мочи!..
Вот - резкий ветер гор... иль просто холод ночи?
Вот... на веревке я: должно быть крутизна?
Иль хищники меня схватили вновь, быть может?
Нет, мирны голоса!.. Но голод, голод гложет!..
Нет сил! Я падаю... Что это? Тишина?..

Где спутники мои? Где я, и что со мною?!
Вдруг... снова голоса! Какою-то волною
Я снова поднята!.. Крик слышен впереди,
На языке чужом... Везут меня куда-то:
Я слышу скрип арбы, и мерный шаг солдата.
И как-то мне легко, тревоги нет в груди.

Потом... не помню, что!.. Болела, верно, где-то...
И вот, теперь сию, накормлена, одета...
Я знаю: это храм! - И хорошо мне тут:
Я возле Господа, близ милости великой!..
Я назвала себя «счастливой Шушаникой»:
Ведь на моем пути одни цветы цветут!

Недолго видела я близких истязанья,
А здесь зато навек ни злобы, ни страданья,
Ни жадности людской мне видеть не дано!
Шаги... звучат шаги... порой звучит монета...
Я брата-ближнего благодарю за это,
А Господа... за то, что все кругом темно!..

10. Политическая роль церкви и армянская программа

Храм Божий не обманул надежд многострадальной нищенки; но несомненно, что именно недостатки армянской церковной организации и роковые, ничем не оправдываемые ошибки, чтобы не сказать более, армянской церковно-теократической политики имели и доселе имеют крайне пагубные последствия не только для русского народно-государственного дела в крае, но и для самой армянской народности.

Нельзя не отметить, что подъем армянских манифестаций и беспорядков в Турции и всеобщей нервности армянского племени в русских пределах *совпал со вступлением на эчмиадзинский патриарший престол его святейшества католикоса Мкртыча I*. Еще до приезда в Россию маститый иерарх был в Турции *политическим деятелем*, горячим армянским патриотом, за что и подвергался гонениям со стороны турецкого правительства.

Вряд ли можно удивляться тому, что на склоне лет и многотрудной деятельности патриарх перенес свои воззрения, стремления и инстинктивные чувствования в свое новое отечество.

Во время выборов патриарха часть армянской буржуазии и мнимо интеллигентного класса, объединяемая газетой «Мшак», созданною известным Арцруни, стояли в рядах противников Мкртыча, во имя соображений буржуазно-либеральных и, может быть, либерально-атеистических. И теперь многие крупные торгаши, банкиры, нефтепромышленники, чувствующие отвращение к клерикализму, после знакомства с европейскими кафешантанами и смокингами, относятся к своему духовному главе без должного почтения и, идя к одинаковой с ним цели племенного обособления, полагают, что дело пошло бы скорее при помощи так называемой социально-экономической эволюции.

Разногласие, в итоге, скорее академическое, чем глубоко жизненное, ибо *обе партии спевались и спеваются всегда, когда даже мелкий случай дает им повод «соединиться против общего врага»*.

В эчмиадзинской армянской церкви управление не вполне единоличное, а по закону католикос стоит во главе Синода, прокурор которого назначается русским правительством. Эчмиадзинская духовная академия давным-давно уже должна бы руководиться законным уставом, так как срок заменявших его временных правил весьма давно истек¹⁰. Наконец, компетенция русской власти в делах политических или общеуголовных, разумеется, распространяется также и на Эчмиадзин. Между тем, законные требования правительства не всегда исполняются и зачастую даже остаются без ответа, либо вызывают ответ не подобающий. Присяга новобранцев и участников судебных дел, по указу Сената, должна приноситься на русском языке, а политиканствующее духовенство *запрещает* священникам повиноваться этому. Несколько лет тому назад католикос грозил телеграммой кавказскому начальству, что закроет синод, если не будет удален неугодный его святейшеству правительственный синодальный чиновник. В ожидании ответа синод был закрыт, а затем *после уступки незаконному требованию*, открыт новым кондаком.

«Кондаки» вообще применялись весьма своеобразно. Так, например, кондака удостоился издатель революционно-клерикальной газеты «Ардзаганк», запрещенной русским правительством. Титул патриарха - *веханар*, что значит *величество*; обращение к нему - *церт терутянут*, что значит *ваше правительство*. Самые эти эпитеты являются признаками политической теократии, не зависящей от других властей. Архимандрит член синода Ваган и бывший личный секретарь католикоса и ректор академии Нахапетян за противоправительственную агитацию и другие незаконные действия, были высланы по Высочайшему повелению из Закавказья, а затем католикос назначил, без спроса русских властей, одного нахичеванским викарием, а другого управляющим кишиневскими имениями армянской церкви.

Когда была в Турции последняя резня, вызванная деяниями революционеров, русской властью было предложено патриарху сказать отрезвляющее слово, а он, напротив, стал говорить зажигающие проповеди, учредил «ночные бдения» - и проповеди такого же рода помещались в эчмиадзинской газете «Арапат» за подписью архимандрита Карапета.

Эчмиадзин обладает огромнейшими имениями, управление которыми ведется более чем загадочно. В монастырях тщательно скрываются инвентари, списки имущества, ведомости и т.д. Имущества прикупаются и берутся под залог. Так, например, имение некоего г. Шах-Азизова-Камсаракана взято под залог эчмиадзинским монастырем. С другой стороны, церковные учреждения широко кредитуются в банках. При таком экономическом хаосе мудрено определить, что идет на дела церкви и что тратится *гораздо менее производительно с религиозной точки зрения*. Если добавить, что несколько лет тому назад в Эчмиадзине, в одной из обителей, приютилась и была открыта шайка подделывателей русских денежных знаков, то туманность экономической картины данного района достигнет своего апогея.

Печальная история армянского народа имела своим результатом значительное смешение религиозных задач церкви со всякими делами мира сего¹¹. Это вредит и делу духовного развития армян и, в итоге, даже нравственному престижу самого католикоса и других иерархов. Когда скончался католикос Макарий, то после него не нашли ни бумаг, ни денег. Существует подозрение, что он умер насильственной смертью. Едва ли не таким же способом перешел в лучший мир архиепископ Иеремия, искренний друг армянского народа, вместе с тем горячо преданный России.

Секуляризация армянских церковных имуществ есть мера, *наставительно-необходимая*, не только в видах упрочения большого спокойствия среди армян, но главным образом *в видах того, чтобы дать возможность армянской церкви выполнять свою священную духовную миссию, не отвлекаясь посторонними делами или мечтаниями*. Как мы увидим ниже, армянский народ заброшен в воспитательном отношении своими руководителями, его искусственно портят, отрывая и от правды Божьей, и от благоразумия человеческого.

Тут во многом виновато, между прочим, армянское высшее духовенство. Эчмиадзинская академия, и нерсисян-семинария и прочие семинарии так переполнены молодежью, что стены трещат, - *а духовенство в подавляющем большинстве состоит из простых и невежественных крестьян*.

Истории с переводом армянских церковных школ в ведение нашего министерства народного просвещения я коснусь лишь вкратце¹². Органами этого последнего было обнаружено, что армянские приходские школы, вопреки наглядному и на каждом шагу выражаемому стремлению армянской народной массы к изучению государственного языка, не только тормозили этот естественный способ развития гражданственности, но даже явились рассадниками самого грубого и фанатического обособления. Не говоря уже о нелепейших учебниках, в которых говорилось о пресловутой Великой Армении и о мировом призвании армян цивилизовать *всех* своих соседей, - в этих школах распространялись и *карты Великой Армении, чуть не до Воронежа, со столицей в Тифлисе*¹³ и всевозможные эмблемы, служившие все той же интриге, которая

поддерживалась сперва Англией, а в настоящее время является одним из любимых детищ германизма. Употребляю слово германизм, а не Германия, потому что на Кавказе и русско-подданные немцы, зачастую даже служилые, являются горячими сторонниками и покровителями армянских шашней.

Замечательный местный деятель, бывший попечитель кавказского учебного округа К.П. Яновский, неутомимой энергией достиг распоряжения о передаче указанных школ в ведение министерства народного просвещения, с сохранением в них и армянского языка и армянского Закона Божия. *Армянское духовенство на это не согласилось и разом закрыло множество школ*, предпочитая оставить народ во тьме невежества, лишь бы не дать ему избавиться от искусственного обособления. Среди армянского простонародья буквально «стон стоял», причем агитаторы распространяли *заведомую ложь*, будто бы школы закрыты не агентами армянской теократии, а русским правительством. Наша мнимо-либеральная печать, среди промышленников которой нашлись и люди, субсидируемые бакинскими нефтяными крезам, усиленно поддерживала эту наглую ложь в неосведомленной русской читающей публике. Кавказскому учебному округу удалось, однако, перевести в свое ведомство целый ряд школ, успешно работающих теперь на новых началах. Со школами перешло в это ведомство и школьное имущество, т.е. и *источники содержания школ*, и тот *инвентарь*, которого армянское духовенство не успело скрыть или замотать; здесь, кстати заметить, что операции последнего рода производились скандальнейшим образом, на глазах у целого Тифлиса, где учебное ведомство не нашло достаточной поддержки в деле установления и удержания скрываемого имущества¹⁴.

Что касается до средств (недвижимых имуществ и капиталов), на которые содержались армянские школы, то здесь изворотливость и сутяжничество местных дельцов поставили учебный округ в немалое затруднение - и на свет Божий всплыло много таких сюрпризов, которых на Кавказе принято ожидать, когда заходит речь о каком бы то ни было армянском имуществе. *Заведомо школьные* имущества оказались в значительном числе под этикетками монастырских и церковных. Посыпались иски, ведомые армянскими тер-терами с бытовой изворотливостью еврейской адвокатуры и с наглостью, достойной сынов «Великой Армении». На Кавказе судебная практика часто благоприятствует армянам: быть может, и впрямь они почти всегда чисты и правы, а может быть, есть тому иные причины, исследование которых могло бы дать много интересных фактов. Дошло до того, что один мировой судья (если не ошибаемся, темирхан-шуринский) даже попытался вызвать повесткой в свою камеру самого маститого попечителя учебного округа. Кавказские судебные учреждения, решениями которых за много лет санкционировано было немало захватов казенных земель армянскими хищниками, и в данном вопросе решили изрядное количество дел не в пользу учебного ведомства на Кавказе. Ряд исков был, впрочем, подвергнут остановке ввиду того, что одно из крупных дел о школьном имуществе восходило до Сената. Главный вопрос состоял в том, подлежат ли подобные дела административному или судебному разрешению Сенат высказался в последнем смысле - и теперь заваривается целая каша, весьма бесполезная для русского дела и престижа на Кавказе.

Подобное недоразумение свидетельствует, прежде всего, об отсутствии дружного служения на Кавказе различных ведомств единой национальной политике. Иначе на месте возобладали бы взгляд, что вопрос народной школы есть вопрос *государственный*, а не узко гражданский. Учебное ведомство при определении принадлежности имущества школам или церквам нашло бы должную *поддержку для точного выяснения* всех подробностей, причем этим последним не было бы придано преувеличенного значения в силу изворотливо-формальных признаков. Эта изворотливость, скорее всего, побудила бы местную власть дать движение давно назревшему и вопиюще-настоятельному вопросу, о *секуляризации армянских церковных имуществ*. С его разрешением многие мутные волны

отрицательных явлений, беспрепятственно разливающихся теперь по Кавказу, вернулись бы в свое естественное русло.

Местные русские люди, с сочувственным вниманием следящие за подъемом интенсивности в работе министерства внутренних дел, ожидают от творческой инициативы этого центрального учреждения благотворных воздействий на расшатанные устои русского дела, обретающегося не в аванже на этой, слишком далекой от центра и слишком изолгавшейся, окраине.

Армянская народная масса жадно стремится к изучению русского языка, который открыл бы ей путь к заработку и настоящей культуре, а вожаки ставят ей преграды, потому что боятся выпустить ее из сферы своего влияния. Каково это влияние даже в вопросах второстепенных можно судить по тому, что газета «Мшак», принявшая со всей армянской буржуазией сторону Дрейфуса, имела случай восторгаться распространением такого взгляда среди полудиких елизаветпольских пахарей-армян. Один из этих сиволапых брюнетов даже назвал своих любимых буйволов именами ближайших участников дела Дрейфуса.

Кстати сказать, в крае, прославленном подвигами кавказской армии, являющейся почти единственным незыблемым и незапятнанным воплощением русского дела в стране, писать против Дрейфуса было, по цензурным условиям, весьма затруднительно, а в армянствующей и армянской печати, проникшей до самых низших слоев народа, сочинялись целые гимны в честь этого «патриота наизнанку». Довольно значительный кружок тифлисских политиканов, в состав которого входили полуграмотные оборванцы, послал Эмилю Золя следующую телеграмму на русском языке:

«Из страны терзаний Прометея благоговейно преклоняем головы перед тем терновым венцом, который возложила на вас ваша родина к стыду всего человечества. Терновый венец - лучшая награда самоотверженному борцу за справедливость».

Каравансарайские приказчики, очевидно, с таким же правом считали себя одухотворенными страданием Прометея, с каким газета «Новости» однажды назвала древлеправославный Мцхет и долину серебристой Арагвы «знойной Арменией». Кавказские дрейфусары из армян совпадали в своих тенденциях с некоторыми гражданскими чинами, и когда одного из них, русско-подданного «немца» из крещеных евреев, я спросил, на каком основании он мне «советует» не писать против Дрейфуса, - он отвечал, пожав плечами:

- Помилуйте, сам император признал Дрейфуса невиновным!

- Какой император?

- Вильгельм!

Тут я, при всей своей кротости, рассердился:

- Позвольте! Это может быть *ваш* император, а не мой ни в каком случае.

Еще два слова о школах. Жаль, во-первых, что вопрос о них, или точнее, об их имуществе разрешался и разрешается доньше в порядке судебном, а не административном. Судебная власть связана определенными уставами, - и отклоняться от форм и отвлеченных правовых начал, даже благородно, даже с пользой для общегосударственного дела, она не вправе. То, что иногда торопливо вменяется в вину, с патриотической точки зрения, судебной власти на Кавказе, должно бы быть отнесено к другой категории причин. *Судебные уставы и многие общеимперские законы, прежде всего, не подходят к кавказским условиям.* Таковы, например, вопросы о давности, о состязательном процессе и, в данном случае, о передаче школ. Выигрыш армянами нескольких судебных процессов о школьном имуществе вызвал во всем Закавказье *оживленные толки*, а у армянских политиканов - и нелепые надежды.

Присмотримся теперь поближе к этим политиканам и их программе. Само собой разумеется, что никакому человеку, мыслящему по-русски, они этой программы в точно сформулированном виде прочесть не дадут; но достаточно прожить несколько лет в крае и

присмотреться ко многим явлениям, чтобы армянская программа выяснилась с непреложной достоверностью, получилась, как искомое в решенном уравнении.

Среди непрошенных опекунов армянского народа мечта о создании *автономного «царства»*, и притом *именно в русских пределах*, не гаснет, а все *разгорается*. В Турции не было территории, - и она искусственно создается в Закавказье. Десятки тысяч турецких эмигрантов вторгаются в наши пределы, а наши воины не решаются стрелять в эти «мирные» шайки, потому что армяне выдвигают вперед женщин и детей. Никаких турецких «зверств» нет и в помине, а турецкое правительство не принимает обратно беглецов. Многие из этих последних при этом отказываются принимать русское подданство, и уже почти все без исключения склонны к праздности, заразным болезням и диким уголовным преступлениям.

Закавказские армяне-простолюдины, нравы которых сравнительно умягчились за несколько десятилетий пребывания в России, считают приход турецких сородичей *великим бедствием*.

Людам нужна земля и все, что есть на Кавказе и в русских столицах, доступного армянским воздействиям, предназначает эту землю армянам и *противится* русской колонизации, даже невзирая на то, что начальник края с Высочайшего соизволения открыто включил ее в свою программу.

На нашем языке противиться - значит возражать; на Кавказе же у этого слова значение страшное, дикое, заставляющее волосы становится дыбом. После нескольких лет всяческого вдумывания в духоборческий вопрос и собирания фактов из первоисточника я пришел, так сказать, всеми силами души к выводу, что *началом духоборческого мартиролога, безумия и гибели явилась именно армянская интрига*, имевшая целью переселение турецких армян на их земли. Преступления одних служилых людей и ошибки других, сентиментально-бесчеловечные бредни толстовщины и т.д. - все это факторы уже последующие, а не основные. К счастью, эта цель армянской политики была достигнута лишь в малой мере, посредством захватов и иных обходных путей.

Что такое значит по-армянски «противиться», про то знают жители погибшего русского поселка в Тертере, Елизаветпольской губернии. Эта страшная эпопея будет подробно изложена ниже, в главе, посвященной русским переселенцам. Рассказ одного из оставшихся в живых переселенцев произвел на слышавших такое впечатление, что все ужасы турецкой резни бледнеют пред холодной, сатанинской жестокостью «мирных» и «культурных» армян в деле извода русских из территории, завоеванной русской кровью.

Упомянутые политиканы хотят также мусульманское население края и *испортить репутацию мусульман, чтобы в будущем воспользоваться их землями*. Дальновидное бездействие их служилых приверженцев или рабов помешало доселе определению *сословно-поземельных прав в мусульманских провинциях* и учреждению там дворянско-крестьянского земельного банка. Само собой разумеется, что сословно-поземельная неурядица *поддерживает нервность* местного пылкого населения, вызывает *недовольство* и является одной из серьезнейших причин разбоев и кровавых столкновений. Перед Петербургом это тщательно маскируется, и некий «кавказский уроженец» г. В.С.К., полемизируя с редактором областного отдела «Нового Времени», напирал на пылкость и нервность закавказских мусульман, тщательно опуская вопрос об одном из главных факторов, действующих на эту пылкость. Факт налицо: в течение многих десятилетий лежат под спудом вопросы об интересах целой группы населения, - и *разумных причин к тому не имеется!* Результаты же видны! *Не трудно догадаться, кто тут орудует!..* В результате все мусульманское Закавказье уже *опутано армянскими сетями*, как и остальные места, кроме, отчасти, Кутаисской губернии. Армянские миллионеры, - киты, на которых строится промышленно-политический террор «Армении», - скупают за гроши *десятками тысяч десятин* земли грузинских князей, татарских агаларов и захватывают плохо лежащие казенные уголья; *а эти уголья доселе*

нередко очень плохо лежат, отчасти, вследствие неприменимости общеимперских законов к местным условиям.

При этом русских людей продажные русские же публицисты убеждают в том, что армяне представляют на Кавказе *единственный мирный и культурный элемент*. В Петербурге армянские богачи и их поверенные умеют доказывать это влиятельным классам и, увы, многим представителям печати нефтяными акциями, вкусными обедами и даже устами специально нанятых для этого красивых дам. Повторяю: и неосведомленность у нас удивительная, почти преступная. Даже в редких русских по направлению изданиях приходится читать, что армяне - «оплот христианства на Востоке», а издания, совершенно нерусские по направлению, на Кавказе и в столице, (например, пресловутые «С.-Петербургские Ведомости») доходят до таких геркулесовых столпов подлаживания к армянам, что за человека стыдно и страшно.

Русских людей помоложе да понаивнее армянские вожак и их единомышленники стараются, подобно евреям, убедить в том, что Россия вполне созрела для властного народного представительства, что истинный патриотизм должен состоять в широком пользовании этой «зрелостью» *в предоставлении окраин и инородцев самим себе*. Иное отношение к делу явилось бы «нетерпимостью» и «мракобесием». Кто наслушался таких афоризмов на Кавказе, тому понятны и многие петербургские писания, как бы они ни были замаскированы даже русским «национализмом» особого рода. Когда армяне и их наемные борзописцы пускают в ход привычные для тупоумной части русской интеллигенции формулы буржуазного либерализма и говорят, например, *о равенстве и братстве всех народов*, то это ложь, презренная и плохо скрытая ложь, которой даже ребенок не поверит, если он честен и понял, в чем дело. Люди, притворяющиеся, что верят армянским либерально-гуманитарным уверениям, - *такие же лжецы*, как и авторы подобных уверений. Стоит только с некоторым вниманием прочесть то, что пишется по армянскому вопросу и присмотреться к кавказским делам, чтобы приведенный вывод признать аксиомой.

Казалось бы, например, что либерально-гуманитарная идея не воспрещает заботиться о русской народной массе, а велит, наоборот, помогать тем ее группам, которых оскудение нашего центра и безземелье гонит на окраины. *Между тем, по почину армянских меценатов публицистики, в течение нескольких лет ведется всеми способами борьба против предначертанного Верховной Властью занятия свободных закавказских земель русскими переселенцами*.

Возьмем другую аномалию, еще более вопиющую, с кавказской точки зрения, и явно противоречащую даже армянской формуле «Кавказ для кавказцев». Во многих городах восточного Закавказья мусульмане составляют подавляющее *большинство населения*, а между тем они не пользуются в городском самоуправлении одинаковыми правами с армянами, под предлогом, что эти последние «христиане». Таким предлогом можно морочить только людей, имеющих понятие о Кавказе лишь на основании календарных сведений. Ограничения прав некоторых групп населения полезны и необходимы в пестроплеменном государстве, но должны вытекать *из бытовых условий*, а не основываться на формальных признаках. *Ограничивать нужно эксплуататоров, стачников, политиканов, людей кагального строя; таковыми же являются именно армяне, а не мусульмане*. *Христианство без христианской морали есть подделка*, и недаром один православный иерарх, знающий кавказскую жизнь, однажды высказал мне, что считает мусульман по духу и нравственной основе более близкими к православным, нежели монофизитов-армян. Но если даже стать на точку зрения механически-уравнительной справедливости и отрицать какие бы то ни было ограничения, то вполне естественно было предоставить мусульманам равные права с армянами, особенно в стране, где мусульмане являются более коренным населением.

Кавказская власть добросовестно к этому стремилась, и в течение краткого времени вопрос считался решенным в желательном смысле. Армянская печать, исповедующая все

догматы так называемого «либерализма» и весьма бесцеремонно относящаяся к православным святыням, тут вдруг особенно горячо запела на тему о «христианстве», а в Петербурге были пущены в ход все влияния, чтобы ограничение мусульманских прав осталось в силе. Газеты, доступные армянам, стали вдруг шуметь о панисламизме. И податливый Петербург отменил благородную меру, уже осуществлявшуюся на практике кавказской властью...

Армяне и их приспешники, очевидно, прячут свой либерализм в кармане, когда дело идет об их *племенных интересах*. Недаром у них сложилась пословица «Хочешь - Исай Аракелович, хочешь - Аракел Исаич». Все чужое, даже заслуженное кровью и доблестью, кажется им несправедливым стяжанием. Так, например, хотя армяне уже лет сорок на Кавказе *de facto* являются в полном смысле слова хозяевами края, - тем не менее, русской властью больше воздается внешнего почета заслуженным воинам и представителям древних грузинских фамилий, традиционно преданных России, а не вчерашним приказчикам, факторам или захватчикам казенных земель. Но и это «обидно» ревнителям армянской гегемонии, и это кажется им вопиющей несправедливостью!

Незадолго до редактирования мною газеты «Кавказ» зашел ко мне в Тифлисе в гостиницу, с целью познакомиться, известный «передовой» публицист Григорий Аветович Джаншиев. Он пользовался репутацией искреннего, безукоризненного либерала. Уважая всякую искренность и наслышавшись хорошего о нем в Петербурге, я был очень тронут его вниманием, и он совершенно очаровал меня широтой теоретических взглядов. Я откровенно высказал ему, что резко отличаю армянскую народную массу от мнимо-интеллигентного класса и особенно от хищной плутократии. Он слегка поморщился, но высказал уверенность, что люди разных лагерей могут объединиться во имя народного блага, если они не противники света, гласности, жизненной правды.

Я имел наивность этому поверить. Однако после первого же серьезного разоблачения противообщественных проделок и племенной нетерпимости тифлисских городских заправил я получил от этого мнимого либерала и заядлого армянского патриота (в паразитическом смысле этого слова) весьма характерное письмо. Привожу из него те строки, в которых Джаншиев «показал карты»:

«Я от души желаю ему (грузинскому народу) всякого (!) успеха, но только на почве *равноправности*, а не на положении *капризного баловня администрации*, каким он всегда был и до сих пор (!) остается, по признанию самого «Нового Времени». Армяне потому имеют будущее за собою, что *они нигде и никогда не требовали для себя привилегий (!) в ущерб другим народам*. У вашей же газеты проскальзывает тенденция третировать их как элемент вредный. Не нужно забывать, что они, служащие вот уже 3 года предметом травли, особенно чувствительны ко всякой несправедливости, в особенности от лиц, в беспристрастие которых верили. При таком настроении, *даже справедливая мера может вызвать раздражение*. Что могло быть справедливее *уравнения татар с христианами* в городском управлении? Но *я совершенно понимаю людей, которые признают эту меру несвоевременной*, так как она явно внушена не столько любовью к справедливости, сколько *ненавистью (!) к армянам*. Вы, конечно, не заподозрите покойного Унковского в нелюбви к народу, а между тем он *негодовал (!) на Милютина* за его польские крестьянские наделы, потому что они были внушены *ненавистью (!) к польскому народу, а не заботой о нем!!..»*

Кажется, комментарии излишни, коль скоро *даже справедливая мера может вызвать раздражение у этих чувствительных господ*, «не требующих для себя привилегий», но противящихся равноправности мусульман!

Русские прислужники армян заходили по этому пути еще гораздо дальше. Так, например, в органе кн. Ухтомского по поводу предположения устроить армянских выходцев на острове Крит было высказано однажды, что такая мера нежелательна, ибо армяне как люди, особенно способные в области экономической, и на новом месте возбудили бы против себя неудовольствие остальных христиан.

Нечего сказать, хороша «способность», влекущая за собой неизбежное неудовольствие соседнего населения! Ясно, что таким «способным» людям место, скорее всего, в долготерпеливой России: с нею, матушкой, церемониться нечего!..

Особый интерес представляет статья французского писателя-армянофила, г. Пьера Морана (журнал «Correspondant» от 10 апреля 1897 года), заведомо «подготовленного» кавказскими политиками и также открывающего их карты.

По мнению этого писателя, Россия морально *не упрочила своего господства между Черным и Каспийским морями*, - что совершенно верно. Наиболее глубока и активна, - говорит он, - идея самобытности и жажда обособления именно у армян. Они жалуются на равнодушие к их положению со стороны Франции, которая-де в унижительном для нее (!) франко-русском союзе *забыла свои принципы и отреклась от своих традиций*; русское же правительство, не выполняя своей обязанности выручать армян зарубежных, гнетет, будто бы, армян российских раздражающими мероприятиями, *par des procédés vexatoires*. Армян-де преследуют (!) в России за их деятельную энергию, благосостояние, сильную умственную культуру (!) и, наконец, просто «за то, что они армяне». Г. Моран находит, что они люди с железной волей, стойки, цепки и трудолюбивы, - словом, люди с большой внутренней силой, *à la sève vigoureuse*. Он признает, что они везде в Закавказье «захватили места, предназначенные, казалось бы, скорее русским», и что они *создают себе в русских пределах новое отечество*, овладевая всеми большими предприятиями не совсем добросовестно, так сказать, снизу (*par les dessous*), как безжалостные ростовщики, темные дельцы, «*христианские жиды*», которым русские завидуют по невозможности конкурировать с ними.

Глубоко верно определяет Моран роль эчмиадзинского патриархата, говоря, что даже те, «кто потерял веру в сверхъестественное» (т.е. *вся армянская интеллигенция*), почитают свою церковь, так как она - *учреждение национальное и сохраняет их национальное самосознание*. На нее переносят армяне то чувство, которое у других народов называется любовью к отечеству.

Сведения по географии, истории и литературе, почерпнутые Мораном, очевидно, у армянских политиков, страдают соответственной нечестностью. Так, например, он говорит, что *Батум, Карс и Ардаган, с их территориями представляют собой исконно-армянские владения, и что грузины давно сидели, в сущности, также на армянских землях*.

Он клеветает на Императора Николая I, обещавшего будто бы дать армянам *автономию*, говорит, что при Александре II (во время всемогущества графа Лорис-Меликова?) армяне сильно рассчитывали на возрождение своего «царства», и рисует клеветническую, грубо неверную картину великого царствования Императора Александра III, высказывая при этом верную мысль, что *армянам особенно страшно и ненавистно Самодержавие*, централизующее и нивелирующее все части и все обособляющиеся элементы империи.

Он находит, что армяне могут возлагать патриотические надежды лишь на «либеральное правительство». Мысль верная и объясняющая, почему армяне, начиная с известного Каракозова, подобно евреям, так склонны участвовать во всей смуте, клонящейся к поколебанию или изменению нашего государственного строя.

Моран говорит, что армяне *не могут не быть* в неограниченной монархии *элементом оппозиционным* и даже *опасными подданными*, *des sujets redoutables*, и с точки зрения политической, и в области народного хозяйства, как «христианский Израиль», - *un Israël chrétien*.

Названный писатель довольно сильно себе противоречит: в одном месте он говорит, что армяне желают лишь «гражданского равенства и религиозной свободы» (хотя, как это видно на Кавказе, они не только широко пользуются, но и безнаказанно злоупотребляют тем и другим), а в другом - признает, что «удача придавала армянам гордости, энергии, страстности и силы; пока они были бедны и слабы, они склонялись перед своими

властителями; *разбогатеет, они думают о сопротивлении*; многих не удовлетворяет их положение». Психология нефтепромышленных тузов и банкиров этим определена весьма верно.

Говоря далее о коренном противоречии между армянскими тенденциями и русским государственным строем, называя армян опасными подданными, а церковь армянскую - национальным учреждением и даже «Ватиканом» (Vatican arménien), Моран заключает горячей апологией армян *и усиленно советует русскому правительству уступить их требованиям*, отказаться от «нечестной» (délouale) политики и от доверия к «Новому Времени» и «Московским Ведомостям», измышляющим будто бы всякие небылицы про армянские «комплоты».

Стало быть, Россия *должна отказаться от основных принципов своего строя*, чтобы дать дорогу автономному «христианскому Израилю» до Воронежа, а то и дальше?! Что ж, спасибо за добрый совет, который, вероятно, поддержат и кое-какие ревнители «философского обновления русского строя»!..

Покуда же совет еще не принят, армянская программа продолжает неуклонно выполняться.

Ведя остальное население Закавказья к объединению и, так сказать, *зоологическому недовольству*, армянские заправилы надеются превратить остальных туземцев в своих *кондотьеров*, которые пригодятся в случае неудачной для России войны. Весьма характерно, что армянским политикам особенно ненавистна всякая мера, всякое доброе слово в пользу или защиту других туземцев. Они нисколько не сердятся на тех русских, которые огульно бранят *«всех кавказцев»*: таким русским патриотам армяне готовы деньги платить, ибо огульные суждения, всегда несправедливые, особенно на руку армянской формуле «Кавказ для кавказцев». Основная черта их - *светобоязнь*, страх перед неподкупной гласностью, и в этом они единодушны с ненадежными служилыми людьми, стоящими за условную «отчетную», а не жизненную правду. Особенно возмущают армянских политиканов указания на то, что армянская гегемония губит остальные кавказские племена: они тогда кричат, что *это разжигание междуплеменной розни*; их возражения принимают форму «двусторонних доносов», к которым так склонны армяне и евреи, и все, что есть в краевой службе гнилого, продажного, заинтересованного в продолжении армянского господства, - поднимает уже с «цензурной» точки зрения голос против разоблачения безобразий, против добросовестного изображения действительности.

Колоссальные капиталы *в руках людей, политически замечтавшихся*, могут представить серьезную опасность не только в случае каких-либо осложнений, но и в обыкновенное время. Будучи плодом не упорного труда и вдохновенного знания, а глупо-случайного или неправого стяжания, эти капиталы в невежественных, некультурных руках составляют *социальную опасность* как *фактор подкупа и разврата*.

Так как в современном государстве отнимать эти богатства нельзя, кроме законных случаев конфискации за доказанный мятеж или крамолу, то, значит, *нужна продуманная экономическая политика*, нужна культурная борьба. Пора бы русской предприимчивости применить свои духовные и материальные силы к южной окраине нашей. Пора этой созидательной мысли лечь в основу нашей окраинной *государственной* программы. Важны и усиление полицейской стражи, и подъем служилого уровня русских кавказцев, но все это паллиативы, которые назревшего вопроса не разрешат.

Бредни армянских политиканов, вероятно, останутся бреднями, ибо никакие революционные авантюры не устоят перед штыком русского солдата. Но *неисчислим экономический и духовный вред*, наносимый армянскими вожаками на Кавказе и русскому народно-государственному делу, *и самому армянскому населению*. Эти вожаки ужасны, как растлеватели, как микробы социального разложения, как паразиты.

11. Народная масса

Два слова теперь о народной массе этого племени. Лишь два слова, потому что психология этой темной толпы не сложна. Сквозь долго не сходявшее и доселе не сошедшее с ее духовной личности пятно стародавнего, многовекового рабства, *mascula servitutis*, понемногу просвечивает нечто более человеческое. Мне приходилось в разных местностях Закавказья встречать армян-простолудинов и держать таковых на службе. Прекрасные, мирные, работающие и аккуратные люди. Однако *все люди такого типа несочувственно относились к тифлисским говорунам-патриотам* и молили Господа только об одном: чтобы их избавили от искусственных задач и перипетий мнимокультурного армянского обособления и дали бы им возможность мирно работать под сенью русской власти.

Есть, конечно, очень много полудиких, в турецком стиле, и коварных, в стиле европейском, простолудинов-армян, но наличность указанных, далеко не единичных армян, духовно-облагороженных, прилежных и умных, говорит в пользу способности народа к культуре. Этому благоприятствуют и физические условия. Армяне — народ с широкими, крепкими челюстями, выносливый, живучий. Среди них крайне распространена неопрятность, аналогичная с еврейскою, — но просвещение может устранить и ее, и болезни, ею порождаемые. Большая часть армян — жители или выходцы плоскогорий, где не губительны ни зной, ни малярия; это важный фактор преуспевания, так как сравнительно здоровый климат непосредственно влияет на выработку уравновешенного характера, истинного рычага всякого прогресса. Нужно добавить, что смешанные браки армян с представителями других племен, особенно с грузинами, дают хорошее, духовно-улучшенное потомство. К сожалению, армянское обособление мешает теперь смешанным бракам.

Я придаю особое значение народному творчеству, потому что в нем *говорит народ сам о себе*.

Приведу характерную армянскую сказку, в которой отразился, насколько мне кажется, именно *средний духовный уровень* этого племени.

Жил был в одном селении бедняк Саркис, — по нашему Сергей. Он был так беден, а соседи его так скупы и жестокосерды, что когда у него родился сын, то никто из соседей не захотел стать ребенку крестным отцом, во избежание расходов на дом бедного человека. Пошел Саркис на дорогу, чтобы просить в кумовья первого встречного. Гладь, — навстречу бедный-бедный старик. Саркис не побрезгал, спросил его имя.

— Я Сурп-Саркис, святой Саркис, твой патрон, — отвечал тот, — и готовь крестить твоего сына.

— Ступай своей дорогой, — закричал в порыве гнева Саркис, — хорош святой, хорош патрон, коли держишь меня в нищете. Можно признавать и чтить только таких святых, которые помогают, а не бездельничают. Вот Карапету его святой помог духан открыть и нажиться, а ты что? Пошел вон!

Вторым встречным оказался красивый юноша, открывший Саркису, что он Габриель, ангел смерти, и готовь пойти в кумовья.

— Хорошо, — отвечал Саркис, — ты не разбираешь ни богатого, ни бедного и придешь когда-нибудь даже к пузатому богачу Карапету по делу смерти, а потому иди ко мне в кумовья.

Габриель был сторонник равенства, и приятна ему показалась такая речь. После крестин он сказал Саркису.

— Я тебе дам источник богатства: сделаю тебя доктором. Будешь много лечить и всегда только наверняка. Как придешь к больному и увидишь, что я стою у него в ногах, да улыбаюсь, то берись за лечение, притворись, что готовишь какое-либо снадобье, — и достигнешь цели. Если же я с мрачным лицом стану в головах, то и не пробуй лечить:

значит, дело пропащее. Но ставлю тебе условие: помни совесть и по Божьему велению помогай бедным.

Сказав это, Габриель, ангел смерти, исчез.

Две тысячи раз, да еще два раза видел Саркис ангела Габриеля в ногах у больных. Лечил и богател. И пошла о нем слава и в Ганже¹⁵, и в Карабахе, и до Тавриза¹⁶. Заболел один могущественный царь, призвал врачей всех стран: из Рума, из Самарканда, из Индии, из Мавритании. Они стараются, дают лекарства, а царю все хуже. Туг царь сказал, собрав последние силы:

- Все врачи невежды, один армянский врач еще может помочь мне. Ни в каком царстве нельзя без армянина обойтись: они великий народ и хитроумный.

Приехал Саркис на царский зов: о, счастье! у ног царя стоит Габриель и улыбается. Саркис принял вид важный и задумчивый, решив показать не сразу свое искусство, придать ему побольше цены. Он царю объявил, что вылечит его, но затем 7 дней и 7 ночей просидел в особой горнице, требуя хорошей пищи и всяких снадобий. Царь было уже и надежду потерял, когда, наконец, Саркис пришел, дал ему что-то выпить и мигом его вылечил. Царь осыпал Саркиса милостями величайшими, — сделал его придворным врачом — и зажил Саркис, как независимый хан. Целыми днями переходил он от бекмеза¹⁷ к сладкому вину или прохладному мацону¹⁸, в плове чуть не купался, перелезал с хорасанского ковра на текинский; а насчет удовольствий магометова рая он сказал в своей совести; «Если я честный доктор моего властелина, то не могу осуждать его поведения, а должен следовать его примеру». И когда властелин дарил Саркису невольницу, то было бы в некотором роде возмущением против властелина обходиться с ней неласково. Да и не пропадать же в самом деле добру: состарится, — никакой цены ей не будет.

Но вот пришла к Саркису нищая старуха; нукер (слуга) ему об этом и докладывает, войдя в мягких туфлях, *чтобы не испугать*.

- Гони ее вон! Мало их шатается! — крикнул Саркис и повернулся на другой бок, взяв горсть кишмишу в рот.

Опять приходит слуга.

— Господин мой, нищая говорит, что надеется на милость Саркис-хана, просит тебя совесть вспомнить, о бедных подумать.

— Вон! — воскликнул Саркис и рванулся так сильно, что из-под головы у него упала мутака на пол. Обернулся Саркис, — глядь, стоит ангел смерти Габриель у изголовья и мрачно смотрит.

Вспомнил Саркис прежде всего пословицу, которую отец велел ему запомнить, как заповедь: *«стой впереди лежащегося и позади кусающегося»*. Мигом перевернулся на тахте так, чтобы Габриель оказался в ногах. Но Габриель, мрачный, как сардар, стоял за ним опять у изголовья. Еще быстрее перевернулся Саркис, — и опять то же самое.

— Что ты делаешь, — закричал Саркис, — ведь ты мне кум, мы родственники! Ты родственника убивать не можешь, это против святого обычая! Против закона! Убивай посторонних, выбирай любого, я не возражу. Возьми всех моих больных, настоящих и будущих.

Но Габриель сказал:

— Я не шутить пришел!

Саркис взмолился, сложив большой палец с указательным:

— Ведь ты мне кум! Так исполни хоть предсмертную мою просьбу: дозвожь мне не умирать, покуда я не прочту молитвы „Отче наш“. Ведь нельзя же умирать, не помолившись!

Кум согласился и даже поклялся исполнить просьбу. Тогда Саркис, как-то странно ухмыляясь, стал читать молитву Господню.

— «Гхаир-мер-вор-геркинзес-сурп-иергхцы-анунко», — и остановился.

— Ну что же?

А Саркис начинал сызнова: „гхаир-мер-вор...

Так продолжалось, пока Габриель не понял, что Саркис его надул.

И стал Габриель подстергать Саркиса. Семь лет Саркис ни разу не дочитал до конца молитвы Господней и даже за обедней из церкви выходил, когда ее пели.

Но ангел смерти хитрее всякого человека. Поехал однажды Саркис с сыном путешествовать и увидел ночью на дороге мертвеца. Сжалился Саркис, хотя и - богатый человек, и сказал сыну.

— Неужели ему тут остаться без молитвы и погребения?

И прочел молитву Господню. Тут мертвец оказался не только живым, но даже Габриелем. Саркис как умный человек понял, что делать нечего, и умер...

Сказка характерная и мудрая. Следует добавить, что она, безусловно, не оригинально армянская, а позаимствованная у других народов. Характерны *детали*, в которых выразился глубокий *материализм*, разъедающий, в сущности, все слои армянского народа. Это тот материализм, в силу которого один интеллигентный армянин, указывая на старого ветерана, плакавшего на панихиде по Царю-Миротворцу, спросил в эпической простоте души:

— Зачем он плачет? Как будто у него из кармана деньги вытащили!

Сквозь теснины и мусор своекорыстия и лукавства пробивается, однако, из неведомых тайников души народной *слово Божьей любви*. Расчистить путь для этой живой струйки, освободить ее от гнета искусственных преград, создаваемых своекорыстными руководителями армянского обособления; подать братскую руку народу, нравственный облик которого искалечен долгим рабством, но заслуживает возрождения и способен к нему, — вот русская гуманитарная задача, которая совпадает с задачей нашего государственно-народного дела в крае.

Между племенной самобытностью и паразитическим племенным эгоизмом — целая пропасть, и *действительно культурным* армянам пора это понять. Благоразумная племенная самобытность вполне совместима с лояльностью по отношению к России и усвоением высших даров ее культуры. Скажу больше: только отрешившись от узкого, своекорыстного обособления и несбыточных мечтаний, только раздвинув пределы своих понятий и чувствований, только зачерпнув из сокровищницы русского духа недостающие армянству религиозно-нравственные начала, — армяне могут поднять и спасти свою народность, стяжать ей доброе имя. Так как религия — единственный надежный источник идеализма, то армянам следует самим подумать о церковной реформе, об освобождении церкви св. Григория от задач политических и фискальных, о *догматическом* сближении ее с вселенским православием. Принадлежность к *великой* религии дает огромные преимущества нравственные и умственные. Например, армяно-католики, люди одной расы с армяно-григорианами, неизмеримо выше последних: умнее, нравственнее, менее нелюбимы соседями. Нужен армянам идеализм и в литературе, и в общественной. Некоторые поэты, как, например, Патканьян, пробовали работать в этом направлении, но у них не хватило ни способностей, ни общественной поддержки; наконец, им мешал «зоологический патриотизм», подрывающий справедливость и туманящий правду. Армянам нужны смелые, самоотверженные сатирики, которые имели бы мужество сказать им *всю правду*. Если ее скажет русский человек, то цель достигается лишь в ничтожной мере: армянские политиканы сейчас же начинают кричать о «гонении на армянский народ», недобросовестные служилые люди и продажные публицисты вторят такому крику, опасаясь нелестных для них разоблачений, — и правда загоняется в темный угол.

Желательнее всего было бы сильное этическое течение в среде армянского молодого поколения, взрослого в довольстве и покое: оно могло бы оздоровить «армянскую идею», дать ей право на уважение со стороны других народов. Единичные интеллигентные молодые армяне, по-видимому, подумывают об этом, но еще разрознены, подавлены террором своих духовных и светских вожakov. Постепенное ослабление и затем упразднение такого террора зависит от русской власти в крае, *систематичной* работы ее.

Одною из основ этой системы должно быть *открыто-исповедуемое* и проводимое на практике предпочтение нравственных начал перед богатствами сомнительного происхождения. Когда армянская интеллигенция и народная масса увидят неподкупность служилых людей и отсутствие безнаказанности разбогатевших хищников, увидят *смелую честность* как руководящее начало краевой политики, — то *начнется воспитание армянского народа*.

Покуда же, истинные друзья его должны быть не «друзьями-попоровщиками» а «друзьями-встречниками», т.е. казаться врагами и нести все тяжелые последствия такой внешности.

Пусть армянские патриоты (в истинном смысл слова!) подумают обо всем этом спокойно, без ложного самолюбия и страха перед своими непрощенными заправилами.

Пусть не отождествляют себя с армянским народом те смутьяны и темные люди, которые не щадят его крови и позорят его имя; тщетно называют они и наемники их «мракобесием» беспристрастное изображение местной жизни.

Русское дело стоит выше упрека и выше клеветы, когда оно ведет на высоте *истинной*, а не условной или поддельной человечности.

12. РЕФОРМА УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВАМИ АРМЯНО-ГРИГОРИАНСКОЙ ЦЕРКВИ И АРМЯНСКИЕ БЕСЧИНСТВА

12 июня опубликовано Высочайшее повеление о сосредоточении управления имуществами армяно-григорианской церкви в России в ведении правительственных учреждений и о передаче министерству народного просвещения тех средств и имуществ означенной церкви, которыми обеспечивалось существование бывших армяно-григорианских церковных училищ, подведомственных названному министерству с 1898 года.

Церковные земли будут состоять в заведывании министерства земледелия и государственных имуществ, капиталы — в заведывании министра внутренних дел. Право собственности на недвижимые имущества и капиталы остается за армяно-григорианскою церковью, и доходы будут употребляться на ее *настоящие*, законные нужды, за вычетом расходов по управлению имуществами и по образованию вспомогательного капитала армяно-григорианской церкви.

Мера огромной важности, с точек зрения политической и религиозной. Внесение ясности, порядка и законности в распоряжение средствами во многих отношениях неблагоустроенной армяно-григорианской церкви, несомненно, устранил возможность употреблять церковные деньги на дела, ничего общего с церковью не имеющие, умерит политический характер армянской теократии и охладит многие мечтания, вредные армянскому народу в духовном и иных отношениях. Это вопрос, давно назревший и долго тормозившийся, потому что армянские промышленно-политические дельцы находили сильную поддержку в кавказских и столичных влиятельных сферах. Эта поддержка, нелестная для русского имени, принимала порою столь резкие формы и в печати, и в жизни, и в официальных кругах, что ревнителям государственного порядка, несовместимого с такими аномалиями, как политиканствующая теократия, порою казалось, что торжество здравых понятий едва ли достижимо.

Вопрос о передаче армянских церковных школ и их имуществ в ведение министерства народного просвещения был с самого начала, под влиянием тех же неблагоприятных воздействий, поставлен *ненормально и щекотливо*, так как споры об имуществе разрешались судебным порядком при весьма неблагоприятных для правительства условиях: на Кавказе низшая администрация состоит в кабале у армян, а высшая зачастую недостаточно осведомлена, чтобы бороться с этим злом; лжесвидетельство, подложные

документы, лукавая уклончивость официальных актов, исходящих от церковных попечительств; удивительная сутяжническая изворотливость армянских дельцов, имеющих «руку» во всех решительно учреждениях края, — все это создавало крайне неблагоприятную обстановку для органов министерства народного просвещения в борьбе за интересы школы. На глазах у целого Тифлиса армянские патриоты увозили, расхищали или продавали за бесценок школьные имущества, а когда это не удавалось, то наглейшим образом начинали гражданские процессы, даже в тех случаях, когда не надеялись на их выигрыш.

Каждый случай проигрыша министерством народного просвещения процесса о школьном имуществе вызывал шум в местной армянствующей печати, причем местной странной цензурой, попутно, вообще пропускались дикие выходки против учебного ведомства; в обществе поднималась сенсация, и все местные элементы, не расположенные к России, пользовались случаем, чтобы указывать на бессилие русской власти или на нецелесообразность ее мероприятий.

Эта вакханалия продолжалась пять лет, как будто для того, чтобы означенные противорусские чувства могли принести побольше плодов.

Теперь, слава Богу, этим безобразиям положен конец: вопрос об армянских церковных и школьных имуществах рассматривался в комитете министров, и Высочайшей волей стали проводиться в жизнь оздоравливающие меры. Они касаются, главным образом, Закавказья, Бесарабии, отчасти Крыма, Донской области и Астраханской губернии. К сожалению, действию нового закона не подлежат армяно-григорианские церковные имущества в обеих столицах, где группирующиеся вокруг церквей армянские организации (по-армянски «джогов») *озабочены далеко не одними только религиозными задачами*. Но так или иначе, главное дело сделано.

В частности, эта законодательная мера является немалым идейным торжеством для пишущего эти строки. В целом ряде статей с трудом проводимых, хотя бы в искаженном виде, через местную цензуру, во время редактирования мною газеты «Кавказ», и в июньской книге «Русского Вестника» за 1903 г., я старался, по мере сил, выяснить армянский церковный вопрос и указывал на необходимость именно тех мер, которые ныне признаны полезными и своевременными, в силу чего они и стали законом. Один такой факт является высокой духовной наградой за неблагодарную работу выяснения государственных и народных интересов, не нравящегося инородческим организациям и их наемникам. Правдивое слово в этой области немедленно же вызывает клеветнические обвинения в мракобесии, расовой нетерпимости и т.д.

В данном случае не мешает лишний раз отметить, что новая мера, неприятная нефтепромышленным и иным армянским политикам, внушена, прежде всего, *заботой о духовных и гражданственных интересах армянского народа*. Этому народу важно, чтобы церковные средства тратились на церковь, школьные — на школу, и притом тратились бы производительно, т.е., *чтобы народ получал просвещенных духовных и светских руководителей*, упрочивающих своим добрым влиянием «благоденственное и мирное житье». Это последнее Россия и дает всем своим народам, даже наперекор самозванным вожакам инородческих организаций. Как везде, и на южной азиатской окраине нашей, вмешательство русской власти служит делу духовного развития и свободы народной массы, заслуживающей попечения и сочувствия.

Благотворительная для народной массы мера эта послужила, однако, поводом для красноречивого подтверждения правильности почерпнутых мною из кавказской действительности и, так сказать, выстраданных взглядов на армянскую социально-политическую неблагонадежность.

Еще на Кавказе, невзирая на тяжкие препятствия и неприятности, приходилось мне говорить о том, что экономическое завоевание края организованной армянской стачкой, дошедшей в своей наглости до *промышленно-политического террора*, неизбежно должно было привести к политическим осложнениям.

Многим, даже честным, искренно-русским людям, такой взгляд казался плодом пристрастия или личного раздражения, а приведенные обобщения — слишком односторонними и торопливыми. Теперь ряд последовавших событий наглядно оправдал те выводы, за которые своевременно приходилось платить слишком дорого.

Взрыв в одном из батумских фортов, разного рода уличные беспорядки, крушения поездов, учиненные злоумышленниками, усиление разбоев, — словом, целый ряд явлений, происходящих прямо или косвенно от указанного промышленно-политического террора, главари которого располагают огромными средствами, — все это заполнило за последние годы грязные страницы кавказской хроники, хотя *прямая связь* между этими явлениями и их первопричиной все еще официально не устанавливалась.

Затем пошли политические убийства (Джамгарова и др.), причем по армянскому многовековому историческому обычаю, политика тесно переплеталась с преступлениями против собственности. Банды полудиких турецких армян, составляющих действующую армию армянского революционного жонда, переходили наши плохо охраняемые азиатские границы и либо селились на землях, скупленных разными армянскими тузами у обнищавших грузинских князей и татарских агаларов, либо бродили по городам и весям Закавказья, пополняя собою ряды наемных убийц и всякого рода преступников.

Часть грузинского общества за истекшие несколько лет запуталась в армянскую интригу, конечною целью которой является возбуждение мятежа среди разноплеменного населения края и, в случае «удобных обстоятельств» (напр., вовлечения России в неудачную войну) — возрождение мифического армянского царства на развалинах русского владычества за Кавказом.

Конечно, это нелепая мечта; но не надо забывать, что вся история Армении, полная неожиданными изменами, проявлениями вероломства и человеконенавистничества, представляет то подпольное, то прорывающееся наружу служение этой мечте. В V веке, по упразднении армянского царства, духовенство с католиком Иосифом во главе руководило восстанием армян против персидского царя Иездигера и обратилось к своей пастве со следующим характерным посланием: «Да поднимется рука брата на брата родного, ежели он отречется от заповеди Божьей, и отец без сострадания да пойдет на сына, и сын на отца; да не боится более жена поднять руку на мужа вероломного *и да восстанет слуга на господина*». Таков был уже тогда клерикальный террор, тяготевший над более мирной частью народа, не всегда охотно принимающей участие в опасных затеях политиканствующего духовенства. Да и в сравнительно недавней истории края есть характерные факты, о которых писать и говорить можно будет, к сожалению, только лет через 50.

Неосуществимость указанной мечты вряд ли требует доказательств, ибо народ, заслуживающий облечения в форму государства, *естественно* достигает этого. Внешние препятствия не столь важны, как внутренние. Государство требует политических, общественных и личных добродетелей, которыми армяне никогда не обладали. Как город, по меньшей мере, «на трех праведниках стоит», так и государство нуждается в достаточном контингенте духовно-высоких и самоотверженных людей и в том, чтобы народная масса была проникнута *государственным идеалом*, сознанием необходимости поступаться многими сторонами и радостями личной жизни для общего блага, не щадить для него ни материальных интересов, ни самой жизни. Для государства нужна определенная *территория*, с которою народ был бы связан и долгим временем, и высокими нравственными *традициями*; наконец, очень важным условием является склонность народа к созидательному, *непаразитическому труду*.

Армяне, у которых течет в жилах преимущественно семитическая кровь, не обладают в должной мере чертами государственного народа, к бескорыстному творчеству мало способны, и к спекуляции гораздо более склонны, чем к труду, не сопряженному с обьегориванием ближнего¹⁹.

Вот почему они, подобно своим сородичам евреям, склонны прежде всего к торговле и всевозможным формам посредничества, не исключая самых преступных. При этом они, подобно прочим восточным народам вообще и семитам в особенности, в высшей степени тщеславны. В противоположность русскому национальному чувству, отличающемуся сильным элементом самокритики и совестливости, в противоположность также английской национальной гордости, предполагающей обязательность известных культурных добродетелей, — армянская племенная амбиция вытекает из низменного тщеславия, поддерживаемого экономическими успехами, которые достигнуты темными путями.

Многолетнее непонимание русской администраций своих задач в пестром Закавказье, многолетнее же отсутствие в крае *национально-русской финансовой политики* и, наконец, шальные нефтяные миллионы болезненно обострили армянское племенное тщеславие. Болотный огонек несбыточной мечты стал ярче манить к себе армян, причем само собою разумеется, что зарубежные враги России, англичане, американцы, германцы, французские масоны и всесветные евреи стали подливать масла в этот огонь. Нефтепромышленные сирены в английских сюртуках и их юркие поверенные нашли в разных влиятельных центрах, зарубежных и русских, доступ к сердцам политических деятелей, бюрократов и кое-каких публицистов.

Степень продажности или беспринципности печати измеряется процентом засевших в ней евреев, прямых или *переодетых*. Очевидно, он повсюду весьма велик, ибо заграничная печать почти повально принялась раздувать армянскую лягушку до размеров вола. Да и в русской печати, должно быть, дело неладно, коль скоро самые обоснованные разоблачения деятельности армянских плутократов, ростовщиков и политиканов вызывали дикую ярость, особенно со стороны так называемых либералов, которые, казалось бы, наоборот, *если они искренни*, должны сочувствовать всякой борьбе с мошенничеством и гнетущей эксплуатацией народного труда. Очевидно, у этих господ есть особый пункт политической программы, в силу которого они сочувствуют всякому противорусскому движению, всякой, даже ничтожной силе, дерзающей грозить русскому строю, порядку и спокойствию.

Армянская наступательная крикливость пришлась этим господам по душе и нашла в газетных евреях отголосок, как нечто родное. Эта крикливость, строго говоря, больше еврейской, если принять во внимание, что евреи сравнительно большой и духовно одаренный народ, доставивший миру немало хлопот, но давший также и много выдающихся людей на разных поприщах умственной жизни. Обе народности сходны в том, что, при всей своей пронырливости и духовной робости, склонны шуметь, зазнаваться и проявлять бесчеловечную нетерпимость, когда только им покажется, что сила на их стороне.

Армянам, впрочем, немудрено зазнаваться не только потому, что они беспрепятственно опутали своими сетями значительную территорию, превосходящую размеры Франции, но уже и по тому одному, что они *пользуются всеми правами христиан, отличаясь всеми инстинктами евреев*. Закономерная полноправность при таких условиях является фактической *привилегией* по сравнению с остальным населением Закавказья.

Много лет уже раздаются и в печати, и в правящих сферах авторитетные по своей осведомленности голоса, указывающие на ненормальность такого положения вещей. И всегда армянская организация, опирающаяся на денежную силу и все доступные ей средства искушения, находила влиятельных заступников, руководившихся то принципиальными, то менее почтенными побуждениями. Русская власть и русское общественное мнение на время снова усыплялись, и потихоньку продолжалась двойная работа: экономическое порабощение края и подготовка к борьбе с русским государственным началом.

Центральным органом армянского обособления в течение многих веков являлась и доселе является, как уже выше сказано, армянская теократия, представляющая *собой особую форму полускрытой государственности*. По внешности — это церковь, а по существу — прежде всего «*национальное*» учреждение, во многих случаях ставящее тайную политическую задачу выше религиозного призвания. Эта церковь, — конечно, не как храм Божий, а как собрание армян, объединенных общими задачами, — является зачастую то биржей, то местом для политических и иных совещаний. На Кавказе довольно распространено название Эчмиадзина «экспедицией заготовления государственных бумаг».

Церковная организация, совпадая с политической, не чужда вследствие этого, и всех темных сторон этой последней, противоречащих религиозно-нравственным началам и государственному порядку. И в любой из армянских епархий, и в самом Эчмиадзине нередко играют решающую роль светские люди, держащие в руках либо нити политической интриги, либо ключ от туго набитого денежного ящика. Бывший тифлисский городской голова Кеворк Евангулян, называвшейся по-русски Евангуловым, имел, например, значительное влияние на эчмиадзинские дела²⁰, так же как и издатель запрещенной ныне газеты «Ардзаганк», некий Абгар Иоаннисиани, и как московский адвокат Грикур Джаншиев, мнимо-либеральный мнимо-русский публицист. Хитрый горбун Арцруни, бывший издатель тифлисской газеты «Мшак», при последних выборах католикоса едва не посадил на эчмиадзинский престол своего ставленника; существует даже предположение, что он сам надеялся попасть в католикосы так же, как и упомянутый Евангулян. В настоящее время любой крупный нефтепромышленник или банкир, вроде Манташева или Цатурова, вмешивается в дела своей церкви и по временам говорит Эчмиадзину тоном диктатора.

Изложенное необходимо иметь в виду при оценке ярких событий последнего времени, наглядно свидетельствующих о том, что в армянской церкви преобладает *политический* элемент и что в армянских бесчинствах виновно не одно только духовенство, так как они являются делом *организации*, охватывающей все слои народа, под верховным руководством Эчмиадзина.

Напомню вкратце главнейшие из преждевременных вспышек давно подготовлявшегося армянского мятежа. 13 августа 1903 года, в 7 часов вечера в г. Александрополе убит на улице кинжалом православный протоиерей Васильев, на которого армянский революционный комитет негодовал за обращение трех армянских селений в православие. По весьма распространенному на Кавказ обычаю, убийца скрылся бесследно. Незадолго до того наемные убийцы турецких армян закололи кинжалами на одной из станций эриванской железной дороги жителя селения Шагриар эчмиадзинского уезда, Степана Дрампова, подозревавшегося в том, что он выдал двух главных организаторов сбора денег на армянские национальные цели; подозрение неосновательное, ибо *действительно главные* организаторы дела не то что ходят, а катаются на свободе в дорогих экипажах, пользуются поддержкой среди кавказской и столичной бюрократии, носят почетные звания и для контролирующей власти покуда недостижимы.

Роль именно турецких армян, достойных питомцев турецкой «школы» и по происхождению полу-курдов, резко выдвигается как в указанных, так и во множестве других преступлений; по сведениям прокурорского надзора, как сообщает эриванский корреспондент «Нового Времени» г. Григорьев, 80% всех совершаемых армянами преступлений совершаются именно турецкими армянами, пополняющими обширный контингент наемных убийц и являющимися предлогом для сбора более или менее принудительных пожертвований на пресловутые «национальные цели».

О единичных убийствах и случаях наглого вымогательства денег, сведения далеко не всегда попадают в печать, так как замешанными оказываются (как, например, в джамгаровском деле) «интеллигентные» сыновья армян весьма зажиточных и

обладающих связями в разных учреждениях края. Несомненно однако, что над всем Закавказьем тяготеет гнетущая атмосфера *политического шантажа*, и это чувствует каждый мало-мальски внимательный обыватель²¹.

Долго таившийся социально-политический недуг принял за последнее время столь рельефные формы, что даже кавказской печати мудрено было о них умолчать. Произошло это по поводу Высочайшего повеления 12 июня 1903 года о передаче армянских церковных имуществ в ведение гражданских властей. Выше была подробно выяснена глубокая целесообразность этой правительственной меры, встретившей сильную оппозицию в некоторых из наших влиятельных сфер. Здесь достаточно вкратце повторить, что это мера не противорелигиозная, не противоцерковная, а именно наоборот, так как она является одним из необходимых целебных средств для армянской церкви, помогая этой последней выполнять свою высокую христианскую задачу без отклонения в сторону политических авантур и непохвальных гешефтов. Это прекрасно понимают те немногие разрозненные и робкие *истинные* армянские патриоты, которым политический террор теперь зажимает рот. Это поймет и армянская народная масса, когда мало-мальски освободится от гипноза своих самозванных вожakov.

Противники этой меры напрасно полагали, что она, *сама по себе*, могла вызвать неудовольствие армянской народной массы. Конечно, немалую роль здесь играет степень *умелости* властей, ее осуществляющих; надо дать понять народу, что средства армянской церкви остаются неприкосновенными и лишь ограждаются от употребления на цели, не имеющие ничего общего с религией. Несомненно, что политические вожаки армян силились доказать народной кассе именно противное и преуспели в своем стремлении лишь потому, что противорусская организация армянского населения сильно подвинулась вперед. Последовавшие затем беспорядки, о которых подробнее будет сказано ниже, явились весьма ценным *реактивом*, показателем того, что готовилось, назревало и *неминуемо вспыхнуло бы* при более неблагоприятных для русского дела обстоятельствах. Можно только радоваться тому, что неизбежное случилось преждевременно, и *армянская политическая интрига открыла свои карты* прежде, чем успела достигнуть более внушительных размеров.

Наглядные признаки тайной армянской организации проявлялись и независимо от таких внешних и случайных поводов, как указанная мера; это доказывается и упомянутыми выше политическими убийствами и другими характерными фактами. Так, например, в Артвинском округе захвачена шайка армян, которой предводительствовал студент Штутгартского политехникума Абрамян; у этих патриотов найдено знамя с надписью «Смерть или свобода», ружья, динамит, разрывные бомбы и т.д.; *члены шайки до того проживали в разных городах Закавказья*. Шайка направлялась якобы в Турцию, но вряд ли можно сомневаться в том, что она была склонна «поработать» и в русских пределах. К тому же, она далеко не единичное явление: 29 августа 1903 г. в Карсе, в глухом переулке, близ казарм Кубинского полка, в квартире некоего Таноева, американский подданный армянин Джон Нахикьян занимался снаряжением ручных гранат; очевидно, этот патриот и его сподвижники готовились не воевать с курдами, а протестовать посредством динамита и иных взрывчатых веществ против Высочайшего повеления 12 июня. Провидение само покарало этих злодеев: произошел взрыв, от которого они погибли.

Затем из разных местностей Закавказья появляются сведения о вспышках армянского мятежа. В Эривани, Эчмиадзине и окрестных селениях поднялся шум невообразимый. Целые толпы отправлялись к католикусу, требуя, чтобы он протестовал против закона, хотя духовенство признавалось, что в этом требовании не было надобности, ибо *сигнал к неповиновению закону исходил от самого эчмиадзинского патриарха*.

29 августа в Елизаветполе, на окраине города, возле армянской церкви, *по звону колокола* собралось несколько тысяч армян, которые оттеснили полицию и земскую стражу, отвечая градом камней и револьверными выстрелами на требование разойтись.

Подоспевшие на место беспорядков войска вынуждены были действовать огнестрельным оружием, после чего толпа разбежалась, оставив на месте 7 убитых и 27 раненых.

Это событие нашло крайне резкий отголосок в самой столице Закавказья, где сосредоточены и главные местные правительственные учреждения и масса войск. Наглость была проявлена необычайная. По словам правительственного сообщения, 31 августа в Тифлисе после литургии в армянском соборе духовенством в церковной ограде, при двухтысячной толпе, была отслужена панихида по 7 лицам, убитым в Елизаветполе во время совершенных местными армянами беспорядков. После панихиды, *священник Тер-Араратов провозгласил проклятие* („Новое Время" основательно спрашивает: «Кому?!») *за отобрание церковных имуществ. При этом разбрасывались революционные воззвания, толпа шумела, бросала камнями и произвела около 40 выстрелов в чинов полиции.* На место беспорядков были вызваны казаки, которые и рассеяли толпу, арестовав 4 зачинщиков и в том числе священника Тер-Араратова.

2 сентября 1903 г. такой же мятеж вспыхнул в Карсе по поводу приема в казенное управление имуществ армянских церквей Сурп-Нишан и Святой Богородицы. Опять-таки *по колокольному звону*, как описывает «Кавказ», *сбежалась большая толпа армян и расположилась вокруг церкви Сурп-Нишан, а также на крышах и внутри соседних домов.* На требование полиции и полицейской стражи разойтись толпа ответила градом камней и выстрелами и оттеснила их. Вскоре к церкви прибыли резерв стражи с начальником округа и две сотни Ейского казачьего полка. Все увеличивавшаяся толпа встретила и их камнями и выстрелами. Так как требование разойтись не было исполнено, то стража вынуждена была сделать несколько одиночных выстрелов, после чего ею, совместно с казаками, площадь и дома были очищены от толпы. Войскам пришлось также разгонять толпу армян и от церкви Святой Богородицы, причем арестовано 77 армян, в том числе два священника.

Еще более организованное и ожесточенное сопротивление оказали бакинцы, очевидно, привыкшие более признавать власть своих нефтяных королей, чем русского правительства. Согласно описанию того же «Кавказа», 2 сентября в городе Баку, около 5 часов вечера, *по звону колокола*, в ограде местного армянского собора собралась значительная толпа армян. На предложение полиции разойтись толпа ответила градом камней и стрельбой из револьверов; *стреляли даже из окон самой церкви*, вследствие чего были вызваны две сотни казаков и полурота сальянского пехотного резервного полка. Войска были встречены также камнями и револьверными выстрелами, причем толпа укрылась за каменной церковной оградой и в самой церкви; вследствие этого полурота открыла огонь, и толпа, убирая убитых и раненых, скрылась в соборе, который и был оцеплен войсками. Из мятежников было арестовано 45 человек, остальные разбежались. *Отобрано и найдено много оружия, причем даже в самом соборе и его алтаре оказались оставленными револьверы, патроны и стреляные гильзы.*

В Шуше, издавна славившейся политическим брожением и необычайною наглостью местного армянского элемента сверху донизу, 12 сентября, во время приема церковных имуществ в ведение казны толпа армян также подняла невообразимый шум и с угрозами отправилась к квартире губернатора; войскам пришлось вступить с нею в сражение, не обошедшееся без убитых и раненых. В Шуше духовенство при этом не выдвигалось вперед. Во многих других пунктах передача церковных имуществ происходила столь же неблагополучно. Политические убийства продолжались. В Карсе 9 сентября убит наемными турецкими армянами турок Шариф Лачинбеков, подозревавшийся в нелюбви к армянам и в сообщении о них сведений турецким властям. Убийство произошло в двух шагах от губернаторской канцелярии, причем собравшаяся туда толпа армян помогла скрыться убийце, кстати, ранившему и городского. Потом все эти лавочники и приказчики отзывались полным неведением о происшедшем. Армянство стоит сплошной стеной, покрывая какие угодно ужасы, и даже хвастая некоторыми подробностями преступлений; так например, громко говорят, что за убийство протоиерея православного собора

Василова, убийцы получили 25 000 рублей. Ясно, какую роль играют в таких делах армянские денежные тузы.

13 сентября, среди бела дня, в Эчмиадзине турецкими армянами, очевидно, по приказанию их повелителей, убит на базарной площади некий Потоянц, виновный в том, что был в числе понятых во время передачи церковных имуществ в казну и подписал протокол, вопреки угрозам революционного комитета. *Это одно из многих* политических убийств в данном районе. *Население терроризовано*, особенно тем, что убийцы и их повелители остаются неоткрытыми и безнаказанными. Характерно, что *эчмиадзинский монастырь* содержит и прикармливает сотни турецких армян, людей разбойничьего вида и образа жизни.

Во всех описанных выше вспышках армянского мятежа бросается в глаза ряд характерных фактов. Во-первых, у армянской толпы, которую обыкновенно считают мирной и робкой, и которая, действительно, от природы труслива, — оказалось *много оружия*; стало быть, существовали давно заготовленные *склады оружия*, свидетельствующие о существовании организации, готовившейся к определенным поступкам. Во-вторых, к месту беспорядков мятежные армяне были призваны *колокольным звоном* и пришли с оружием в руках, причем в Карсе и Баку заняли своего рода стратегические позиции; стало быть, все было заранее подготовлено. В-третьих, церковь, призывающая колокольным звоном не на молитву, а на резню, церковь, алтарь которой погран орудиями истребления, является *не домом молитвы, а очагом зверства и притоном мятежа* против законной власти, действующей в духовных интересах этой же самой церкви.

Наконец, 14 октября 1903 г., среди бела дня, на выезде из Тифлиса, близ Ботанического сада, на главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта князя Голицына, возвращавшегося в экипаже с супругой из загородной прогулки, напали трое негодяев, нанешие князю несколько кинжальных ран в голову, лицо и руку и пытавшиеся вытащить начальника края из коляски. Князь храбро отбивался палкой и парировал несколько опасных ударов. Казак Сиплиненко мужественно вступил в борьбу с нападавшими, был ранен; на помощь подоспели чины земской стражи, а затем казаки. Головорезы бежали по ущелью, отстреливаясь; один из них был убит наповал, а два другие смертельно ранены и умерли в тот же день.

По полученным тогда же из Тифлиса сведениям виновники дерзкого покушения на жизнь представителя Державной власти на Кавказе оказались принадлежащими к *низшим классам армянского населения*. Вопрос о *нравственных виновниках* преступления, его мотивах и даже полной обстановке так и остался невыясненным. Часть нашей печати вдобавок проявила либо неосведомленность, либо, в лице печати еврействующей, уже прямо *стремление выгораживать из этого темного дела армянскую интригу, сворачивая его всецело на кавказских разбойников*. В глазах людей, знающих Кавказ, в таком толковании содержится несомненная натяжка. Впоследствии выяснилось, что убийцы *не-русско-подданные армяне, принадлежащие к армянской террористической шайке*. Полезно было бы узнать, какие с *виду мирные* армяне участвуют в ней деньгами или иным способом...

Вообще, более чем пора серьезно вникнуть в роль, которую играют в преступлениях, разбоях, мятежах и прочих язвах кавказской жизни влияние и многомиллионные состояния некоторых богачей с темным прошлым и более чем туманным настоящим. Добросовестное и проникновенное изучение этого *коренного* для Кавказа вопроса дало бы правительству ключ к очень многим таинственным дверям, за которыми творятся недобрые, пагубные для спокойствия края дела.

После всего сказанного не ясно ли, что закон 12 июня явился мерою более, чем *необходимой*, т.е. скорее запоздалой, чем преждевременной?

С этой точки зрения, каждый пропущенный год, каждый пропущенный день был чреват печальными осложнениями, потому что армянская революционная организация

разрасталась вглубь и ширь. Если бы ей вовремя была поставлена преграда, то не было бы многих лишних и, в основе, жалких жертв недомыслия, революционного гипноза и слепого фанатизма. Так или иначе, жаль этих дикарей, потому что не будь они завлечены своими бездушными вожаками, — они были бы хоть не особенно полезными, но все же мирными русскими подданными.

В государственной политике, когда она имеет дело с большими народными массами, *нет ничего более жестокого, как кротость или полумеры* по отношению к вожакам, ведущим толпу на путь мятежа. Если бы несколько лет тому назад твердой, властной рукой был изъят из обращения десятков-другой доселе благополучных привилегированных армянских политиканов, — теперь войскам не пришлось бы стрелять. *Ловить и наказывать мелких агитаторов, оставляя в стороне главных воротил — значит пытаться вычерпать реку ведрами.* Всякое мало-мальски серьезное явление, грозящее бедой, надо перехватывать у самого истока: иначе выходит нецелесообразно с точки зрения государственного порядка и, в результате, жестоко по отношению к народной толпе, платящей кровью за безумие, которое в ней нарастает под впечатлением несвоевременно - мягкого отношения власти к коренным виновникам анархических явлений.

Сказанное сугубо применимо именно к восточным народам. Восток покоряется только *грозной* силой, справедливой, но непременно грозной. Кротость, порожденную высшими гуманными побуждениями, он считает слабостью. Особенно армянин как народный тип *не понимает великодушия*, потому что сам к нему решительно неспособен.

В одной из своих передовых статей «Новое Время» говорит, между прочим, по поводу неслыханной наглости мятежного священника Тер-Аларатова: «Если некоторым армянским священникам улыбается роль польских ксендзов 1863 г., то разве только их невежество по части русской истории позволяет им не знать дальнейшей судьбы тех, кому Муравьев-Виленский говорил, что при доказанности вины их *«не спасет даже и рыса»*...

Аналогия верно подмечена: она напрашивается сама собой, с той разницей, что католические ксендзы даже во времена восстания не утратили искры Божьей и не забывали, что они христиане. Большинство же армянского духовенства почти ничего общего не имеет с настоящим христианством.

К какому выводу можно прийти по поводу вышеуказанных прискорбных событий?

Во-первых, как они ни прискорбны, — хорошо, что они произошли раньше, чем армянская революционная организация разрослась бы втихомолку до более крупных размеров.

Во-вторых, обстановка беспорядков и, в частности, наличие значительного количества оружия свидетельствует о том, что организация охватила *все слои* армянского племени, а не ограничивается одним лишь духовенством.

В-третьих, *вопрос не исчерпан*, с армянским мятежом не покончено. Мы видели только преждевременно распустившиеся цветочки, а ядовитые ягодки еще впереди. Русскому правительству следует вспомнить слова хорошо осведомленного армянофила Пьера Морана, назвавшего армян *опасными подданными*. Если они покуда, до удобного для них случая, будут воздерживаться от вспышек с оружием в руках, то их *подпольная растлевающая деятельность неминуемо усилится. Надо беречь от них наши учебные заведения.* Не подлежит сомнению, что армянские агитаторы будут стараться вовлечь нашу учащуюся молодежь в беспорядки, подобно всегда нашептывающим евреям. Логика этих агитаторов будет хромать, так как, вступаясь перед противощерковной «либеральной» молодежью за свою церковь, они вынуждены будут напирать на светскую, *политическую* сторону армянской теократии, т.е. выдадут ее скрываемую ныне истинную сущность. Армянская организация, опутавшая Закавказье и свившая гнезда в обеих столицах наших, будет работать вдвое усиленнее, — растлевать одних, усыплять других и волновать третьих. А когда настанет «час», — мало ли, что может произойти! Ведь не

остановились же армянские революционеры перед вооруженным захватом оттоманского банка и бросанием бомб с его крыши! И это в Турции, где коренное население не шутит!..

Конечно, все это можно и должно в значительной мере предотвратить. Для этого необходимы *органические*, постоянные меры в крае, нужно помешать сбитой с толку армянской интеллигенции *заснаваться*. Надо немножко знания дела и твердости.

Преждевременным «показыванием карт» армянская интрига себе повредила, указав на необходимость радикального оздоровления кавказской жизни. Несомненно, что нужна была большая доза самомнения и заносчивости, чтобы совершить подобную ошибку и выдать себя; это могло произойти не иначе, как на почве долгого неуважения к русской власти и государственным законам.

Католикос *привык* безнаказанно не исполнять распоряжений правительства; армянские богачи, похитители казенных земель, поставщики недоброкачественных продуктов казенным учреждениям, контрабандисты и руководители темных банковских предприятий привыкли к безответственности перед административными и судебными учреждениями; армянские политиканы привыкли открыто проявлять свою наглость, под прикрытием связей в местных и столичных учреждениях; всего несколько лет тому назад один армянский агитатор, скомпрометированный в деле похищения важного государственного документа, который он имел наглость целиком напечатать в «Times» и в армянской газете «Аравелк», издающейся в Турции, нашел влиятельных заступников и оказался *почти безнаказанным*²²; армянская и армянствующая печать много лет пользовалась потворством и проявляла разнузданность, пресекавшуюся неумело и притом большею частью уже *после того, как был нанесен весь политический вред*, который местная цензура могла и должна была предотвратить. За последние несколько десятилетий закавказская жизнь представляет собой *целое море всяческой безнаказанности*, т.е. в итоге *политической и правовой беспринципности*.

Чем раньше проявились острые результаты такого беспорядка вещей, тем лучше, и тем больше чести государственным людям, взявшим на себя почин мероприятий, которые дали столь яркий реактив.

Наглость армянских крамольников объясняется также и беспринципностью некоторых петербургских сфер вообще и, в частности, нелепым толкованием обстоятельств, при которых была проведена реформа управления армянскими церковными имуществами. Любой лавочник в Тифлисе, Эривани или Шуше без запинки рассказывает *подробности прений* по данному вопросу, происходивших в соответственных государственных учреждениях, причем открыто и многозначительно приводятся имена тех лиц, на моральную поддержку которых армянские крамольники считают себя вправе рассчитывать. Причины и последствия такого возмутительного факта, а также его интимную подкладку мудрено выяснять в печати, но умолчать о нем было бы непатриотично, да и негуманно по отношению к самим армянам, которые могут дорого поплатиться за свое заблуждение.

Ведь они уверены, что у них найдутся в столице влиятельные покровители, могущие достигнуть даже отмены того, что сделано по Высочайшей воле, неспособной к самопротиворечию. В таком нелепом заблуждении их укрепляют распространяемые в крае (и вероятно, вымышленные) цитаты из упомянутых прений, якобы косвенно рекомендуемые противиться до последней крайности Высочайшей воле. Это уже прямо какой-то психоз зазнавшихся восточных людей, - и ясно, что лучшим лекарством против такого опасного недуга может служить только честная твердость со стороны исполнителей предначертаний Государя Императора.

Вряд ли есть повод сомневаться в наличии такой твердости у главных руководителей этого дела, столичных и кавказских. Но, помимо этого, необходимо обратить внимание на восточную психологию и на то, чтобы второстепенные местные органы, сообразуясь с этой последней, действовали *по строго выработанной программе, неуклонно и систематично*. Между тем, по этой части замечается некоторый изъян,

нелестный для второстепенных органов кавказской администрации, непосредственно соприкасающихся с делом.

Строго говоря, упомянутая выше реформа не должна была удивить ни наши правящие сферы, ни самих армян. В 90-х годах покойный генерал-адъютант С.А. Шереметев лично говорил мне о целом ряде серьезных данных, побуждающих к ней, и лишь выражал неуверенность в достаточной чуткости и беспристрастии тогдашних петербургских влиятельных кругов. Очевидно, следы упомянутых данных должны существовать и в кавказских, и в центральных столичных учреждениях.

Сами армяне как простые, так и интеллигентные, были крайне недовольны своими церковными порядками. Между священниками и паствой происходили постоянные пререкания на почве экономической. В армянских газетах «Мшак» и «Нор-Дар», во время моего пребывания в Тифлисе, страницы пестрели резкими обличениями против лиц, духовных и светских, управлявших имуществами армянской церкви²³. Этих заправил нередко *печатно называли ворами* без всяких смягчений, но приводя тому убийственно красноречивые фактические основания.

Вот некоторые факты, сохранившиеся в моей памяти, конечно, лишь в общих чертах. Гандзасарское и Хотаванское имения Елизаветпольской губернии, составляющие площадь около *90 000 десятин земли* и управлявшиеся монахами, приносили в общей сложности доход армянской церкви *менее 50 рублей в год, — не за десятину, а всего!* Находившееся под непосредственным надзором самого католикоса огромное Марцское имение в уездах Борчалинском и Казахском, с богатыми вековыми сосновыми лесами, рудами и пастбищами, размером чуть ли не до *200 000 десятин*, приносило доходу *от 1-ой до 3-х тысяч рублей*. В пользовании этим имением, кроме армянской церкви, являлись еще соучастниками нисколько частных лиц, открыто сетовавших на хищническое обращение с этими огромными богатствами, расположенными близ станции Санаин Карской железной дороги. Столь же варварски управлялось, имение Чарекаванк, в Елизаветпольской губернии. Доходило до того, что, по словам местных представителей министерства финансов, на некоторых консисториях (напр., карабахской), накопились значительные суммы казенной недоимки, а смета Эчмиадзинского монастыря часто заканчивалась дефицитами свыше 100 000 рублей в год.

Ясно, что армянская печать была совершенно права, открыто говоря о воровстве, а также не подлежит сомнению, что этот термин очень понятен практичным армянам всех слоев общества, весьма сведущим в денежных делах. Население не могло сочувствовать расхищению церковного достояния.

Между тем, на практике, при объявлении закона 12-го июня, эта удобная почва была мало использована местными органами, фактически осуществлявшими правительственное распоряжение. Во-первых, армянскому народу даже не объяснили надлежащим образом, *в чем заключается* новое мероприятие: не нашлось надежного лица, которое бы популярно, толково и убедительно изложило по-армянски сущность и основания реформ, хотя казалось бы, такое лицо должно было найтись, хотя бы среди чинов местного цензурного комитета. Во-вторых, резкое сопротивление со стороны католикоса и его клевретов придало приему армянских имуществ в казенное управление внешний вид, совершенно не соответствующий истинному смыслу этого оздоровляющего акта. Здесь необходимо отметить, что жители казахского уезда, как мне пишут из Дилижана, обратили внимание *на сплошную рубку в огромных лесах Агарцинского монастыря, учиненную перед самою сдачей этого имения в казенное управление*; характерно, что Агарциным имением заведовал сам католикос. Выходит действие... *in fraudem rei publicae*. Наконец, увы, приходится признать, что некоторые из второстепенных местных представителей власти, напр. в Эриванской губернии, выполняли свои обязанности по применению нового закона, — *выражаясь очень мягко*, — без должного к нему сочувствия. Эти люди, популярные в среде армянских политиканствующих плутократов, дорожили прежде всего своими хорошими отношениями с противорусской средой и косвенно могли подать сами повод к

неправильным толкованиям меры, не имеющей ничего общего с религиозной нетерпимостью или недоброжелательством к армянскому народу, *истинные* интересы которого правительством *дальновидно* ограждаются...

Армянские агитаторы, с духовенством во главе, распространили посредством печатных прокламаций и устных «проповедей» нелепую басню, будто бы правительство желает *отнять* у церкви св. Григория ее собственность и насильно обратить армян в православие. То, что священник Тер-Араратов еще не понес *наглядной и поучительной кары* за свою неслыханную мятежную дерзость²⁴, окрылило такую же дерзость армянских политиканов, к речам которых народная масса еще больше стала прислушиваться. Многие тифлисцы себя спрашивают, каким образом хотя бы прокурорский надзор, *вопреки уложению о наказаниях*, не обратил внимания на преступление Тер-Араратова, за которое серьезно поплатился бы обыватель любой местности России, да и всякого другого государства?! Можно с уверенностью сказать, что шансы на покушение против князя Голицына значительно уменьшились бы, если бы за упомянутыми вспышками армянской крамолы своевременно последовала строгая репрессия. На Востоке нет ничего вреднее полумер, особенно в минуты народного волнения: полумеры увеличивают наглость, предприимчивость и авторитет вожаков всякого подобного движения.

Весьма характерно, что после злодейского покушения на жизнь главноначальствующего, все общественные учреждения и племенные группы края выразили кн. Голицыну как человеку и представителю русской власти лояльные чувства посредством адресов, молебствий и т. д. *Исключение составляют одни армяне*, — и можно подумать, что все слои этого зазнавшегося народца солидарны с убийцами.

На деле это, конечно, не так и вопрос сводится к тому, чтобы, с одной стороны, подорвать авторитет самозванных опекунов армянского племени, а с другой — разрушить упомянутую выше басню о посягательстве на армянскую религию. И то, и другое, разумеется, достижимо, особенно, если Петербург, в лице беспринципных своих элементов, не примется парализовать работу властей, стремящихся упорядочить давно запущенные кавказские дела.

На таких беспринципных петербуржцев доселе крепко надеются армянские политиканы. Мне пишут из Тифлиса, что их надежда за последнее время растет, так как они уже дали инструкции «своим людям» для столичных салонов. Приедет сюда какой-нибудь мнимо-грузинский князь или просто посторонний путешественник и станет говорить что-нибудь, вроде нижеследующего:

- Мое дело сторона, я не армянин и армян не люблю, но помилуйте! Благотворительная в принципе реформа проведена *несвоевременно*, это *бестактно* и небезопасно, тем более что народ считает и всегда (!) будет считать это посягательством на свою религию! И католикос ужасно огорчен! Этот добрый старик, преданный России, вынужден (!) противиться новому закону, хотя сердце его полно лояльнейшими чувствами. Лучше всего бы дать ему возможность объясниться... и т.д., и т.д.

Все народности Кавказа придают огромное значение поездкам своих представителей в Петербург, особенно когда эти поездки сопряжены с возможностью личного представления Государю Императору. Понятно, с каким усердием армянские политиканы распространяют теперь слухи о скором приезде сюда католикоса «для личных переговоров», упоая на обычную поддержку своих столичных ходатаев.

Надо желать, ради русского государственного достоинства, чтобы подобные нашептывания не достигли цели. Как выше сказано, своевременность реформы доказывается уже тем, что благодаря ей, обнаружились во всей красе давно выполнявшиеся втихомолку планы армянской интриги. Басня о посягательстве на религиозные или материальные интересы церкви св. Григория рушится сама собою, особенно после того, как армянское население увидит, что, в частности, церковь материально только выиграла и стала на путь духовного оздоровления. Для этого полезна была бы широкая *гласность* с одной стороны и решительная *твердость* — с другой.

Необходимо, конечно, также, чтобы местные органы министерства земледелия и государственных имуществ, *под угрозой строгого служебного взыскания*, ревностно взялись за рациональное хозяйство во вверенных им церковных армянских землях; малейшее упущение с их стороны в данном деле было бы *политической ошибкой*, которую армянские агитаторы ожидают с нетерпением, надеясь на содействие неверных слуг государства. С этим вопросом шутить нельзя. Роль католикоса в нем более чем ясна, но люди, стремящиеся обелить его, не прочь представлять его жертвой, а не вдохновителем движения, вызванного «несвоевременной», будто бы, правительственной мерой. С этой целью был даже разыгран в гор. Александрополь политический «спектакль» особого рода. Толпа кидала камни в вагон Мкртыча Хримяна, а священник Тер-Ованесов, поднятый толпою на руки, кривлялся и дерзко кричал своему духовному главе, что он должен либо отречься от патриаршества, либо сопротивляться русским властям. Произошло это после семидневного лихорадочного метания Мкртыча I по разным местностям эриванской епархии, где он, с одной стороны, *уклонялся от принятия официального известия о новом законе*, а с другой — давал своим подчиненным соответственные инструкции... *Объясняться католикосу не о чем. Он уже много лет объясняет сущность своего направления достаточно красноречиво, — фактами дерзкого неповиновения правительственным распоряжениям.*

Разумеется, мудрено заранее предсказать, до какого предела дойдет армянский психоз²⁵, тем более что именно от не всегда надежных второстепенных представителей местной власти зависит возможность исподтишка разжечь его или умерить, посредством устранения болезнетворных микробов. Несомненно одно - что этот кавказский недуг может представить случайные опасности лишь для единичных должностных лиц; а отнюдь не для русского дела в крае. В итоге - мы теперь знаем, благодаря своевременной реформе, в чем суть, и здесь применима утешительная французская пословица: «Un home grèvenu en vaut deux»...

13. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ТАТАРЫ

Кавказских мусульман, по разнице в характерных чертах, можно разделить на две резкие категории: первую составят мусульмане, входившие в состав Турции и, особенно, Персии, с ее вассальными ханствами; вторую — жители Дагестана и прочие горцы, исповедующие ислам. Турков и курдов в наших владениях немного, и они представляют собой маленькое, неяркое пятнышко на пестром кавказском ковре. Азербайджанские татары дело другое: их много, и они составляют значительный и во многих отношениях ценный элемент, к которому необходимо присмотреться поближе.

Восточное Закавказье в течение веков считалось персидским владением и частью бывало таковым на деле в единичных случаях; обыкновенно же оно делилось на ханства (гянджинское, эриванское, талышинское, шекинское и т.д.), владельцы которых были сперва служилыми людьми по назначению персидского правительства, потом достигали передачи своих административных полномочий по наследству и, наконец, отпадали от Персии, добивались независимости и являлись маленькими тиранами в восточном вкусе. Такой же преемственности в управлении более мелкими частями территории достигали беки, особенно, когда состояли в родстве с ханскими домами. Масса мусульманского населения подчинялась этим правителям на начале восточно-государственном, а не состояла у них в крепостной зависимости. Азербайджанцы пахали землю, занимались садоводством и скотоводством, охотою, войной и... *разбоями, принципиальное отличие которых от войны, в виду смутности земельных границ и правовых понятий, местному населению доселе не вполне ясно.* Если жители одного ханства или бекства нападали на селения другого, с целью пограбить, отмстить за кровь или показать удаль, то это

называлось войною. Теперь это разбой, и притом, по мнению современного русского суда, принципы которого населению непонятны, а формы являются источником соблазнов, порождающих озлобление и новые преступления. Армяне занимались торговлею, трепетали перед ханской нагайкой, ползали перед беками и бледнели при виде человека, вооруженного кинжалом. Своим стяжанием они зачастую должны были недобровольно делиться с властителями-мусульманами. Исключение составляли неправильно называемые (по отношению к прошлому) армянами жители Карабага (Албания или Агвания), исповедовавшие армяно-григорианскую веру, но происходившие от горских и тюркских племен и обьярмянившиеся лишь 3 — 4 века тому назад. Христиане-карабагцы порою проявляли даже воинственность, и местным ханам приходилось с ними считаться.

Азербайджанцев называют татарами, но это совершенно неточно, если относить притом татар к монгольскому племени. Если в жилах азербайджанцев и есть татарская кровь, то лишь как результат монгольского нашествия времен Батыя, Мангу и (в Закавказье) Хуллагу-хана; такого же рода результаты остались и после арабов: доселе в восточном Закавказье попадаются люди арабистанского типа и даже напоминающие мулатов, с очень темною кожей и курчавою шерстью на голове. По основному же происхождению азербайджанцы — тюрки, туранцы, кровные родственники древних огузов, сельджуков, современных турков и курдов. Азербайджан дал Персии одну из величайших ее династий, во время владычества которой расцвели в этой державе науки, искусства, земледелие и ратное дело. Имя Алп-Арслана доселе не забыто в этой части Азии.

Если в петербургских гостиных и говорильнях, пропитанных космополитизмом, существует тенденциозное требование не поднимать вопроса о чьем бы то ни было племенном происхождении, то на Кавказе, да и вообще во всех странах, где люди ближе к природе, принято обращать внимание на *кровь* - там знают, что человек — существо психофизическое, а не отвлеченная математическая выкладка; что духовный склад состоит в тесной связи с устройством головы и прочих частей тела, и что человеческими поступками руководит не только настоящее, но и прошлое; в них *говорит кровь предков*.

У азербайджанцев кровь, несомненно, благородная; они от природы добры, мужественны, великодушны, способны к умственному и нравственному развитию. Идея государственности, и притом сильной, внушающей уважение к власти, традициям и порядку, несомненно, им присуща, несмотря на их кажущуюся анархичность, объясняемую историей, географическим положением края и вытекшими отсюда бытовыми условиями. В основе азербайджанец является стихийным сторонником неограниченной власти, сильной и патриархально-справедливой. Это почти та же психическая расовая черта, которая есть и в русском народе, преданном Самодержавию не только умом и сердцем, но и, так сказать, нутром. Насколько армяне и евреи, в силу расового инстинкта, нутром враждебны всякой государственности и особенно идее неограниченной монархии, настолько азербайджанцы стихийно, органически ей сочувствуют, — даже мятежники, даже разбойники. Конечно, нет психического тождества с русскими в данном вопросе, так как русский народ воспринял более высокую византийскую религиозно-политическую культуру и в массе не подвергался таким анархическим воздействиям, какие отразились на характере азербайджанцев; но в основе есть несомненная *аналогия*.

Ислам, явившийся одним из культурных начал этого народа, мог, разумеется, лишь развить указанную черту и дать ей идейное обоснование: един Аллах, един пророк, единый представитель пророка, носитель светской власти. Во всем идея *единовластия*, идея настолько сильная, что переходит за рубеж вероисповедных различий, — и всякий государь, хотя бы и иноверный, является святыней как представитель неограниченного единовластия. Закавказские мусульмане неоднократно дрались против своих единоверцев - турков под знаменами Белого Царя, преклонившись перед величием просвещенного, *культурного* единовластия.

Народы Запада, в особенности наиболее энергичная часть германского племени — англосаксы — *органически* склонны к политике, со всеми ее мелочами, дрызгами и ежедневной сутолокой, отнимающей массу времени и усилий на борьбу за решающую роль в народоправстве. Народы Востока, и в частности азербайджанцы, предпочитают верить политику властному лицу, которому воздают почитание и благодарность за *отеческую* заботу о нуждах народных, за спокойствие, силу и славу, достигаемые под его знаменами. Это именно органическая разница в мирозерцаниях, чреватая политическими и бытовыми последствиями.

Вряд ли нужно доказывать, что народ с *восточным* воззрением на государство составляет ценный созидательный элемент для такой неограниченной монархии как Россия; он представляет собою строительный материал, которым государственная власть, обладающая достаточною чуткостью, может пользоваться для своего развития и для успешного выполнения своей исторической миссии.

С понятием ислама принято у нас связывать исключительно и огульно понятие фанатизма. Как только заговорят о мусульманах, так сейчас произносится слово «газават», т.е. священная война, страшат панисламизмом, турецкими зверствами и т.д., особенно теперь, под влиянием неизреченных страданий, которым подвергается несчастное население Македонии и Старой Сербии под гнетом озверелых балканских мусульман; при этом обыкновенно забывают о зверствах американцев над неграми и филиппинцами, немцев над китайцами, англичан над бурами, наемников банкиров - евреев — над конгрегациями. *Ислама у нас не знают*: из Корана знают только две-три воинственные суры, написанные на случай и принимающие временно-догматическое значение лишь в тех случаях, когда мусульманское население той или иной страны либо ожесточено ненормальными жизненными условиями, либо вдохновлено каким-нибудь энергичным вождем, рисуящим ему радужные перспективы.

К вопросу об исламе мы доселе относимся *некультурно*. Мусульмане в нашем государстве по численности занимают *первое место после русских*, а у нас даже не существует перевода книги «*Le Coran analysé*», являющейся настольной для всякого французского чиновника в северной Африке; о сколько-нибудь серьезных и беспристрастных самостоятельных исследованиях, которые бы помогли нашим служилым людям, имеющим дело с мусульманами, вникнуть в главный источник мирозерцания этих последних, у нас нет речи. Сказать по правде, покуда и не для кого писать такие книги, так как чиновники наших азиатских захолуствий поглощены другими интересами.

Преданность вере, которую человек считает правой, должна, разумеется, совпадать с отрицанием истинности других исповеданий в полном их объеме: как православный, я могу *только Православие* считать истинной верой, в ущерб остальным религиям. Тем не менее, было бы странно отрицать, что в этих последних содержатся части той вечной единой истины, которая *полностью* составляет содержание православия; еще страннее было бы отрицать не только благотворность воздействия тех или иных иноверных исповеданий на озаренные ими народы, но в отдельных случаях даже практически-субъективное преимущество таких исповеданий для человеческих рас, находящихся на соответственном духовном уровне, и обставленных специальными условиями. Таков, в частности, ислам. Не обладая, — с нашей, православной, точки зрения, — полнотою истины, он дает, однако, принявшим его народам элементы ее в кратких, удобопонятных формулах и усвояемых дозах. Выражаясь практически, можно сказать, что один и тот же человек, добросовестно восприняв веления ислама, заключающие в себе значительную дозу христианской морали, и ведущий вследствие этого патриархально-достойную жизнь, мог бы оказаться гораздо худшим, если бы ему были преподаны более высокие, но менее доступные его пониманию и менее отвечающие его психическому складу начала христианства; за непониманием последовало бы неприменение. Нравственное содержание испарилось бы, и остался бы мертвенный обряд, *иная форма того самого язычества, в*

борьбе с которым Мухаммед явился истинным просветителем, истинным делателем нравственного прогресса своих соплеменников.

Если вникнуть в догматику и историю Ислама, то нельзя не признать, что эта религия, проповедующая милосердие к ближним, заботу о немощных и скорбящих, озаряющая несколько раз в день (строго требуемые намазы) человека напоминанием о Едином Боге, является этическими сторонами своими, хотя и переплетенными с воинственной нетерпимостью и чувственным материализмом, — так сказать, *духовной ветвью христианства*, протоком, оторвавшимся от этой великой реки и неминуемо долженствующим вернуться к ней. Если взять на практике омусульманившегося грузина-аджарца и православного гурийца (по племенному происхождению почти родные братья), то придется отдать преимущество *первому*, потому что он честнее, великодушнее и вообще нравственно выше. Если взять мусульманина-азербайджанца, хотя бы из разбойников, но *верующего* мусульманина, и «всеми уважаемого», облащенного кавказскими властями «христианина»-армянина, с дипломом доктора философии в кармане и почетным званием на визитной карточке, то все нравственные преимущества окажутся на сторон первого; первый, хотя и грешник, но *искренно верит в Бога*, и по этому одному душа его в основе христианка, второй — просто одетое в английский сюртук хитрое животное, для которого христианство — мертвая и вдобавок искаженная буква.

Огромная культурная заслуга ислама перед народами, которым он пришелся по плечу, это — элементарность и ясность его предписаний и догматов. Это не исключает в нем наличности глубоких теософических начал, логическое развитие которых наглядно и непосредственно приближает ислам к христианству. Секты суфиев служат наглядным тому доказательством, а стихотворения Омара Хайяма, в которых описывается «животворящее дыхание Иисуса», являются художественным доказательством христианских настроений ислама. У сложной догматической работы этого последнего за время расцвета арабской цивилизации есть очень оригинальный плод, а именно *стремление примирить веру с разумом*. Несколько богословских школ безуспешно посвятили себя этому труду. Воззрение, что истинная мудрость совпадает с добродетелью и с Божьей правдой, можно нередко видеть у кавказских мусульман в весьма характерных проявлениях. Так, например, азербайджанец, осуждая какого-нибудь хитроумнейшего и дальновиднейшего негодяя, непременно скажет о нем, покачивая бритой головой: — «Ах, какой *нерассудительный человек!*»...

Конечно, между идеалами, высшими началами религии и теми формами, в которых она выражается на практике, есть весьма существенная разница. Говоря об исламе в Закавказье, надо иметь в виду и невежественное отношение темной массы к букве религии (напр., «шахсей-вахсей» у шиитов), и странствующих дервишей, будоражащих народ своими фантазиями, туманными проповедями и фокусами, и эмиссаров из соседних азиатских государств, — деятелей политических на религиозной почве. На практике ислам зачастую принимает грубые, дикие формы и суеверия, о которых писал еще князь Дмитрий Кантемир в своей замечательной «Книге Систиме», памфлете против «мухаммеданской религии», доселе не отошли и, пожалуй, не скоро отойдут в область преданий. Все это есть, со всем этим надо считаться, но нельзя игнорировать в исламе тех, хотя бы и не часто осуществляемых сторон, которые следует признать положительными с точки зрения общечеловеческой правды и наших государственных интересов.

Еще менее дозволительно игнорировать те природные черты населения, развитие которых может и должно привести к благоприятным с государственной точки зрения результатам. Культурное развитие азербайджанцев так или иначе может повести их к усвоению *исключительно русских, а не западно-европейских начал*; подобно татарам всего Поволжья, подобно населению среднеазиатских ханств, азербайджанцы, в культурном смысле *естественно*, тяготеют именно к русскому строю, являющемуся для них, так сказать, природной стадией развития. Русско-татарские школы прекрасно прививаются и

пользуются сочувствием всего населения, сверху донизу стремящегося изучать русский язык и сближаться с русскими. Такого явления, как наглая борьба армянского духовенства и плутократии с русскою властью за школы старого типа, в которых русский язык преподавался лишь фиктивно, — среди татар досель не замечалось. Ни в чем не видно и той *предвзятой* ненависти к русским, которую проявляет местами армянское население, подстрекаемое своими самозванными руководителями. Конечно, первым русским колонизаторам края, нашим сектантам, приходилось-таки первое время отведать татарского кинжала. Предки нынешних сентиментально—безумных духобор, доведенных до истерии графом Толстым, смотрели на этот вопрос весьма реально и татарским разбойникам давали кровавый отпор; дошло до того, что ни один вооруженный татарин не смел показываться на несколько ружейных выстрелов от сектантских селений, и духоборы достигли полной безопасности.

Татары понимают и ценят силу, руководимую умом. Благодаря энергии сектантов, русское имя было в татарском населении поставлено высоко, и теперешним русским поселенцам в Закавказье неизмеримо легче иметь дело с татарами, чем с какими бы то ни было другими соседями. Даже единоверные грузины оказываются зачастую менее удобными, чем мусульмане, именно потому, что последние от природы, да и в силу уроков истории, доброжелательны к русским.

У азербайджанцев хорошая историческая память и большое преемственное уважение к подвигам. Доселе сверкает лучами славы имя Котляревского, героя Ленкорани, с горстью богатырей державшего в священном страхе и подчинении все мусульманское Закавказье. Конечно, канцелярии с их волокитою и мертвенным отношением к жизни, плохая бюрократия и чуждые для местных понятий суды за последние 50 лет сильно повредили русскому престижу, так что теперешнее положение мусульман и их настроение отнюдь нельзя назвать нормальным. Некоторый порядок зиждется покуда на исторической памяти, да на глубокой вере в правдолюбие Белого Царя. Так или иначе, мы *проживаем* теперь в этом крае дорогое наследие наших умных предков, а послереформенные условия краевой жизни, как будто нарочно сложились так, чтобы поддержать обособление в инородческих элементах, искусственно оттолкнуть все верившее в нашу силу и правду и в итоге привести к кровавым осложнениям.

Азербайджанским татарам под нашим владычеством не везло. Даже князь Воронцов, наместник-созидатель, в силу своих личных взглядов, совершил ошибку, установив крепостное право там, где его не было, и попытавшись выдвинуть татарское родовое дворянство. Но и эта ошибка не была доведена до конца, и доселе мусульманское население Закавказья, в силу причин ничем не оправдываемых, обречено на хаос в области сословно-поземельной.

Многое делалось и доселе делается, как будто нарочно, чтобы затруднить этому населению спокойную жизнь и переход к более культурным ее формам. Просуществовавшая несколько десятилетий сословно-поземельная комиссия ничего не делала, была упразднена, и дела ее переданы в канцелярию главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе по военно-народному управлению. О том, чтобы эти дела двигались, пока не слышно. Между тем, путаница отношений царит невообразимая: крепостное право отменено, а обязательные отношения крестьян-мусульман к бекам остались, причем угоды не разверстаны; недоразумения происходят на каждом шагу, служа источником дохода для местных маленьких властей и вызывая справедливое неудовольствие во всех слоях населения.

Невыясненность сословных прав также влечет за собой тяжкие экономические и бытовые последствия. В силу целого ряда обстоятельств, вызванных упразднением крепостного права и постепенным вздорожанием жизни, переходящей от патриархального строя к растленно-буржуазному, — бекам и агаларам, т.е. местным землевладельцам, оказался необходимым кредит. Между тем, не будучи утверждены в правах дворянства, они в дворянском банке кредитом пользоваться не могут, а необходимый народной массе

крестьянский банк еще не учрежден. В результате все слои местного населения отданы непредусмотрительно русскою властью в цепкие руки ростовщиков-армян. Если сопоставить это с многолетним бездействием сословно-поземельной комиссии, то не трудно прийти к логическому и жизненно-правильному выводу, что именно *армянская плутократия, которой выгоден этот ненормальный порядок вещей, поддерживала его своим тлетворным влиянием на местные правительственные учреждения или единичных бессовестных деятелей.* Мусульманин-бек, предки которого занимали видные должности при грузинских царях, а затем были офицерами русской службы, не может поместить своего сына в кадетский корпус на казенный счет, за невыяснением своих сословных прав. Представители высшего сословия, беки и агалары, склонны к военной службе; но и в тех случаях, когда они несут ее беспорочно, с отличием, они не освобождаются от налога, взимаемого с мусульманского населения взамен воинской повинности.

За отсутствием в крае национальной финансовой политики, экономическое положение именно мусульман ухудшается с каждым годом. Армянская плутократия составляет сплоченную стачку, обесценивающую труд татар-земледельцев и скотоводов, завладевшую всеми рынками, кредитом и денежным обращением вообще. Весь край разделен на районы, разобранные более или менее крупными пауками-армянами, эксплуатирующими местное татарское население. В одном месте сидит, скупая за бесценок туту и виноград, какой-нибудь Хубларов, в другом, Согомонов, в третьем — еще кто-нибудь в таком же роде. А эти сельские продукты скоро портятся: если не продать вовремя, то пропадет немало труда и семья труженика лишится куска хлеба. Сунуться в город? Скупщики могут не допустить до рынка, и мелкая полиция будет на их стороне! Приходится действовать по малорусской пословице «скачи, враже, як пан каже»...

При современных ненормальных условиях кавказской жизни было бы странно даже думать о том, чтобы в районы ростовщической эксплуатации татарского населения прорвалась посторонняя экономическая сила, создала бы конкуренцию и повысила бы уровень народного заработка. Для борьбы с такими попытками пускаются в ход какие угодно средства, до тяжчайших преступлений включительно. На Кавказе много наделало шуму так называемое Хубларовское дело, или убийство в селении Шеллу, Елизаветпольской губернии. Русский промышленник вздумал открыть водочный завод в районе монополиста-армянина Хубларова. Его всячески отговаривали и предприятию старались помешать. Когда же он послал на место, т.е. в агдамский участок Шушинского уезда, нескольких служащих по делам проектированного завода, то эти последние были убиты, причем трупы их оставались несколько дней не погребенными, так как судебный следователь-армянин был отвлечен от служебных обязанностей какими-то семейными радостями. Хотя он и взялся за дело с таким усердием, с каким, по медвежьей мимике, «бабы на работу ходят», и хотя в дальнейшем он не пренебрегал добыванием доказательств обеляющих монополиста Хубларова, тем не менее, этого последнего, в силу весьма веских улик, пришлось подвергнуть предварительному заключению в тюрьме, к немалой ярости всей армянской денежной аристократии. Особенно веские улики были добыты не предварительным следствием, а полицейским дознанием. Тогда началось гонение против всех лиц, принявших к сердцу открытие виновников зверского преступления. Откопаны были делишки, компрометировавшие уездного начальника и участкового пристава, дела, задолго до того поднятые, затем положенные под спуд и в нужный момент *вынутые на свет Божий исключительно с целью подорвать доверие к показаниям этих служилых людей и изъять этих последних из официального обращения.* Одновременно была сочинена возмутительная сплетня про шушинского землевладельца, татарина Джафар бека Везирова, повинного в том, что он интересовался раскрытием преступления, так как один из родственников его был убит. Сочинили и дерзали, с целью приготовления общественного мнения к давно задуманному фокусу, публично в юридическом обществе прозрачными намеками говорить, что Джафар бек Везиров,

человек влиятельный в своем районе, приводит местное население в мечеть и заставляет его присягать себе (!) на верность. Одновременно с известием о том, что Хубларовское дело передается, по воле кавказского начальства, из гражданского суда в военный, и что полицейские чиновники, неприятные г. Хубларову, будут уволены от службы, в Тифлисе распространился слух, что дело защиты Хубларова организовано совсем особенным образом: взялся «проводить» его один местный проходимец из кавказских уроженцев, обладающей связями в разных тифлисских сферах и давно запятнавший русское имя циничным служением всевозможным армянским шашням. Он должен был «проводить» дело, оставаясь лично в тени; суммы, ассигнованные на эти безгрешные расходы, в устах рассказчиков колебались от 40 до 100 тысяч. Армянская печать дошла до крайнего лиризма в защиту Хубларова, а *против этого последнего, по местным цензурным условиям, было писать более чем затруднительно.*

В Шушу выехала сессия военно-окружного суда, под председательством военного судьи Иваненки. Как велось дело, т.е. новое предварительное и судебное следствие, — это мог бы выяснить беспристрастный ревизор, который, к сожалению, туда послан не был. Несомненны только три факта: что помощник прокурора, вместо обвинительной речи, сказал нечто вроде оправдательной, и она была в таком виде напечатана в армянствующей газете «Новое Обозрение»; что за два дня до произнесения приговора, который, казалось, не мог быть заранее никому известен, вся Шуша готовилась к лукулловскому азиатскому пиршеству и что состав выездной сессии, за исключением одного подполковника Эриванского полка, принял затем участие в хубларовских празднествах, после того, как г. Иваненко заключил оправдательный вердикт лирическим приветствием по адресу благополучного г. Хубларова²⁶. Джафар бек Везиров был неожиданно для всей губернии арестован и подвергнут предварительному заключению. Там его продержали довольно долго и затем отпустили неповинного больного старика, сказав ему: «pardon, monsieur!»

Затем... все обстоит благополучно. Никакой новый предприниматель не сунулся конкурировать с армянскими промышленными феодалами, которых «ничто не берет». Все порядочные люди на Кавказе, особенно представители нашей доблестной армии, были возмущены, пошумели, поговорили, а затем это грязное дело уступило очередь другим грязным делам, имя же им легион.

У означенного дела, как и у многих других судебных драм, разыгрывающихся в Закавказье, нелестными, но, к сожалению, характерными для татарского населения подробностями являются наличность наемных убийц и заметная склонность татар к лжесвидетельству. Причины обоих явлений сложны и во всяком случае не могут быть отнесены исключительно к вине самой азербайджанской расы. Вопрос о наемных убийцах удобно рассмотреть в связи с вопросом о разбоях, которого я коснусь ниже, и который составляет ахиллесову пяту для всех начальников края, наглядно нарушая гармонию отчетного благоденствия на Кавказе.

Лжесвидетельство — прискорбное, почти повальное явление, коренящееся, однако, не столько в характере мусульманского населения, сколько во внешних причинах. Азербайджанский татарин религиозен и в общежитии правдив; он в дружбе верен, слово держит, дорожит добрым именем. *А на суде он непременно солжет.* С одной стороны, ему непонятны принципы нашего суда, с другой — на его нервы пагубно действует наше судопроизводство. Он в душе страстно-спортивный человек; состязательный процесс является для него не средством для выяснения истины, а *борьбой*, в которой оказывается правым победитель. Вдобавок суд, не считающийся с местными обычаями и понятиями и нередко впадающий в ошибки против жизненной правды, не внушает мусульманину того доверия и почтения, при которых язык трудно поворачивается, чтобы солгать. Адвокатура, как подпольная, так и не без иронии именуемая «присяжною», берущаяся защищать кого и что угодно, сама толкает преступников и свидетелей на путь лжи, на путь издевательства над законом. А если добавить к этому тяжкие материальные и бытовые, понижающие нравственный уровень, условия, в которые на Кавказе поставлен

весь служилый класс, не исключая судебного ведомства, то немудрено понять и до известной степени оправдать отрицательное отношение мусульман-азербайджанцев, да и всего прочего кавказского населения к нашему суду.

Весьма вредит делу также незнание туземцами государственного языка, на котором совершается судопроизводство, незнание чинами судебного ведомства туземных языков и в итоге непомерно широкая и до известной степени решающая роль малонадежных переводчиков. Туземцы знают цену этим последним, и это дает им лишнее основание скептически относиться к русскому суду. Есть еще к тому причина, в психологии азербайджанских татар. Они в течение веков привыкли к тому, что суровые решения их агаларов и ханов немедленно приводились в исполнение, т.е. виновный подвергался повешению на ближайшем чинаре или немедленной конфискации имущества. Понятие уголовной неправды было не столь резко отграничено от неправды гражданской и, пожалуй, в некоторых случаях, толковалось жизненнее. Так, например, если хлеботорговец назначал слишком высокую цену на хлеб и тем вызывал ропот населения, то хан или кади прибивал его ухо гвоздем к двери и держал его в такой позе, пока тот не откажется от ростовщических цен на насущно-необходимый продукт. Это до сих пор практикуется в Персии. Для нервов современных законодателей это слишком жестоко, но с точки зрения местных нравов оно рациональнее, чем наше долгое письменное судопроизводство с его апелляциями, кассациями, взятием на поруки и ссылкой, из которой смелому джигиту не трудно бежать. В виду двух последних условий, *свидетели боятся показывать правду, прекрасно зная, что преступник непременно отомстит им поджогом или убийством.* Такой основательный страх немало затрудняет дело правосудия не только в Закавказье, но и в остальной России, так что относить его к некультурности одних мусульман было бы несправедливо.

Очевидно в итоге, что закавказские коренные жители и, в частности мусульмане, нуждаются в ином, глубоко продуманном судоустройстве и судопроизводстве, наряду с надлежащим регулированием прочных в крае государственных функций, с которыми тесно связана деятельность судебной власти. Между прочим, нужно, чтобы школа возможно шире и глубже воздействовала на массу населения. Мусульманские влиятельные классы не противятся введению русской школы, в противоположность армянским и отчасти грузинским патриотам, а кавказская власть в этом деле скупится, к немалой радости армянских политиканов, торгашей и захолустных чиновников, которым выгодно, чтобы мусульманское население, не знающее ни государственного языка, ни законов, возможно дольше было жертвою всяческой эксплуатации. Армянам выгодно также, чтобы о мусульманах слагалось в русском обществе недоброе мнение, как об элементе некультурном, диком и во всех отношениях ненадежном. Для армянствующей печати возможность сообщать о татарских разбоях, оттеняющих якобы мирное настроение «христиан», т.е. армян, и подрывающих доверие к силе русской власти в крае, представляет истинный праздник...

14. РАЗБОИ

Разбои являются крупной язвой местной жизни. Повинны в них преимущественно мусульмане в Восточном Закавказье и западно-картвельские племена в губерниях Кутаисской, Черноморской и новообразованной Батумской области. О разбоях и средствах борьбы с ними исписаны целые тома, а панацеи от этого бедствия доселе не найдено. Ясно, что это недуг не какой-либо части местного социального организма, а всего этого организма, в полном его объеме. Сложна и причина, его породившая.

С одной стороны, — многовековая привычка к партизанской войне и к отсутствию надлежащей государственности, обеспечивающей мир и порядок на обширных

пространствах, вспыльчивый нрав, спортивность, жажда подвигов, нервная неуравновешенность местного населения; с другой стороны — тяжкие социально-экономические условия, в которые оно поставлено: беспрепятственное господство армян-эксплуататоров, вошедшая в традицию продажность значительной части служилого класса, невыясненность сословно-поземельных отношений, кровавые родовые счеты; в итоге — целое море неправды, захлестывающее своими грязными волнами всю местную жизнь.

Нечего удивляться тому, что такие разбойники, как Арсен в Тифлисской губернии и, Хан-Баба в Бакинской, Кярам или Керим в Елизаветпольской, а в позднейшее время, Алай бек Мурсакулов в Тифлисской и смежных с нею губерниях, продержались долго, были неуловимы и стяжали себе в населении громкие, до известной степени уважаемые имена. Эти люди были не банальными разбойниками, а в некоторых случаях и восстановителями попорченной справедливости. Они грабили и убивали утеснителей народа, причем проявляли чудеса храбрости и ловкости, удовлетворяя тем и нравственным, и художественным запросам своих соплеменников.

Их проделки блистали порою то сказочною эффектностью, то рыцарским великодушием, то великолепным юмором. Алай бек Мурсакулов, например, с несколькими молодцами ограбил караван дилижансов, в которых сидело до 100 человек, в том числе немало вооруженных; своим подчиненным он строго запрещал обижать женщин и детей, а в нескольких случаях отдавал обратно женщинам их драгоценности, узнав, что они связаны с дорогими воспоминаниями. Кярам систематически раздавал бедным значительную часть награбленной добычи. Неуловим и дерзок бывал он до чрезвычайности. Так, например, когда один уездный начальник задался целью поймать во что бы то ни стало Кярама, этот последний в течение месяца скакал по уезду, в числе чапаров или стражников ретивого администратора, конечно, не без сообщничества нижних чинов земской полиции. Алай бек Мурсакулов, явившись с 4-мя разбойниками в одно из боржомских дачных мест, служащих излюбленной летней резиденцией армянской плутократии, заставил миллионершу-армянку лично поставить самовар и служить у стола. Этот эпизод произвел фурор в местном обществе, угнетаемом наглостью привилегированных армянских богачей и обрадовавшемся возможности получить некоторое нравственное удовлетворение, хотя бы при помощи юмориста-разбойника.

Алай бек Мурсакулов, подобно некоторым другим атаманам гачагов, был разбойником случайным и до некоторой степени невольным, а не профессиональным. Он происходил из хорошей, уважаемой в крае агаларской семьи, прошел несколько классов гимназии, отлично говорил по-русски и был вообще культурным человеком. Глупое судебное дело, окончившееся потерей родового имения, положило начало его бедствиям; родственник, оттягавший судебным порядком это родовое имение, похитил затем невесту Мурсакулова и был им убит. Убийца был сослан в Сибирь и, бежав оттуда, стал во главе шайки разбойников. Таков в общих чертах местный рассказ о прошлом Алай бека. Если бы его вовремя помиловали, приняв во внимание местные понятия, пылкий темперамент и иные смягчающие вину обстоятельства, или *взяли бы его в солдаты на китайскую границу*, — Алай бек, наверное, был бы верным слугою Царя и отечества, георгиевским кавалером и достойным человеком. Тупым формализмом испорчено все дело и создан разбойник, с которым кавказская власть так ничего и не смогла поделать в обыкновенном порядке. Алай бек Мурсакулов пал от руки *наемного убийцы*, своего бывшего сподвижника, и притом не в русских пределах, а в Турции, где считал себя в безопасности... Странно было бы, конечно, на основании единичных примеров, когда трагическое сцепление обстоятельств делает разбойника художественно-симпатичным, поддающимся опозитизированию, приходиться к обобщениям, рисуящим разбойников в благоприятном свете. В массе, в подавляющем большинстве разбойники — гнусные хищники, с которыми благоустроенное государство обязано вести упорную борьбу, впредь до их искоренения. Ни администратор, ни публицист не вправе заниматься «социальною

поэзией» за счет обывателя, которому надо гарантировать безопасность. Прочее — десерт для поэта или беллетриста...

Вопрос о разбоях теснейшим образом связан с вопросом об уровне администрации. Никогда не забуду одного характерного случая, происшедшего за обедом у покойного князя А.М. Дондукова-Корсакова в Тифлисе. Один из местных, типично-кавказских администраторов после обильных возлияний впал в откровенность и высказал начальнику края, что знает все разбойничьи притоны и лазейки своего района и мог бы за короткое время переловить и перевешать всех тамошних разбойников. На предложение приступить к этой операции возможно скорее он отвечал, что это было бы *невыгодно*, ибо тогда служба пошла бы однообразно, без административных подвигов и соответственных наград. Он заключил словами: «Мы разбойников нарочно для этого и держим». Правда, надо оговориться, что автор этого признания был кавказский уроженец и не русский по происхождению, и что такого рода «философия» за последнее время уступает место более благородным взглядам на дело. По крайней мере, главное кавказское начальство искренно стремится к устранению такого типа администраторов. Но характерные окраинные *типы* и создаются, и устраняются *не сразу*.

Может быть, упомянутый кавказский Фуше в данном случае и прихвастнул, но несомненно, что в его словах есть доля правды. При добросовестной, умело выбранной администрации, при отсутствии потворства со стороны низших ее чинов, разбой непременно должны бы были значительно сократиться. Нужна при этом еще и вдумчивая забота о народном благосостоянии, основанная на глубоком знании местных экономических условий и особенностей быта. Так, например, по весьма основательному мнению старого кавказского администратора и воина К.В. Комарова, во многих местах разбой является результатом *недостатка земли для скотоводства*. Это соображение необходимо иметь в виду при решении вопроса о заселении свободных мест Закавказья русскими людьми: надо чтобы такие меры были *действительно* свободными, т.е., чтобы их отчуждение не лишало туземцев последнего куса хлеба. Воинственного человека голод непременно приведет к разбою. Вообще значение экономических факторов в вопросе о разбоях громадно, и вопрос этот приблизится к разрешению лишь в том случае, если центральное правительство и кавказская власть признают необходимость вдумчивой национально-экономической политики. В самом деле, что делать пылкому и воинственному от природы татарину, материально пригнетенному пауком-армянином и видящему, что люди в русских мундирах разных ведомств часто действуют в пользу этого последнего? Министерство земледелия распространяет семена хлопка, старается улучшать скотоводство; управление водами понемножку восстанавливает правильное орошение поливных земель. Все эти блага простому татарину-земледельцу по усам текут, а в рот не попадают. Характерна скандальная история на Муганской степи, описанная своевременно и в ежедневной печати, и в «Русском Вестнике». Инженер-гидравлик незаконно отвел воду с участков русского поселка на бесплодные дотолы и взятые за бесценок в аренду земли татарских поселян, а интеллигентный армянин Киракозов на этих землях посадил семена хлопка, полученные им от чиновника министерства земледелия, обязанного распространять хлопководство среди сельского населения. *Объегорены на казенный счет местные пасынки, т.е, русские и татары*, а великие и богатые милости достались шайке дельцов, с армянином во главе. Разве мудрено, если при таких обстоятельствах татарин крепче сожмет в руке дуло своей винтовки или нервно погладит рукоять кинжала? Если хотите устранения разбоя кровавого, то устраните повальную безнаказанность и возмутительно наглый рост разбоя мирного, царящего в целой стране, которая могла бы ожидать иных порядков от просвещенной русской власти.

Иногда разбой, кровавый и бескровный, идут рука об руку и даже сливаются. Крупные промышленники из армян, под видом стражи или прислуги, держат наемных убийц и контрабандистов; нукеры (слуги) богатых помещиков тоже представляют собою вооруженные дружины. Люди, погибшие в темном Хубларовском деле, несомненно, пали

от руки наемных убийц, так же, как и присяжный поверенный Старосельский в Баку. Истинные виновники так и не найдены, потому что на Кавказе богатые люди оказываются обыкновенно... невинными.

Наемный убийца в этом крае является представителем почти официально практикуемого *ремесла*. В Елизаветполе произошел следующий характерный случай. Потребительное общество Закавказской железной дороги решило открыть в этом городе отделение своего магазина, к великому огорчению местного монополиста, крупного торговца бакалейными товарами. Торговец-армянин даже ездил в Тифлис лично предупреждать председателя правления общества, что ничего из этой затеи не выйдет, так как Елизаветполь — «вай, какой бэспакойный мэсто». Место оказалось действительно беспокойным: раза два подряд неизвестные люди стреляли ночью в окна магазина потребительного общества, сперва, очевидно, с намерением только пугнуть; обращение сидельца к полиции привело лишь к тому, что на следующий день стрельба была более серьезная: сиделец не был убит лишь потому, что случайно наклонился во время залпа. Председатель правления общества, видя, что со стороны местной власти защита плоха, обратился к одному знакомому беку за советом и помощью. Тот спокойно отвечал, что необходимо в подобных случаях платить взаимностью.

— То есть, как это?

— А вот увидите. Я вам это устрою.

На следующий день в магазин монополиста-армянина был произведен хорошенький залп картечью, разбивший несколько банок и бутылок с дорогим товаром и смертельно напугавший приказчиков. Виновные, разумеется, разысканы не были, но с этого времени потребительская лавочка могла существовать уже совершенно беспрепятственно. Гомеопатический принцип «*similia similibus*», в высшей степени целесообразный на Востоке, возымел свое действие и вместе обнаружил истинного хозяина наемных убийц.

Жизненность этого принципа подтверждается характерной пословицей: «*птица ловится птицей*». Эта пословица имеется на языках грузинском, азербайджанском и персидском. Один из персидских консулов в Тифлисе, как-то высказал мне полушутя: «Вот у вас на Кавказе разбой свирепствуют, а у нас в Персии — нет. У нас, выдвинется мало-мальски крупный разбойник, — мы сейчас же приглашаем на службу, даем ему выгодное место в войске или администрации, потому что даровитые люди нам нужны. У вас же неизвестного или ничтожного в деловом отношении человека делают администратором, и он оказывается потом либо сам разбойником, либо бессильным против талантливого разбойника»...

Другая местная пословица еще определеннее выражает персидское воззрение на вопрос; она гласит: «Если хочешь сберечь какую-либо вещь, то поручи ее вору». С таким взглядом русская власть, конечно, согласиться не может, хотя несомненно, что в деле борьбы с преступлениями никакая полиция не может обойтись без помощи бывших преступников, а в борьбе с характерными кавказскими разбоями нельзя обойтись без участия бывших разбойников, потому что птица, действительно, ловится птицей, а не рыбой.

Еще более нелепо было бы предполагать, что власть, борющаяся с разбоями, может вообще обойтись без помощи туземцев, хорошо знающих местные условия, и что достаточно пользоваться услугами надежных русских людей из внутренних губерний. Кроме надежности, нужна специальная уместность. Если не хотите ловить при помощи ненадежной местной «птицы», то заведите и акклиматизируйте, приспособьте к местным условиям собственную птицу: *поселите на толково избранных пунктах казачьи станицы*. А само собою, и на основании прямолинейных канцелярских планов ничто не делается. Повторяю: смогли же сектанты за несколько лет радикально оградить себя от разбоев, а затем стяжать и симпатию местного населения.

Предполагать, чтобы среди этого последнего не было надежных элементов, готовых придти на помощь правительству в деле упрочения мира и порядка, — нелепо и

недобросовестно. Вопрос, стало быть, сводится к *умению находить* таких людей и привлекать их сочувствие. Нужна, стало быть, тактичная и добросовестная местная власть, которая бы внушала населению доверие. Достаточного контингента подобных представителей власти в настоящее время там очень мало, а на сцене местной жизни зачастую чередуются честные, но неумелые с умелыми, но нечестными, либо нечестными и одновременно неумелыми. От этого разбои и не прекращаются, а усиливаются.

Разбойничество — настолько глубокая и сложная местная болезнь, что судить о ее ходе по степени резкости симптомов, безусловно, нельзя. Так, по временам, в некоторых уездах восточного Закавказья разбои затихали; но это не значило, что их там не было и что народ освободился от своих угнетателей: наоборот, тут правильнее усмотреть признак того, что полиция вступила в компромисс с вождями разбойников, которые обложили население *правильным налогом* и спокойно благоденствуют, получая свои доходы без всякого риска, — совершенно на таких же основаниях, на каких сахарозаводчики пользуются благодетельной нормировкой на счет обывателя, а нефтепромышленники покровительственными вывозными тарифами и иными поблажками со стороны заинтересованных ведомств. Нечего и говорить, что от такого рода спокойствия населению не легче и доверие его к русской власти не возрастает.

15. НЕНОРМАЛЬНОСТЬ БЫТОВЫХ УСЛОВИЙ

Доверие, к которому азербайджанские татары в основе склонны, подвергается нередко жестоким испытаниям, при мысли о которых становится больно и страшно. Администрация местностей, населенных азербайджанскими татарами, стоит вообще значительно ниже своего призвания. Места плохо оплачиваются, без соображения с постоянно растущими ценами на жизненные продукты, находящиеся в руках армянской стачки; назначения носят большею частью случайный характер, причем есть примеры назначения на довольно высокие места людей опороченных по прежней своей деятельности, например, исключенных из военной товарищеской среды, и т.п.

Теперешнее кавказское начальство, по направлению, несомненно, *русское*, а не космополитичное, безусловно стремится к повышению уровня служилого класса, но ему приходится считаться с наследием прошлого, с плодами многолетней *«жизненной школы»* Закавказья, с рядом тяжелых условий, устранение которых требует времени и дружных усилий целой плеяды деятелей. Но идейное сочувствие к основной лояльности теперешнего кавказского начальства, не устраняет необходимости указывать на изъязы местной административной работы.

Татарин-простолудин, не говорящий по-русски, не гарантирован ни от какой неправды, ни от какого насилия, ни от каких чудовищных ошибок. Он может смирно сидеть на холме, пасти свое стадо и жарить шашлычок, а в этот момент прискачут ревнители порядка, пристрелят его и как трофей повезут к приставу. Пристав знает его в лицо, так как раза два в год получает него «пешкеши», в виде баранов или иных земных благ; но пристав пошлет его труп к уездному начальнику, который, может быть, тоже знает убитого, ибо купил у него краденую лошадь для поднесения важному городскому чиновнику. Тем не менее, труп пастуха везут в губернский город, откуда по начальству посылается донесение, а в газеты телеграмма о том, что «во время перестрелки между всадниками новой земской стражи и разбойниками убит грозный гачаг Ибрагим оглы, наводивший панику на население значительного района».

Многие татары высказывали мне убеждение в полной возможности такого неприятного случая. Года два или три тому назад на столбцах «Нового Времени» был рассказан случай такой административной охоты на мирных пастухов; корреспондент, сообщивший это сведение, был неисповедимыми путями, изъят из кавказского

обращения, но самый факт, им сообщенный, доселе не может считаться достаточно опровергнутым. Самая возможность появления подобных рассказов, которым местное население безусловно верит, для русского имени нелестно и для русского дела не полезна. Можно изъять из обращения того или иного корреспондента, не прибегая к суду и не доказывая добросовестным исследованием ложности сообщенных им сведений; но правду совершенно и навсегда скрыть мудрено.

У кавказской власти не установилось определенного *культурного* взгляда на вопрос об азербайджанских татарах. *Огромное и благодарное поле для созидательной работы остается невспаханным.* Местные администраторы забывают, сколько монгольско-туранской крови течет в русских жилах: очевидно, прежняя внутренняя политика наша по отношению к этим инородцам была разумнее и практичнее. В частности, как выше сказано, на школьный вопрос не обращено должного внимания. Положим, школа у нас во всей России плоха сверху донизу, и воспитательное значение ее ничтожно. Но у нас есть зато другая, более совершенная и принципиально-цельная школа, а именно великолепная армия наша. Азербайджанские татары, пройдя через нее, развили бы свои природные достоинства, полезные для государства, и отрешились бы от многих теперешних недостатков. На первый взгляд, прямо непонятно, почему эта народность, способная к военной службе, доселе платит особый налог, взамен отбывания воинской повинности. При более близком знакомстве с вопросом, окажется, что эта аномалия: — результат местных кавказских влияний, враждебных русскому делу.

Надо, разумеется, не формировать туземные мусульманские дружины, а *призывать мусульман в обыкновенные полки, гарантируя им беспрепятственное соблюдение обрядов их религии.* Тогда они с радостью пойдут служить Царю и Отечеству. Надо полагать, что этот назревший вопрос получит разрешение в близком будущем.

Для мусульманской интеллигенции мало-помалу возникает другой вопрос, чисто бытовой. Получив образование в наших высших учебных заведениях и чувствуя себя, как дома, в русской интеллигентной среде, молодые образованные мусульмане бывают затруднены в выборе себе подходящих жен. Туземные женщины оказываются недостаточно развитыми и гаремный склад устарелым, а на русских девушках татарам жениться нельзя, в силу каких-то преград, которые во всех православных странах, кроме России, давно уже отвергнуты. В Константинополе мусульманин может жениться на православной, Тифлисе или Елизаветполе — нет. Образованные мусульмане чужды всякого фанатизма, охотно женились бы на православных и добросовестно воспитывали бы в православии детей от такого брака; только сами они не склонны изменять вере отцов, считая это унижением человеческого достоинства. Я знаю в Закавказье несколько примеров образцовой семейной жизни мусульман с христианками, к которым весьма доброжелательно относится вся иноверная родня. Это — браки, заключенные за пределами России и затем узаконенные в силу особой Высочайшей милости: отеческая дальновидность наших Самодержцев опередила в данном случае равнодушный закон.

Пора эти светлые исключения сделать правилом и, так сказать, приготовить кошицу для зреющих плодов. Не надо забывать, что, как выше сказано, разумно направленное культурное развитие мусульман неминуемо приведет их к теснейшему сближению с русскими, с которыми они состоят в кровном и в идейном родстве, как показывает вся наша история.

Для того чтобы это родство не свелось к нулю, необходимо справедливое и разумное отношение к делу. Между тем, и в печати (особенно армянствующей и еврействующей), и на практике у нас не особенно справедливое отношение к мусульманам: им слишком часто и без всякого основания дают понимать, что они пасынки. Во имя чего, например, у себя на родине они не уравниваются во всех правах с такими сомнительными и зачастую фиктивными пришлыми христианами, как армяне, неизмеримо менее благонадежные в политическом и общественном отношениях? Во имя чего в кавказской печати разрешается

цинично издеваться даже над священнейшими верованиями мусульман, а разоблачать армянские шашни крайне затруднительно?

Выше я указал на возмутительную выходку армянствующего публициста против памяти Мухаммеда, едва не вызвавшую резни. Мне вспоминается теперь не менее характерный случай. В том же «Тифлисском листе» была помещена статейка, приблизительно следующего содержания: «В такой то местности Елизаветпольской губернии имеются *свободные* земли для русской колонизации. Прежде на этих землях жили армяне, а *теперь проживают* вытеснившие их *мусульмане*. На этих землях можно бы поселить русских крестьян». Эта статья имела вид совершенной нелепости, так как нельзя же называть свободной землю, на которой уже живут мусульмане, русские подданные. Ясно, что она была написана с целью выставить дело русской колонизации, как вопиющую несправедливость, проявить рабскую ненависть к мусульманам и вместе с тем намекнуть этим последним, что с ними церемониться не будут, что у них отнимут землю, — и тем разжечь в мусульманской среде неудовольствие против русской власти. Я, конечно, счел долгом ответить в «Кавказе» на эту гнусность, что русская колонизация не посягнет на кровные туземные интересы, причем, зная местные цензурные нравы, употребил самые сдержанные выражения. Тем не менее, мой ответ был задержан цензурою на два дня и пропущен ею лишь после того, как редакция «Тифлисского листка» сама возразила на свою странную статью. Тогда я обратился уже с мотивированным заявлением в канцелярию главноначальствующего и не в пример прочим аналогичным случаям, армянствующий цензор был сменен, ибо чаша допущенных им гнусностей слишком наглядно переполнилась.

В мусульманских провинциях Закавказья то и дело поговаривают о выселении туземцев в Турцию и Персию, и частичное выселение происходит непрерывно. Вызывают его отчасти эмиссары из этих государств, сулящие мусульманам золотые горы, и несклонность воинственных азербайджанцев переходить к новым, менее кочевым и более мирным условиям жизни; но не менее виновата в этом и *армянская интрига*, систематически выталкивающая русскими служилыми руками мусульманское население с насиженных мест, чтобы заменить их пришлыми армянами; виновато, в итоге, и неудовлетворительное управление этими провинциями, недостаточно вдумчивое и добросовестное отношение к народу, который жаждет правды и был бы вернейшим слугою сильной, но справедливой власти.

Панисламизм может развиваться лишь на почве народного неблагополучия и неудовольствия. Его воздействие не дошло до таких размеров, какими стараются страшать кавказскую власть армянские интриганы и их прислужники, он, несомненно, бродит в мусульманских районах Закавказья, где за последнее время замечается весьма характерное сближение между суннитами и шиитами. Такие сближения происходят лишь под влиянием *общих неблагоприятных условий жизни*, когда страдающие элементы ищут единения, забывая прежние разногласия и раздоры. Но нельзя отрицать, что панисламизм есть, тем не менее, *химера*, ибо расовые различия сильнее, чем единоверие. История Востока служит в том порукой.

Конечно, и химера может создать неприятные осложнения, вроде андижанской вспышки. Но лучшим средством каких бы то ни было осложнений и политических заболеваний всегда была и будет действенная, а не формальная только забота об истинном благе населения, во всеоружии полного знакомства с его бытом и мирозерцанием. Об этом прежде всего и необходимо позаботиться.

16. ГОРЦЫ ДАГЕСТАНА

Вопрос о Дагестане значительно сложнее. Он настолько сложен, что подробно говорить о нем следует лишь глубоко осведомленным специалистам. Разнообразие наречий, обособленность отдельных племенных общин, глубокие мистические тайники мюридизма, многовековое прошлое горских патриархальных республик, лишенных даже такой элементарной государственности, какая была в ханствах Закавказья, — все это начала, порождающие немало затруднений для русской власти в прошлом и грозящая таковыми в будущем.

Сравнительно недавняя долгая и по временам небезуспешная борьба с Россией дагестанским населением не забыта. Оно требует уважения к себе, потому что сознает свою силу, боевую и культурную. Лезгинские племена, населяющие Дагестан, обладают серьезными способностями и к сельскому хозяйству, и к торговле (особенно казикамухцы), и к прикладным искусствам; их кустарные изделия издревле славятся во всей Передней Азии. К земле они прилагают столько вдумчивого труда, сколько русскому крестьянину и не снилось; они, например, прилепляют к голым скалам искусственные каменные площадки, наносят туда землю и разводят там огороды или мотыгой возделывают пашни.

К ратному делу они приспособились исторически, частью в силу природной склонности, частью под влиянием условий местности. Дагестан был недосыгаемым орлиным гнездом, откуда удобно было совершать безнаказанные набеги. Отсутствие устойчивого порядка в соседних «государствах» открывало этим набегам обширное поле деятельности, а развитию мирных торгово-промышленных сношений, конечно, мало способствовало, и многие дарования дагестанских племен оставались без применения. Они мало применяются и теперь, за недостатком должной заботы об их культурном развитии.

Если человеку с сердцем симпатичны мусульмане-азербайджанцы, то жители Дагестана еще более вызывают сочувствие. В них много истинного благородства: мужество, верность слову, редкая прямота. Многие племена, например, считают убийство из засады позорным, и у них есть пословица, гласящая, что «врагу надо смотреть в глаза». Самый поверхностный взгляд на дагестанцев убеждает в том, что они — люди с достоинством. Разумеется, не все таковы: есть «воровские ущелья», т.е. племена, пользующиеся плохой репутацией в самом Дагестане. У покойного князя Н.З. Чавчавадзе, бывшего дагестанского военного губернатора, гостил однажды приятель с петербургскими взглядами на жизнь; к князю пришли в ту пору по разным делам представители нескольких «ущелий», или родовых союзов; одному из них, скромному оборванцу, князь подал руку, невзирая на огромную разницу положений, а другому, заносчивому джигиту в щегольской черкеске дал увесистую оплеуху; оба приема, к удивлению петербуржца, возымели благотворное действие, потому что *были применены с тонким знанием местных людей и отношений...*

В словах, отмеченных курсивом, заключается весь секрет разумного управления Дагестаном. На Кавказе вообще, а в Дагестане в особенности, администратор должен быть не идеологом уравнилельных теорий об отвлеченном человеке, а *натуралистом* в широком смысле этого слова, знатоком явлений местной жизни, реально на них смотрящим. И мерка морали должна быть приведена в соответствие с ними. Так, например, убийство по адату, по обычаю кровной мести, должно быть понимаемо и карается иначе, чем простое преступление. Воззрения народа меняются медленно, и желательные изменения по силам лишь такому правителю, который стяжал достаточный авторитет в глазах туземцев и приспосабливается к их взглядам.

Все это, казалось бы, элементарно, само собою разумеется: а между тем, приходится это повторять, потому что наша бюрократия, особенно окраинная, страдает недостатком вдумчивой приспособляемости, недостатком традиций и на исторический опыт не обращает должного внимания. История говорит, например, что дагестанцы искони презирали армян и даже грузин, бывших во времена грузинского царства данниками и

объектом набегов лезгин. Исторические счеты долго помнятся кавказскими и вообще горскими народами. Ясно, что предоставление армянам и грузинам служебных должностей в Дагестане явилось *обидой* для населения, не говоря уже о том, что во всяком крае русское государственное дело должно проводиться русскими людьми, при помощи коренных, местных, в тесном смысле слова, лучших туземных сил: грузин в Грузии, азербайджанцев в Карабахе и самих дагестанцев в Дагестане.

Такой исключительно умный и талантливый человек, как князь Н.З. Чавчавадзе, был, положим, там на месте и сумел привлечь к себе симпатии многих дагестанцев; но того же нельзя сказать о большинстве его подчиненных, которые своим обращением с народом затормозили сближение его с русскими государственными началами. В противоположность этому необходимо указать на благотворные результаты умелой административной работы К.В. Комарова, наглядно сказавшиеся во время последней дагестанской вспышки в конце семидесятых годов; тут было все: и беспристрастная осведомленность, и высокий уровень русского престижа в местностях, управлявшихся русским человеком, и скорое подавление беспорядков умелою рукою, при помощи ничтожных средств.

Надо знать *расовую психологию*. На Востоке вообще покорны только силе, но есть оттенки, игнорирование которых приводит к ошибкам, невыгодным для государства и несправедливо тяжким для населения. Ясно, например, что армянин, предки которого в течение веков были низкопоклонными рабами иноверных деспотов, требует строгой, суровой дисциплины, *без поблажек и компромиссов*; как только допускаются эти последние, — армянин *властвует и заносится*, как раб, обманувший или одолевший своего господина: *элементы свободного человека в нем еще исторически не выросли*, его психофизический организм еще не готов для восприятия высших начал нравственного общежития. Его надо воспитать *честною строгостью*, непременно строгостью, потому что она ему понятнее. Иное дело дагестанец. Ему, конечно, не мешает чувствовать наличность русской грозной силы, которая вырвала из рук его оружие и сломила его дикую свободу. Но этою свободою была возвращена сильная и по-своему нравственная личность, которая вправе требовать признания своих достоинств и предпочтения мирных воздействий перед ненужными во многих случаях суровыми мерами.

Забота о просвещении, о развитии и художественном подъеме кустарных промыслов, — все это понятно дагестанцу и было бы им оценено достоинству: в противоположность некоторым другим горцам, он не *только хищная птица*, какую рисуют его поверхностные наблюдатели, но и *человек, чрезвычайно способный в культуре*. Надо принять во внимание и экономические условия. Население растет, а хлеба и в прежнее время Дагестану не хватало, чтобы народ обладал достаточною покупательною способностью, надо поддержать скотоводство, т.е., на практике обеспечить ему зимние пастбища в степях Закавказья. Голод, когда принимает острые формы, никого добру не научит: мирный обыватель, без клюва и когтей, станет нищим или воришкой, а воинственный горец разбойником или бунтарем. «Голодный бунт» может стать почвой для болезненного развития мюридизма и иных форм воинствующего обособления, религиозного или племенного.

Дагестан, особенно при условии недостаточно вдумчивого и добросовестного управления им, надолго еще будет одним из опасных в политическом отношении мест нашей южной окраины; с другой стороны, за отсутствием собственной житницы, он всегда будет экономически, а стало быть, и политически, в руках русской власти; его всегда можно будет *взять голодом*, так как путей для подвоза хлеба очень мало, всего два-три. Но это... крайности, до которых лучше не доходить. У дагестанцев много данных для нормального приобщения к русскому делу, а русская история богата свидетельствами о том, что нашим огромным территориальным ростом мы обязаны не одной силе русского меча, но и могуществу дальновидной любви.

Разница между дагестанскими и прочими горцами-мусульманами заключается в том, что последние в большинстве культурно ниже и более разнообразны по племенному происхождению, обычаям, духовному и социальному складу. Наши казаки, да и сами кавказцы, связывают с этими племенами различные понятия и клички, выработанные практикой: кабардинец — рыцарь, ингуш — вор, чеченец — неустойчив политически и нравственно, как и осетин. Размеры настоящей книги не позволяют подробно всматриваться в отдельные части этого горского калейдоскопа, не имеющего крупного политического значения с точки зрения русского дела: это труд для художника или ученого этнографа. Достаточно ограничиться несколькими обобщениями.

Во-первых, все эти горцы (а также и горцы-христиане, — сванеты, пшавы, тушины, хевсуры) *покорены природой*, находятся в тесной от нее зависимости. Они в основе язычники, какого бы исповедания формально ни придерживались. Родовое начало и обычаи — нормы их жизни. С нашей так называемой цивилизацией у них ничего общего нет, и, пожалуй, быть не может, так как она по своим основным началам противоречит их природе, внутренней и внешней. От столкновения с чуждой им культурой они или съезжаются (уберутся подальше в горные дебри), или совершенно обезличатся, или, что вернее, погибнут. Нельзя не заметить, что горец, побывавший в городах, хлебнувший растленной «цивилизации» и научившийся по-русски, — обыкновенно ненадежный, дрянной человек, если *совершенно* не обрусел, как многие осетины; высокие же духовные черты своеобразной психологии легче всего встретить в горце, нетронутом цивилизацией: он надежнее и нравственнее.

Время, и только время, может спокойно решить вопрос об этих племенах, которым дай Бог подольше беспрепятственно повиноваться природе в своих орлиных гнездах и наслаждаться по-своему ее дарами, под великодушным кровом русского Царя...

17. РУССКИЕ ЛЮДИ НА КАВКАЗЕ

С русской, народно-государственной точки зрения особо важен вопрос о том, как живет на рассматриваемой окраине *русским людям* и как выполняется ими *русское дело*. На основании помещенных выше глав настоящего очерка приходится, в итоге, дать нерадостный ответ на этот вопрос.

Но можно ли сравнительно плохую работу русских людей на кавказской окраине всецело поставить в вину только этим людям? Ни в каком случае. Для правильного суждения о данном вопросе необходимо иметь в виду условия местной природы, и черты коренного кавказского населения, в 50 раз более многочисленного, чем русское, и исторические условия, включая сюда нашу политику по отношению к Кавказу.

Все эти условия, в итоге, неблагоприятны: они таковы, что необходимы героизм отдельных лиц или большое совершенство русских национальных учреждений, чтобы работа шла удовлетворительно. Героизму можно радоваться, следует им гордиться, но требовать его от многих было бы странно. Учреждения же необходимо создавать такие, которые соответствовали бы местным своеобразным условиям жизни — и, если это не удастся, то по возможности не надо стеснять народного творчества в этой области. Наконец, необходимо, чтобы установился определенный взгляд на задачи русского дела в крае, *ибо нет ничего вреднее бессистемных полумер*.

Правительственный взгляд подсказывается историей и самим существом нашего государства. У других европейских держав и, в частности, у Англии есть в Азии колонии, отрезанные от метрополии морями и чужими землями. Пионерами в таких местностях явились сперва миссионеры, торговцы, торговые компании с их кондотьерами и, наконец, правительственные чиновники с отрядами регулярных войск. Преобладающей чертой колониальной политики является стремление извлечь побольше дохода, а потому местные

особенности не подвергаются резкому изменению, и даже некоторые туземные властители оставляются на местах, под условием покорности завоевателям.

У нас не то. Наши завоевания являются скорее расширением естественных границ империи, вследствие чего культурное сближение присоединяемых областей с руководящим центром, безусловно, необходимо: местные организации подлежат значительно большему растворению, центральное правительство должно быть единственным источником, власти, и вассальные отношения к ней со стороны каких-либо туземных вождей терпимы лишь временно, как пережиток отходящего прошлого.

Ясно, что русская задача значительно сложнее и что для ее выполнения нужна работа не только правительственная, т.е. войска и канцелярия, но и народная, т.е. образованное общество, торговцы и крестьяне - переселенцы. Ясно, стало быть, как многое зависит от своевременной выработки дальновидней программы, устанавливающей незыблемую точку зрения на данный вопрос.

Необходимо отметить, что наша народная масса в течение целого столетия относилась к нему, по чутью, более правильно, нежели общество, правящие сферы и печать: среди так называемых интеллигентных русских людей доселе преобладает то английский, то, еще менее применимый, австрийский взгляд на наши имперские окраины, излишняя самобытность которых отстаивается то во имя конституционно-правовых мечтаний, то с притворною приверженностью к Самодержавно, *природе которого противоречит органическое обособление окраин или отдельных областей*. Такие стремления большою частью внушаются самими инородцами, конечная цель которых состоит в отложении от России. Русский по духу человек желать этого не может, особенно, когда речь идет о земельном достоянии, купленном кровью многих поколений доблестных предков.

Если пересадить дерево в чуждую ему дотоле почву, поставить его в незнакомые естественные условия, то оно либо погибнет, либо, если приспособится к новой обстановке, то постепенно переродится, значительно изменится в отношении внешности и плодов. Не подлежит ни малейшему сомнению, что соответственной перемене подвержен и человек, как существо психофизическое. Это тем более неизбежно, когда ему при новых естественных условиях, приходится вступать в тесное соприкосновение и даже родниться с людьми совершенно иного духовного и телесного склада. Путешественники, знакомые с Индостаном и присматривавшиеся там к жизни англичан, говорят в один голос, что даже представители железной англо-саксонской расы, невзирая на горделивое отношение к туземцам и сравнительное от них отчуждение, за несколько лет весьма резко меняются под влиянием пищи, климата, малярии и т.д. Происходит *перемена к худшему*, так как положительные черты племенного характера частью вырождаются и уродуются, частью вытесняются чисто местными чертами туземного пошиба. Не надо забывать при этом, что англичане в Индостане, — торговцы и должностные лица, — обставлены там буквально блестяще, по сравнению с русскими людьми на Кавказе. И тем не менее, они меняются к худшему, вследствие чего английское правительство не дает своим служилым людям слишком заживаться в этой азиатской колонии, и даже самые умные, самые полезные деятели, обыкновенно по прошествии пяти или семи лет возвращаются на родину.

Мы, с одной стороны, далеки от такого культурно-государственного взгляда, с другой же — вынуждены действовать иначе, ибо Кавказ — не колония, а лишь окраина государства: чтобы связь не порывалась, там необходима *прочная русская оседлость*, — и лишь служилый класс полезно от времени до времени „освежать“.

18. КАЗАЧЕСТВО

Передовой русской волной на Кавказ было казачество, сперва терцы, позднее кубанцы. Оно поставило железную преграду нападениям горцев на тогдашнюю южную окраину

России, но в значительной степени переняло и внешность, и черты духовного склада своих противников, с которыми, вдобавок, и породнилось. Последнее обстоятельство, особенно ввиду совершившегося в истекшем столетии резкого перехода к новым условиям и формам жизни, неблагоприятно отразилось на казачестве.

Оно, несомненно, представляет собою замечательное воинство, — и недаром конвой Государя Императора состоит из казаков. Но в области культурно-экономической кавказские казаки, несомненно, отстали. Сельское хозяйство у них, с серьезно-агрономической точки зрения, заслуживает названия хищнического. Положим, степь еще велика, и чернозем не истощен; но разве не было бы правильнее все-таки думать о будущем? Сотни тысяч выходцев из внутренней России, так называемых «иногородних», наводняют собою области терскую и кубанскую, выступая в качестве арендаторов, торговцев и, в огромном большинстве, — сельских рабочих; отношения между казаками и иногородними не очень хороши: по крайней мере, обе стороны постоянно недовольны.

Ясно, что казачеству недостает правильного самоопределения в области социально-экономической и что, с другой стороны, оно инстинктивно пугается постоянного прилива русских народных волн, изменяющих характер жизни.

Одолевает казаков и постоянно растущая официальная переписка, как в собственно войсковых, так и в иных учреждениях, значительно усложняющих жизнь. В огромном большинстве казаки, даже образованные, не склонны к этому занятию, а потому даже в разных войсковых учреждениях забирают ненормально большую силу «письменные» казаки, представляют собою особый тип черкесочной бюрократии, в итоге не очень симпатичной. Когда какое-либо дело знакомо лишь весьма ограниченному числу людей и потому малодоступно общественной критике, то в нем развивается особого рода «жречество», со всеми его отрицательными сторонами, в ущерб справедливости и интересам населения. Такие черты замечаются в работе некоторых местных административных инстанций.

Казачество Северного Кавказа очутилось вообще в условиях, не отвечающих его первоначальному назначению, и к ним не приспособилось. С одной стороны, русская граница шагнула далеко вперед от бывших некогда порубежными казачьих станиц; зарубежного неприятеля, к которому можно было бы являться по собственному почину за добычею и славой, теперь под рукой нет. С другой стороны, однако, местная боевая задача казачества не может считаться отжившей, и вопрос о ней не исчерпан, так как горское население замирено лишь до известной степени и сравнительное спокойствие поддерживается лишь присутствием военной силы; одною из наиболее применимых к местным условиям частей ее является казачество, хорошо освоившееся с туземными обычаями и формами борьбы. Вдобавок, нельзя не видеть, что под влиянием зловредной «получивилизации» туземное население Северного Кавказа (да и всего края) утрачивает многие высокие коренные черты свои, как например, высокую честность в куначеских отношениях, новых добродетелей не приобретает и, попросту говоря, нравственно *разлагается*. То, что прежде являлось борьбой за дикую свободу, теперь проступает в виде разрозненных, *но все более учащающихся преступлений, как плод разнуздания дурных инстинктов*.

Усугубляется это ухудшением экономических условий, — и можно сказать, что нарастает для спокойствия края не меньшая опасность, чем та, которая некогда была «на линии». Дело осложняется еще тем, что босяческому разложению подвергается и русская народная масса и что, с другой стороны, казачество, опутанное сетью циркуляров и сложных законов, затруднено в выполнении своей национальной задачи. В частности, судебно-правовой формализм, с его объективно-гуманной точкой зрения, стесняет вооруженные действия казаков в так называемое мирное время.

Ведь если, например, отряд станичников прибегнет к испытанному некогда способу восстановления мира и порядка, т.е. пойдет набегом на ингушское или чеченское воровское гнездо, — то из этого выйдет большое уголовное дело, а местная армяно-

еврейско-нигилистическая печать, вроде «Северного Кавказа», «Казбека» и т.п., поднимет целую историю. Ингуши и чеченцы еще не вышли из того периода, когда, если не отжившие свое время казацкие набеги, то быстрые и крутые административные меры, отвечающие их понятиям о реальном возмездии, были бы им полезны; а вместо этого в крае введены учреждения, уместные в Англии или Франции. Совершится убийство, ряд убийств, грабежей, угона скота и т.п., — а вы извольте обращаться в суд, иметь дело со лжесвидетелями, обеляющими виновных, и, в итоге, зачастую не достичь ничего; кроме новых неприятностей.

Вольный русский орел, отстаивавший некогда наши пределы от вражьего натиска, теперь дома и в соседских передрягах лишен крыльев и связан. Таково, конечно, требование времени, но вряд ли можно сомневаться в том, что оно противоречит природе казачества.

Ближе к своей задаче стоят казаки, несущие службу государеву на турецкой и персидской границах; они стоят на таких местах, куда, так сказать, ворон костей не заносил, в камышах Аракса, в горных дебрях Артвина, — и всюду представляют собою грозную русскую силу. Если бы вдоль границы, где возможно, оказалось побольше казачьих станиц, а не временных постов, то картина Закавказья была бы теперь совсем иной; в частности, десятки тысяч турецких армян, составляющих истинное несчастье края в настоящую минуту, не перебрались бы столь беспрепятственно в наши пределы.

Так или иначе, каковы бы ни были отрицательные стороны казачества и его теперешнего быта, оно представляет положительную русскую силу в крае и песня его далеко не спета, в виду возможных еще в близком будущем осложнений.

19. СЛАВНАЯ КАВКАЗСКАЯ АРМИЯ

Тебе, семья богатырей,
Хвалу шлет ныне вся Россия²⁷.
И степь, и горы снеговые
И ширь мятежная морей!

* *
*

Тебе, за подвиг величавый
Не ждавшей суетных наград,
Земных не ведая преград
И правду чтя превыше славы!

* *
*

Тебе, что в пламени, в крови,
В томленьи мук неизъяснимых
Святыню доблестей родимых
Блюла во гневе и любви!..

* *
*

Ты просвещения денницу

Вела за бурей лютых сеч!
Все дальше гнал твой грозный меч
Нашествий дикую границу!

* *
*

И чтит земля твои труды —
И, кубок мира поднимая,
Тебе, от края и до края,
Все говорит: «Аллаверды!»

Если казачество выполняло в течение веков и доселе, при неблагоприятных обстоятельствах, выполняет народно-боевую задачу России, то великолепная кавказская армия служит русскому делу со славой и честью в области *военно-культурной*. Ее значение огромно и в мирное время, так как, с одной стороны, слава ее подвигов и страх перед ее силою необычайно живы в крае, а с другой — наши кавказские воины являются, безусловно, надежнейшими, духовно-высокими и во всех отношениях лучшими истинно-русскими, людьми. В целом ряде прославленных полков за долгое боевое время сложились такие крепкие традиции, которых не в силах подорвать ни случайные военачальники, попадающие туда иногда по протекции, ни единичные люди, безразлично относящиеся к русскому делу, ни противорусский скверный склад местной жизни.

Кавказская армия была всегда, осталась ныне и, надо надеяться, останется навсегда *несравненной школой долга и чести*. Достаточно взглянуть на любой из этих полков, хотя бы в момент полкового праздника; когда выносят перед фронт старое, простреленное и почерневшее полковое знамя, каким священным огнем горят глаза молодых солдат, недавно пришедших из внутренней России, но уже всей душою подчинившихся полковой традиции.

Она глубочайше влияет и на духовную личность офицеров, и на весь склад их жизни. Нечего и говорить о замечательном полковом товариществе: проявления его так и брызжут на каждом шагу; но сверх того, у этих полковых семей есть крепко держащиеся благородные взгляды на жизнь, выработанные ими самостоятельно. Так, например, в Тенгинском полку весьма крепко традиционное уважение к женщине, и офицер, который бы позволил себе без определенных честных намерений ухаживать за девушкой или разрушать чужую семью, был бы с презрением удален из товарищеского круга.

К русскому народному делу, широко и возвышенно понятому, воинская среда относится *вполне сознательно*. Так, например, когда в принципе был благоприятно решен вопрос о заселении русскими крестьянами свободных земель Закавказья, а на деле оказалась в крае полная неподготовленность к этой мере, и многие сотни русских простолюдинов в тщетных поисках земли впали в нищету и буквально голодали, то наши полки (Тенгинский, Эриванский, Грузинский и др.) братски делились с ними и скудными деньжонками, и куском хлеба.

Наши воины являются также и активнейшими ревнителями православия; например, вопрос о православной церкви в Ахалцыхе, где, на отведенном правительством месте, армянские политиканы-думцы нагло возвели вместо церкви ротонду и кабак, был горячо и энергично поддержан доблестными тенгинцами²⁸.

В кавказской армии все, до последнего солдата, сознательно относится к выполнению не только специально-военной, но и *культурной* задачи своей, в широком смысле этого слова. Так, например, политиканствующие армяне и армянская идея ненавистны на Кавказе всем порядочным людям, особенно же нашим воинам, но, тем не менее, во время землетрясения в Ахалкалаках, русские солдаты работали с самоотверженным воодушевлением над откапыванием и спасением армян, жертв этого стихийного бедствия.

Когда явно вредные русскому делу шайки армянского сброда переходят из Турции в Закавказье и встречные войска не пропускают их, грозя начать стрельбу, то армяне выдвигают вперед женщин и детей, зная, что в таком случае русский христоролюбивый воин курка не спустит.

Местная жизнь, особенно в больших городах, весьма не благоприятствует поддержанию дисциплины и доброй нравственности в войсках. Восток, тронутый полудцивилизацией и воспринявший ее дурные стороны, быстро разлагается и является *очагом социальной заразы*. Кавказский солдат, когда он не во фронте, проявляет иногда некоторые внешние признаки распущенности. Но стоит только, чтобы ему что-нибудь напомнило о высоком воинском долге, — и он сразу становится героем и патриотом.

Несколько лет тому назад произошел такой случай: русский офицер попытался защитить на улице незнакомую девушку от приставших к ней среди бела дня негодяев из мнимо-интеллигентных армян. Через секунду он был окружен огромной толпой, которая готовилась сбросить его с Воронцовского моста в Куру, — как вдруг на помощь офицеру ринулся проходивший мимо солдат, который и спас его, грозя штыком озверелой армянской шайке. Во время одной из недавних вспышек рабочих беспорядков на тифлисском базаре, первыми восстановителями порядка явились там отнюдь не полицейские (полиция там стоит ниже всякой критики), а случайно оказавшиеся там безоружные запасные и иные нижние чины. Ясно, что они богаты как бы органическим патриотизмом, который проявляется и в сознательнейших формах. Так, например, солдатик всегда заступится за преследуемую русскую женщину и за какое бы то ни было дитя, попавшее в беду.

Однажды мне пришлось быть свидетелем такой сцены: нахальный армянин в утрированно-модном костюме пристал, по местному обычаю, на людном месте к русской даме, которая страшно растерялась и готова была расплакаться, как вдруг на помощь ей неожиданно явился простолюдин, оказавшийся, судя по выправке, отставным солдатом. Он сбросил армянина с тротуара и закричал на него:

— Ах ты, армяшка эдакий! Чего госпожу беспокоишь?!

Мгновенно, точно из-под земли, выросло несколько рассвирепевших армянских патриотов, которые обступили солдата с угрозами и закричали в один голос:

— Как ты смеешь оскорблять целую нацию!

Солдатик презрительно усмехнулся:

— Нация!? А где твой флаг?

Этот простолюдин, прошедший воинскую школу чести и здравых понятий, проявил неизмеримо большее понимание дела, чем даже многие журналисты и бюрократы, путающиеся в терминологии и *смешивающие понятия племени и нации*. В Российской империи племен много, *а нация может быть только одна, потому что она обуславливается именно флагом, т.е. символом государственности*. Так основательно учит новейшая государственная наука — и незнакомый с нею по книгам русский солдат в верном сердце своем нашел вывод, до которого доселе не могут додуматься многие мнимо интеллигентные люди.

До какого духовного величия доходит кавказское воинство в строю, — об этом вряд ли нужно распространяться. Достаточно вспомнить первые времена покорения Кавказа, когда горсть наших гренадер творила буквально чудеса и держала в страхе миллионное разноплеменное население края. На каждом шагу можно проверить живучесть этой традиции и вместе удивительную силу дисциплины. Достаточно указать, например, часового во время взрыва в одном из батумских фортов: ожидая почти верной смерти, этот достойный воин не сошел со своего поста, потому что лица, могшие его сменить, погибли во время катастрофы; он дождался, согласно уставу, Монаршей телеграммы.

Поразительную картину представляли русские солдаты также в 1895 году в Кутаиси, во время еврейского погрома. Они стояли шеренгами, с заряженными ружьями в руках; из многотысячной толпы в них летел град камней; то один, то другой солдатик, раненый

камнем в голову, падает, ряды смыкаются, раненого уносят, а солдаты стоят, как изваяния, бледные, недвижные, со строгими лицами; руки нервно вздрагивают, но нет приказа стрелять, — и войско выдерживает характер; только благодаря этой выдержке порядок был восстановлен без серьезного кровопролития.

Конечно, нравственный уровень кавказских полков, всегда высокий, испытывает некоторые колебания в зависимости от местности, где они стоят; такие развращенные города, как Тифлис и Баку, влияют неблагоприятно, но это влияние не идет далее оттенков и вглубь не проникает. В офицерском быту встречаются единичные случаи шумного бражничества, неумеренной игры или неуместной вспыльчивости, жизни выше средств, податливости на приглашения в дома разжиревших мошенников; но все это, несомненно, исключения, и притом более редкие, чем в любой чужеземной армии и даже чем в других частях нашего войска. И в быту, т.е. в образе жизни, и в характере нашего кавказского воина есть нечто *монашеское*: много мелкого, будничного, ничем не вознаграждаемого, но тем более трудного *самоотречения*, постоянная *победа над прихотями*, жаждой удовольствий и молодым тщеславием, во имя более высоких начал. Жалованье ничтожное, а жизнь непомерно дорога и с каждым днем искусственно дорожает, не только в Тифлисе, но и в медвежьих углах Закавказья, опутанного всеильною армянской стачкой. Денщики нянчат офицерских детей и гладят юбки офицерских жен, товарищи выручают друг друга, и в полковых семьях живет небогато, но не грустно и даже не скучно.

Высоким духом, проникающим эту благородную среду, отличаются, конечно, наиболее именно строевые офицеры, истинно типичные представители кавказской армии. Люди с «учеными воротниками» и значками, занимающие должности административные или вообще чиновничьи, в особенности же сопряженные с вопросами о торгах, подрядах и т.п., стоят, как и везде, иногда несколько ниже. Закваска кавказской армии в таких отдельных людях заметно слабеет; наряду с этим соблазны, направленные против них, принимают форму систематической осады, — и натиск их бывает так силен, что кое-кому не удастся устоять. В Тифлисе можно порой встретить и человека с пером, и юриста, и техника-строителя, которых офицерские погоны не удержат от грехов перед службой государевой и личным достоинством русского человека. Конечно, такие единичные примеры не могут набросить тени на кавказскую армию, так как «в семье не без урода», да и люди указанного типа не принадлежат по существу к этой благородной семье.

Необходимо, однако, заметить, что кавказская армия столь высока, не только в силу своей закваски и благородных традиций, но отчасти и потому, что она подвергается меньшим систематизированным соблазнам, чем прочие русские учреждения края. Обыкновенного строевого офицера никакой армянский туз не станет особенно закармливать и совращать; офицер, ставший приставом, штабным адъютантом, или чиновником канцелярии, или делопроизводителем какого-нибудь специального управления с большими денежными оборотами, — это дело другое: такого политиканы стремятся непременно опутать. Самая же армия, пользующаяся всеобщим уважением в народе, составляет *предмет худо скрываемой ненависти армянских и армянствующих политиканов*.

Как сказано в одной из предыдущих глав, почти вся без исключения местная печать во время процесса Дрейфуса демонстративно принимала сторону изменника-еврея, сочувствием к которому было проникнуто все армянство, начиная с докторов философии и банковских воров, и кончая последним оборванцем-мушой. Дрейфус тут был, конечно, не при чем: он являлся лишь предлогом к дозволенному, «цензурному» выражению ненависти к армии сильной, дисциплинированной и достойной. Это был совершенно еврейский по психологии антимилитаризм.

За самое последнее время среди кавказского воинства замечаются явления не особенно серьезные, но принципиально нежелательные. В беседах с кавказскими офицерами приходится слышать такие выражения, как «туземная партия полка». Оказывается, что

когда в полку наберется значительное число офицеров не русского происхождения, то они иногда проявляют склонность составлять отдельный кружок, с обособленными товарищескими интересами. В этом, конечно, ничего противозаконного и объективно-дурного нет, но это нежелательно и как некоторый подрыв старым традициям кавказских войск, да и с широко воспитательной точки зрения. Ведь нужно же, чтобы представители кавказских народностей возможно теснее сближались духовно с русскими, а это достижимее всего, если они в окрашивающей русской среде явятся меньшинством, а не значительными группами, с которыми теперь иногда приходится считаться и прочим товарищам, а в исключительных случаях, и командиру полка.

Бесспорно, однако, что в течение целого столетия в рядах славных кавказских дружин служило с честью немало местных уроженцев; но, с одной стороны, тогда было *громкое боевое время*, и престиж русского имени в крае поэтому был гораздо ярче, чем теперь, а с другой стороны, — во всех слоях общества политиканства было гораздо меньше.

Русская культурная задача нашей армии на Кавказе в мирное время чрезвычайно велика и ответственна, и с каждым днем становится труднее, а потому все патриотически настроенные люди должны окружать армию любовью и почетом, облегчая ей выполнение долга в области гражданских отношений. Светила человечества служат делу всеобщего мира. Но у мирного времени есть свои *острые стороны* и специальные особенности, подавшие повод графу Соллогубу сказать, еще в 60-х годах, дорого обошедшейся ему экспромт:

Боюсь я промолвить вслух, —
Но мир войны не заменяет...

20. СЕКТАНТЫ И РУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Страна, присоединенная к какому-либо государству, если в ней нет представителей *главной народной среды* этого государства, — в лучшем случае, т.е. когда она приносит доход, заслуживает названия колонии, а в худшем — такое присоединение может быть названо оккупацией. Так как у нас колоний нет, а есть окраины, то понятие оккупации на какой-либо из таких окраин свидетельствует о долгом отсутствии ясного патриотического взгляда на данный вопрос или об иных препятствиях к правильной государственной работе в крае и, во всяком случае, о том, что дело обстоит неблагоприятно.

К сожалению, приходится признать, что в Закавказье, где русские составляют несколько больше 2% населения, есть много признаков именно оккупации, — и это после 100-летнего владычества в крае. На первый взгляд, это как будто нелепо для российской нации, но если присмотреться поближе, то окажется, что это факт довольно естественный, объясняемый не одними печальными причинами. Во-первых, во внутренней России нет особенной тесноты, сколько ни кричат о малоземелье, а есть главным образом плохое отношение людей к земле, делающее ее малопродуктивной; а с 60-х и особенно 90-х годов к этому присоединилась плохая, непатриотичная финансовая политика, усугубившая данное зло.

В первой половине прошлого столетия почти все русское простонародье состояло в крепостной зависимости, — и помещикам, которые сами жили привольно, а крестьян держали большею частью в сытости, не охота была покидать насиженные места или высылать в далекое Закавказье крестьян, которые были нужны дома. Вот почему первыми русскими простолюдными, осевшими в Закавказье, явились, с одной стороны, *сектанты*, которых удаляли туда из внутренней России как элемент вредный, и женатые солдаты, на которых великий Ермолов, — дальновидный русский патриот, — смотрел, как на зерно будущей необходимой, с государственной точки зрения, русской колонизации края.

Места в Закавказье много, особенно если принять во внимание необычайное плодородие долин и степей, желтый лес которых пригоден для высоких земледельческих культур, а также обилие на горных склонах почв (напр., мергеля), обеспечивающих богатое виноградарство. С упрочением мира и естественным, постепенным развитием оседлого быта в ущерб кочевому, был замечен избыток земли, но русская народная стихия была еще далеко, а каждая война с Турцией или Персией дарила нам десятки тысяч армян. Русские правители по отношению к ним и к задачам государственного дела в крае были недалёковидны и знания местной истории не проявили, а о положении дел на ближайшем Востоке имели смутное понятие.

В конце 50-х годов фельдмаршал князь Барятинский имел наивность говорить, что «армяне вообще нам преданы и чужды всякого вмешательства в дела политические», — хотя в ту пору, после крымской войны, армяне уже сильно зашевелились. С отвлеченной, *не государственной*, а естественно-исторической точки зрения, пожалуй, и было правильно заселять бездоходные по своей пустынности места людьми, приспособленными самой природой к местным климатическим и хозяйственным условиям.

Во второй половине прошлого века уже трудно было сказать, где кончается недалёковидность и где начинается более чем равнодушное отношение к русским государственным интересам. Со стороны единичных личностей оно, несомненно, доходило до гнусной измены русскому делу.

По мере подъема спроса на землю и ценности ее, а также усиления разных туземных противорусских движений возник, развился и возымел большое влияние *взгляд, будто бы Кавказ, в силу своих климатических и почвенных условий, совершенно не годится русским людям*. За последнее время, когда «опасность» наплыва русских наглядно усилилась, — инородцы и их русские прислужники стали подкреплять указанный взгляд бесчеловечными экспериментами над русскими пришельцами. Но об этом ниже.

Наперекор басне о невозможности русским людям селиться за Кавказом и солдатские поселки, и сектантские деревни процветали. Богатство духоборческих и молоканских селений вошло в пословицу, да и большинство так называемых штаб-квартир не может пожаловаться ни на бедность, ни на упадок здоровья жителей.

Правда, местности Закавказья, годные для земледелия, далеко не одинаковы в гигиеническом отношении. Их можно разделить на 3 категории. Одни из них не только следует признать здоровыми, но необходимо отметить, что русская порода, под влиянием тамошних условий, даже подверглась изменению к лучшему. Как совершенно верно указал кавказский антрополог и внимательный наблюдатель местной жизни, доктор И.И. Пантюхов, поколения русских людей, родившиеся в благоприятных местностях Закавказья, отличаются большим ростом и мускульной силой, большею яркостью глаз, живостью и т.д. Новейшие переселенцы, приходящее из внутренней России, — совершенные заморыши по сравнению с гомборцами, белоклочинцами, жителями Манглиса и сектантских деревень. Причиной тому является мягкий, умеренный климат, разнообразие растительной и обилие мясной пищи: население питается ежедневно так, как жители внутренних губерний питаются только по большим праздникам. Внешность русских уроженцев благоприятных местностей Закавказья (нагорий средней высоты) принимает отчасти туземный характер, и даже в речи слышатся порою гортанные нотки, как результат не только сношений или скрещивания с туземцами, но и непосредственного влияния природных условий. К числу местностей, особенно благоприятных для русской колонизации, относится огромная Карсская область, которую, *во времена влияния графа Лорис-Меликова и его присных на кавказские дела*, заселили, однако, в значительной части турецкими армянами, греками и всяким сбродом, оставив только оскребки русским людям, тогда уже начинавшим искать земли в Закавказье.

Местности второй категории не представляют серьезных препятствий для русской колонизации, но менее благоприятно влияют на русскую породу, особенно в отношении

нервной системы и духовного развития. Русскому человеку там нельзя жить как попало, в разрозненности, без организации, без физических и духовных мер предосторожности.

К таким местностям относятся, например, Тифлис и ближайшие его окрестности, уезды горийский, душетский, отчасти ахалцыхский, части Кутаисской и Бакинской губерний, на такой высоте над уровнем моря, где малярия, является если не грозным тигром, то уже довольно злою кошкой крупного размера, и где избыток вина ведет к излишнему ежедневному его потреблению.

Отрицательные результаты местных условий *более проявляются там на психической, нежели на физической личности людей* не местной породы. Волевые центры слабеют, проявляется какая-то особенная нервность, доходящая порою до изрядного умственного расстройства; *понижается способность и охота к труду, особенно умственному*, колеблются нравственные устои; все то, что требует системы, выдержки, постоянства, выполняется слабо; понижается, под влиянием этих чисто физических условий, культурный уровень всех слоев населения сверху донизу.

На русских людях это проявляется весьма наглядно; для внимательного же наблюдателя ясно, что и местное коренное население носит на себе отпечаток этих неблагоприятных условий, плохо влияющих на его психофизическую жизнь. Например, нервность грузин и быстрые переходы от сильного возбуждения к прострации бросаются в глаза. Эти черты, несомненно, вредят благородному народу в его культурно-экономической борьбе за достойное существование.

Лучше всего выносят неблагоприятные климатические условия наши сектанты и армяне, — и именно оттого, что у первых есть крепкая религиозная община, а у вторых нечто вроде кагального устройства.

Русские сектанты показали, воочию, особенно в таких местностях, как важна религиозно-бытовая организация. Армяне показали, в свою очередь, силу организации паразитической. Нужно заметить, однако, что и те, и другие постепенно слабеют в указанных местностях и, под влиянием частью климатических, частью общественных условий, молодые поколения во всех отношениях менее состоятельны, чем прежние.

Местности третьей категории прямо опасны. На некоторых из них, как, например, на Алазанской долине, а также близ ахмазов (болотистых разливов) Куры и в наиболее малярийных местах Муганской степи, строго говоря, не может быть речи о постоянном жительстве, особенно русским людям, организм которых девствен по отношению к микробу злокачественной лихорадки. Туда небезопасно показываться даже осенью и зимой. Селиться в местностях, хотя и менее скверных, но сколько-нибудь подходящих к этому типу, возможно *лишь при соблюдении целой системы предохранительных мер*, в число которых входит устройство гигиеничных жилищ, колодцев, разведение противомаларийных растений (эвкалиптовых рощ), упразднение рисовых плантаций, постоянный врачебный надзор при обилии медикаментов и т.д.

К сожалению, не только всего этого почти нет в крае, особенно для русских переселенцев, но даже кавказское медицинское общество в Тифлисе за последние годы не проявило особой склонности поработать в области борьбы с малярией. Засевшие там армяне и поляки, как будто нарочно, оставляют без разработки этот главный из кавказских медицинских вопросов, быть может, именно в виду его острого и порой рокового значения для русских. Последний кавказский микробиологический труд в этой области написан, если не ошибаюсь, лет 20 тому назад покойным доктором Тороповым, а чрезвычайно полезная, преимущественно компилятивная работа «Влияние малярии на колонизацию Кавказа», печатавшаяся под моей редакцией в газете «Кавказ» и вышедшая затем отдельным изданием, принадлежит перу врача-антрополога и ревнителя русского переселенческого дела, доктора И.И. Пантюхова. Она имеет главным образом большое *прикладное значение*, давая в малом объеме множество ценных бытовых указаний, статистических сведений и выводов.

Степень развития малярии зависит от ряда условий. По мнению доктора Н.И. Торопова, чем ниже местность, чем она закрытее, сырее, чем больше в ней тепла, воды и зелени, — тем она малярийнее. Не говоря уже о тропических странах, даже в Закавказье есть местности, где малярия убивает человека в несколько часов. Большей частью же она вступает в союз с другими болезнями и на ее почве дают поразительную смертность дизентерия, катары, тиф, цынга, воспаление легких, кишок, печени и мозга. Туземцы сильно от нее страдают; в губерниях Елизаветпольской, Бакинской и на черноморском побережье можно встретить немало детей, уже родившихся с микробом малярии или болезней, с нею связанных. Особенно же тяжело приходится нашим переселенцам, окруженным во всех отношениях скверными условиями, не только климатическими, но и бытовыми; неумение бороться с природой и упрочивать свое благосостояние, вражда соседей-туземцев и бесчеловечное равнодушие мелких властей, недостаток медицинской помощи, тоска по родине и гнетущее чувство обездоленности, подрывающее всякую энергию; наконец, неприспособленность русской породы к условиям азиатских малярийных местностей, — все это удесятеряет силу малярии и число ее жертв.

Тем не менее, утверждение, будто бы местности указанной категории совершенно недоступны для русской колонизации, представляет собой натяжку, и притом тенденциозную, внушенную стремлением не подпустить русских людей к кавказским землям.

Нагляднее всего доказали всю силу русской приспособляемости к каким угодно условиям наши *сектанты*, представляющие во многих отношениях *цвет русского элемента в крае*.

Когда их туда ссылали, то предполагалось, что они погибнут. Одних посадили на каменистых нагорьях, где хлеб плохо родится; других в малярийные местности. Кругом дичь, глушь, Азия, враждебные туземцы, легко смотрящие на человеческую жизнь. Начальство смотрело на сектантов, как на полулегальных людей, существование которых не поощряется, а лишь допускается, и то с неприятными оговорками, представляющими источник дохода для мелких чиновников, в большинстве туземцев.

Как известно, сектанты-мистики, воображающие себя «истинными христианами», склонны представителей власти считать прислужниками Ирода или языческого Рима; к сожалению, условия кавказской жизни могли только подкрепить подобный взгляд, в основе нелепый, и оправдать его целым рядом вопиющих фактов. В течение нескольких десятилетий мелкие власти притесняли сектантов возмутительнейшими придирами и поборами; во всем Закавказье можно найти большие дома и поместья — плоды неправого стяжания уездных начальников, приставов и т.п.

Сектанты все это снесли, все претерпели и даже достигли цветущего состояния, исключительно благодаря своей общинно-религиозной организации. Как было сказано в одной из предыдущих глав, предки нынешних духобор были весьма далеки от того непротивления злу, которым их сбил с толку граф Толстой, при посредстве своих фанатичных учеников. Прежние духоборы очень хорошо владели оружием, истребили вокруг себя зверье и жестоким самосудом внушили уважение татарам, а затем снискали их искреннюю приязнь добрыми соседскими отношениями. К русскому государственному и народному делу они относились, в итоге, доброжелательно, многие охотно служили в войсках, а во время войны 1877-78 гг. сектантские селения оказали нашему войску неисчислимые услуги своими перевозочными средствами. Это было по достоинству оценено августейшим наместником кавказским и преемником его, князем А.М. Дондуковым-Корсаковым.

Можно было предполагать, что положение наших сектантов улучшится, и административные притеснения прекратятся. Так думали и кавказские жители, и порубежные соседи. Один образованный персианин, изумляясь чрезвычайной способности русских сектантов осваиваться с местностью и климатом и пленяясь их религиозной терпимостью, способствующей дружескому сближению между русскими и

мусульманами, высказывал доктору Пантюхову предположение, что расселение сектантов по персидской границе было актом высшей, мудрой правительственной политики. В последнем он жестоко ошибался, как показали дальнейшие события.

В 90-х годах разыгралась печальная духоборческая эпопея, полная картин мистической истерии со стороны сектантов, а со стороны их гонителей — недомыслия и сатанинской жестокости. Коснусь этих событий только вскользь, обратив внимание на стороны, мало еще выясненные печатью.

В корне духоборческой эпопеи лежит тупой формализм, вступивший, быть может, в союз с лукавыми противорусскими стремлениями. У духобор была замечательная женщина, Лукерья Калмыкова, которой они вверили руководство общественными делами, причем блестяще обставили ее материально: дали ей прекрасный дом, землю, много всякой движимости и денег; она ездила в карете, ладила с властями, вела свое дело с большим тактом. Сам начальник края обращался с нею, как с почтенною светской дамой.

По понятиям духобор, ее имущество было *общественным* и, когда она умерла, должно было поступить в распоряжение духоборческой общины. Между тем, после ее смерти на имущество предъявили права ее родные, — и все судебные инстанции, на основании общих гражданских законов, признали это домогательство правильным. Начались в духоборческой среде раздоры, приведшие к печальной развязке.

Малый ребенок, — и тот поймет, что указанное судебное решение не соответствовало жизненной правде и лишний раз показывало, что однообразие правовых норм в обширном и пестроплеменном государстве есть преступление против человеческого духа и ведет не к сплочению разнородных элементов нации, а, наоборот — к розни, вызванной несправедливостью. Если суд, связанный нормирующими его законами, не мог в данном случае ничего сделать, то главное кавказское начальство должно было всячески содействовать благоприятному решению этого вопроса в путях Монаршего милосердия, а затем ходатайствовать о восполнении пробела в самом законе.

Ничего в этом направлении сделано не было, ни сразу, ни впоследствии; руководители армянской интриги уже впустили тут свой яд, найдя поддержку, как всегда, в некоторых кавказских властных людях. С одной стороны, армянам было желательно испортить в глазах правительства репутацию сектантов, как *самого крепкого русского элемента* в крае, с другой же — *воспользоваться их землями для беглецов из Турции*, где, при усиленной помощи русско-подданных армян, с духовенством во главе, *искусственно стало разжигаться восстание, вызвавшее затем резню*.

Сатанинский план удался: с одной стороны подоспели мнимые христиане, ученики графа Толстого, разожгли раздор в духоборческой среде и довели ее до истерии; одновременно ревнители православия усилили свою проповедь, в неудачный момент, когда она только ожесточила упорствующих; некоторые кавказские власти проявили башибузукскую жестокость к ошалевшим, сбитым с толку духоборам, причем особенно отличились *служилые туземцы*, якобы ревнующие о порядке, а на деле *жаждавшие русской крови, русских страданий*. Трагедия завершилась выселением нескольких тысяч духобор в Канаду, где они окончательно обезумели и теперь погибают.

Мне довелось несколько дней подряд видаться и подробно разговаривать в Тифлисе с двумя партиями духобор; одна состояла из женщин и детей, которых правительство отправляло, в сопровождении полицейского чиновника, в Якутскую область, куда сосланы были главы этих семейств; вторая партия — несколько мужчин, отправлявшихся в Батум для приготовления отъезда жителей деревни Терпение в Канаду. Женщины, с которыми пришлось беседовать, поразили меня *тайной душевной приверженностью к православию*; некоторые из них плакали, глядя на изображение распятого Спасителя, и признавались, что несколько лет тому назад, когда вся эта гнусная история еще не начиналась, они, тайком от мужей и старейшин общины, хаживали в православную церковь, когда бывали в городах по делам или состояли в услужении у православных. Духоборы-мужчины такого рода чувств не проявляли, но зато признавались, что охотно

бы остались в России, так как получили от своих единоверцев, ранее уехавших в Америку, весьма неблагоприятные сведения. Оказывалось, например, что за проезд пришлось заплатить втридорога, а помещение было не лучше, чем на прежних невольничьих кораблях. Вдобавок, лица, явившиеся подстрекателями к выселению и распорядителями в этом печальном деле, устроили очень хитро: *распределяя эмигрантов по различным партиям, разлучали детей с родителями, мужа с женою, брата с сестрою* и т.д. Стоило уехать одной партией, чтобы другая, *даже при заметном нежелании покидать Россию*, пустилась в путь, под давлением семейных обстоятельств.

Отъезд был сопряжен с беспощаднейшим разорением, а в некоторых селениях — прямо с издевательствами над русскими людьми. Например, в селение Терпение должна была прийти на смену духоборам партия так называемых «иногородних» с Северного Кавказа. Эти русские люди могли бы купить у выселявшихся духоборов по дешевой цене много хозяйственной движимости. Кроме того, на месте уже ожидали некоторые русские люди, пришедшие искать свободной земли и видевшие, что она, так сказать, через миг станет свободной. Между тем, партия иногородних была задержана на несколько дней, прочих переселенцев ни к чему не допустили, а *ликвидацию духоборческого имущества произвели неизбежные армяне*, покупавшие целые скирды хлеба за рубль, коровку за 2—3 рубля и прочее по соответствующему тарифу. Окна и двери срывались с петель, домашняя утварь прямо уносилась. Плачущие духоборы говорили плачущим православным:

— Хоть бы вам все это досталось! Все же вы наша кровь! Да только видать, что нашей крови здесь не житье...

Выселение было, конечно, актом отчаяния; но кто видел хоть десятую долю тех ужасов, которыми оно было вызвано, тот сам, быть может, почувствовал бы потребность... уехать куда-нибудь. Нельзя не проникнуться и чувством озлобления против яснополянского барствующего мыслителя, являющегося одним из нравственных виновников этого тяжкого народного бедствия.

Поразительно, между прочим, что многие духоборы, действительно пострадавшие во время перипетий этой драмы, вместе с тем заразились любовью толстовцев к рекламе и не без тщеславия говорили, что о них, мол, много в газетах пишут, особенно за границей. Христианское смирение и реклама, казалось бы, не особенно совместимы.

Что будет далее с теми духоборами, которые подчинились требованиям правительства и остались на Кавказе, — предсказать трудно. Во всяком случае, вопрос о возвращении их в лоно православия значительно отодвинут описанной драмой. К тому же, их верования очень уж далеки от наших, смутны, проникнуты мистицизмом и потому... крепки, как все нелепое...

Неизмеримо ближе к нам стоят молокане: их священной книгой является наше синодальное издание Библии. Воинскую повинность они несут охотно, властям послушны, гордятся своей преданностью Царю и считают себя русскими. К православным они относятся в высшей степени дружелюбно. Руководят ими начетчики, или, точнее, просто наиболее развитые люди, которые на «вечерах любви» толкуют Евангелие, зачастую с большим *нравственным* пониманием текстов. Они ведут преимущественно трезвую жизнь, семья у них крепка; большинство — люди оборотливые, толковые и зажиточные. В Тифлисе они, после военного сословия, безусловно, *надежнейшие русские люди* и сознают себя таковыми.

Религиозное обособление их поддерживается тремя факторами. Во-первых, *заезжие немцы* - проповедники весьма усердно стараются внушать им ненависть к православию и даже переводить их в баптизм; мне самому приходилось бывать на «вечерах любви» и видеть таких агентов пангерманизма на религиозной почве. Во-вторых, молоканское обособление поддерживается *тщеславием вожаков*, которым приятно руководить духовной и отчасти материальной жизнью своих единоверцев. В-третьих, — и это самое существенное, — *молокане дорожат своим общинным строем, составляющим их духовную и материальную силу*.

В откровенной беседе, некоторые вожаки тифлисской общины спросили моего мнения о том, что они называют своим «богослужением». Я им отвечал, конечно, что оно недостойно быть даже сравниваемым с нашей литургией, которую установили боговдохновенные, духовно-гениальные люди, и которая остается величественной и священной, даже когда служит плохой священник; молоканские же толкования текстов священного Писания в прямой зависимости от ума и чуткости толкователей, которые легко могут зарапортоваться; вдобавок, превращение молитвы в какое-то состязание между представителями блуждающей религиозной мудрости нарушает; величие общения с Богом и создает вместо него почву для всевозможных плевел тщеславия, зависти и т.д.

Мои собеседники слегка смутились, но один из них, весьма замечательный деятель молоканской общины и достойный человек, отвечал мне так:

— Мы понимаем, что вы хотите сказать, и *во многом с вами согласны*. Но есть вопрос, над которым современная православная Церковь мало работает, — это *вопрос о церковной общине или приходе*. У вас, — пока человек во храме, — он христианин и окружен христианами; а выйдет оттуда — и он *одинок*, особенно в городах. Никто ему не поможет, никто за поведением его не последит, кроме отдельных лиц; никто пьянства ему не воспретит; а помрет он под забором, ежели бобыль, — и любящая рука глаз не закроет! А в нашей молоканской общине есть и богатые, и бедные, мы друг другу обязаны помогать во всех случаях жизни, живем, как в добром семействе. На иных похоронах бедного человека народу столько, что впору мертвому генералу или другому важному лицу. Посмотрите на православных простолюдинов, которые по Тифлису ходят: пропойцы, голь, рвань, смотреть противно. А наши, слава Богу, пока держатся.

Я ему возразил, что по городским босякам, которых в Тифлисе действительно много, нельзя судить о православных простолюдинах вообще; далее, что практические выгоды не должны бы иметь столь решающего значения в вопросе о вечной Истине, и что молокане, стало быть, скорее хозяйственная, нежели религиозная община. В одном только мне пришлось согласиться, а, именно в том, что у нас недостаточно развита приходская жизнь, но скорее по вине не Церкви, а светских властей и общественной некультурности.

Так или иначе, не подлежит сомнению, что *только с возрождением приходской жизни и с нравственным подъемом нашего общества в духе православия, можно рассчитывать на искреннее массовое воссоединение молокан и других сектантов*.

Говоря по совести, они на Кавказе, со своей точки зрения, правы: без сектантского упорства, творчества в области духовной и общинного строя, они не вынесли бы тех ужасающих испытаний, которым подвергает их туземная интрига и послушные ей или просто неумелые служилые люди.

В Тифлисе, например, положение молокан прямо трагическое. Их дома сосредоточиваются там на отлогом левом берегу Куры, в местности, именуемой «Песками». Река в этом месте узка и извилиста, а скалистый правый берег высок. При мало-мальски значительном повышении уровня воды, молоканская часть города затопляется. Особенно жестокие наводнения происходили в 1895 и 96-м годах. Дома отсыревают, утварь портится, на улицах царит зловоние. Население страдает от эпидемий, особенно дети, гибнущие в значительном числе. *Ни администрация, ни город ничего не делают для прекращения этого ужаса*. Переписка между губернской властью и городской управой сильно напоминает отношения гоголевского Кошкарева с «подведомственными ему учреждениями». После указанных грандиозных наводнений выезжали на место какие-то комиссии, вели технические разговоры, собирались что-то делать, — а только «воз и ныне там». Городские заправилы-армяне *преднамеренно* тормозят всякие начинания в этом деле, — и в Тифлисе всем хорошо известно, что *они хотят выжить молокан* с насиженного места и отвести его частью под новый городской базар, частью под поселение армян, бежавших из Турции и слоняющихся теперь бандами по городу. С правого берега постепенно насыпается мусор, образующей отмель, вроде брэкватера, и постоянная опасность наводнения только растет. Часть молокан уже

выселилась на военно-грузинскую дорогу, остальные же упорно надеются, что в представителях местной власти проснется когда-нибудь чувство долга, и что лучшая часть тифлисского населения не будет брошена на произвол судьбы. Стыд за русское имя должен бы ускорить исполнение этой надежды обездоленных людей.

Не менее тяжело и стыдно становится при мысли о том, что испытали и доселе испытывают в крае *русские простолюдины, пришедшие искать земли*. Со времен Ермолова, серьезно относившегося к делу русской колонизации и создавшего несколько прочных военных поселений, дело это доселе мало продвинулось. Сперва, как выше сказано, не было стремления к этому со стороны русской народной массы, а затем забрали большую силу армянские влияния, досель тормозящие дело. Армяне и их прислужники забрались и в администрацию, и, особенно, в учреждения, в ведении которых состоят казенные земли. Доселе в этих учреждениях господствует так называемая «школа Хатисова», связанная с именем заядлого армянского патриота, управлявшего государственными имуществами Тифлисской губернии и энергично покровительствовавшего заселению целого края армянами²⁹.

Эта традиция до сих пор остается в силе, невзирая на искреннее стремление главного кавказского начальства и министерства земледелия заселить свободные земли Закавказья русскими людьми. Слабое и зачастую неудачное осуществление этих предначертаний свидетельствует о наличии враждебной им организации, которая борется и с Державной волей, и с благими начинаниями главноначальствующего, всякими средствами, не исключая самых предосудительных. Увы, даже среди русских служилых людей, даже на весьма ответственных постах, есть продавшие душу шайтану армянской интриги! Таких людей немало и в повременной печати, стремящейся доказывать, что на Кавказе вовсе нет свободных земель, что русские переселенцы обречены на гибель под влиянием тяжких климатических условий и т.д.

Противодействие русской колонизации со стороны служилых людей разного калибра принимает по временам то наглые, то бесчеловечные формы. Вот несколько фактов. Когда министерство земледелия запросило местные органы относительно количества свободных земель, то одновременно с доставлением таких сведений были местами приняты меры к тому, чтобы это количество несколько сократилось посредством отдачи кое-каких свободных участков в аренду местным лицам. Относительно одного свободного участка в Эриванской губернии довольно видный представитель администрации дал своему начальству на запросы два нижеследующих ответа на расстоянии какого-нибудь месяца: в одном ответе говорилось, что участок никуда не годится в хозяйственном отношении, и даже местные жители им не пользуются; а в другом — что участок не свободен, так как находится в постоянном пользовании местных сельчан-армян.

Это уже цинизм. Немудрено, что армянская печать, сообщая о каких-либо действиях или поездках указанного лица, выражается чрезвычайно нежно: «наш дорогой NN, наш обожаемый NN» и т.п.

Простые пристава доходят иногда до наглости необычайной. Так, например, когда в одном из бывших духовоборческих селений водворили партию иногородних с Северного Кавказа, то новым поселенцам было заявлено, что постройки поступают в их собственность. Как почвенные, крепкие русские люди, они прежде всего были озабочены, делом веры и желали отвести под церковь и школу обширные здания духовоборческого молитвенного дома и его пристроек. Между тем, пристав данного района сам переехал в эти здания и даже собирался одно из них отдать в аренду духанщику, т.е. кабатчику, армянину. К счастью, поселенцы оказались людьми; толковыми; и не робкими, съездили в Тифлис, где их затруднения были всесторонне выяснены и высокопреосвященному Флавиану, экзарху Грузии, и начальнику края. Просьба их была услышана.

Ужаснее всего тот метод борьбы с русскою колонизацией, при котором главными способами и живыми аргументами являются заранее предвиденные страдания русских простолюдинов. Этот способ практикуется довольно широко и, к стыду нашему,

безнаказанно. В глазах знающих Кавказ, не может быть сомнения в том, что водворение русских переселенцев в малярийных местностях *равносильно убийству*, если оно не обставлено систематическими мерами борьбы с тяжким недугом и другими условиями, подвергающими русское народное дело смертельной опасности. Между тем таких убийств совершено много при несомненном участии или преступном попустительстве со стороны лиц, которые не вправе отговариваться неосведомленностью. Укажу на вопиющий факт, о котором я вскользь упомянул выше. В селении Тертер, Елизаветпольской губернии, водворено, без соблюдения должных предосторожностей, несколько десятков русских семейств. Осень и зима прошли недурно, а к весне появилось два бедствия: малярия и армянская интрига. К соседним поселянам-армянам явился руководитель пиджачник, который велел им выжить русских людей. Это выживание было произведено с истинно-восточным коварством. Банды армян с кинжалами в руках преградили поселенцам доступ к хорошей питьевой воде, а речку, из которой пришлось тогда пить русским людям, армяне систематически отравляли навозом, падалью и всякими нечистотами. Начались в поселке такие болезни, при мысли о которых волос дыбом становится. Люди гнили заживо, покрывались зловонными язвами, доходили до иступления от мук. Уездный начальник, живший в этом селении, все видел и молчал. Когда весть об этих ужасах дошла до губернатора, в Тертер был послан врач-армянин, который вместо лекарства преподавал русским мученикам совет: «Пошли вон, русские собаки, или все тут передохнете». Две трети населения этой деревни сплошь вымерло, остальные разбежались. Дошло до начальника края, и уездного начальника прогнали. Тем, кто погиб в ужасных муках, от этого не легче.

Досаднее всего то, что указанная гекатомба не предотвратила других однородных случаев. Еще весьма недавно был учрежден русский поселок на одном из опаснейших в малярийном отношении месте, на берегу Алазани, *в какой-нибудь сотне верст от Тифлиса*, в таком месте, куда и коренные жители не только не дерзают селиться, но даже весною и летом не решаются заходить. В эту-то могилу бросили несколько сот русских жизней. И там произошло то же, что за несколько лет перед тем в Тертере. Если допустить, что тифлисский губернатор, человек сравнительно новый в крае за несколько лет управления губернией не успел ознакомиться со всеми ее местностями, то ведь казенные земли находятся в ведении лица, родившегося на Кавказе, до тонкости знающего местные условия и обладающего достаточным авторитетом, чтобы помешать учреждению убийственной колонии. Нельзя не посетовать в итоге на то, что ужасающее народное бедствие произошло, *а виновных — нет*. Это несомненный подрыв русскому авторитету в крае, вред не только для народного, но и для правительственного дела.

Общая картина переселенческого дела в крае очень безотрадна. С одной стороны, тяжелое впечатление производит почти повсеместное пассивное сопротивление мелких (а иногда и не очень мелких) властей стремлениям высшей власти, искренно заботящейся о благе русского народа. Примеров издевательства над русскими переселенцами в разных учреждениях очень много. Есть десятки и сотни людей, ожидающих по несколько лет отвода обещанных им участков, которые затем, в силу неведомых соображений, отдаются другим. Путаница в этом деле невообразима, и мутной воды много.

К счастью, за последнее время министерство внутренних дел горячо приняло к сердцу переселенческий вопрос, оздоровление которого уже не за горами. *Программное* его разрешение, вероятно, исправит кое-какие прежние ошибки.

Приводили сюда порою и нецелесообразные политические тенденции, игравшие в руку армянской интриге. Так, например, замечалось стремление селить русских людей *не в восточном Закавказье и не в Карсской области, где они политически особенно нужны, а в Грузии*. Это вызывает не лишенное справедливости неудовольствие со стороны грузин и, так сказать, политически сближает их с армянскою интригой. Грузины помнят, что они добровольно присоединились к России, и не видят политического основания к сокращению того земельного запаса, который, по их мнению, принадлежит народу, в

течение целого столетия доказавшему свою преданность Государю и отечеству. Вольная продажа земли или ликвидации заложенных имений — факты экономические, против которых никому спорить нельзя; включение же Грузии в переселенческую территорию они считают незаслуженным актом правительственного недоверия. Русские переселенцы, однако, не встречают недоброжелательства со стороны грузинских крестьян, с которыми нередко легко вступают в дружбу и даже роднятся. Общность веры очень много значит в глазах простого народа, не отравленного мнимой цивилизацией.

Другой чрезвычайно темной стороной переселенческого дела на Кавказе является бродячая Русь. Руки опускаются при виде ее. При самом горячем несочувствии к крепостничеству, при искреннем желании разумной свободы народности, призванной к мировой исторической роли, понимаешь, однако, первоначальное разумное основание крепостного права, прикрепившего к земле и по своему дисциплинировавшего народные массы, у которых так сильны бродячие инстинкты. И Бог весть еще, что произойдет по мере разнуздания этих последних! Босячество, прославленное г. Максимом Горьким и его покровителями — евреями, является плодом не только городского растления народной толпы, но и указанных бродячих инстинктов, от которых несвободна современная русская деревня.

Бродят люди и по черноморскому побережью, и по городам Закавказья, просят то работы, то земли, а на деле только побираются, да пьянствуют. Несомненно, однако, что добрая половина этих людей впала в нищенство по не зависящим от нее причинам, — и ее можно бы пристроить к земле и сделать полезной производительной силой; но для этого нужна любовная забота со стороны власти имущих, нужна *организация не формальная*, а проникнутая страстным, энергичным русским патриотизмом. А этого-то и нет; без всякого на то права мы нетерпеливо относимся к плодам тех настроений, которые созданы противокультурной, торопливо-реформаторской работой наших правящих классов.

Часть бродящей по Кавказу Руси, по-видимому, несправима. Особенно Пензенская губерния поставляет контингент таких бродяг, с которыми ни добром, ни злом ничего поделать нельзя. Даже когда приходит настоящая переселенческая партия из Пензенской губернии, то знатоки дела относятся недоверчиво к ее намерению прочно осесть на земле...

Нужно сказать, однако, что и бродяги сослужили свою службу переселенческому делу. Их назойливое приставание к местным жителям подало повод кружку проживающих в Тифлисе искренно русских людей создать сперва отдел петербургского общества вспомоществования переселенцам, а потом и превратить его в самостоятельное закавказское общество. Первоначальным предлогом было стремление позаботиться о бродячей Руси, чтобы оградить от нареканий русское имя, у которого в крае столько врагов.

Пролежав очень долго под сукном тифлисских канцелярий, проект, наконец, осуществился. Закавказское общество вспомоществования переселенцам, хотя и не пользовавшееся серьезной поддержкой местных властей и многим отужемившимся людям весьма неприятное, однако, принесло немало реальной пользы русскому делу. С одной стороны, переселенцам доставлялась, по мере сил, всяческая помощь, и, в частности, в Тифлисе был устроен приют с бесплатной столовой. С другой, — забота членов комитета о русских поселениях края привела к открытию многих нужд и бедствий, скрывавшихся от начальства низшими вершителями народных судеб; наконец, самое существование указанного общества создало *струю русского патриотизма* и посодействовало благоприятному решению вопроса в правящих сферах.

Ревнители этого дела находили в переселенческом приюте много забот, труда, но и высоких радостей, — общения с тысячами русских людей, относившихся доверчиво к представителям названного общества. Туда бы следовало посылать так называемых интеллигентов и космополитов, не верующих в духовную силу народа и забывающих о том, из какого Источника эта сила черпается.

Голодные, усталые, больные, измученные невзгодами и бездушным формализмом тайно враждебных служилых людей, русские простолюдины находили на чужой стороне буквально родную семью, и многие страстно к ней привязывались. Семья и впрямь была не плохая: были, например, врачи, просиживавшие целыми часами в спертom воздухе людного приюта; был священник, высокообразованный академик, но скромный и сердцем благой пастырь, отец Константин Красовский, который страстную неделю, самое выгодное в материальном отношении для священника время, провел с переселенцами в Караязском поселке, а затем остался на лето в Тифлисе, чтобы почаще навещать этот поселок, расположенный в малярийной местности; были и многие другие, с радостью приносившие в жертву дорогому сердцу делу и время свое, и деньги, и душевную заботу.

Во всей этой деятельности, которая и поныне продолжается другими людьми, было мало шума, но много истинной христианской любви. Было много ее и между самими переселенцами, пришедшими с разных концов России. Проявляли они и большую, наивно-стихийную веру в право русского народа на земли, завоеванные русской кровью. Один переселенец даже с убеждением уверял, что климат Закавказья непременно изменится, станет более «русским», когда там поселится побольше православного народа. Другой переселенец, после долгих расспросов о мерах предосторожности против малярии, с мрачной решимостью указал на своих деток и сказал:

— Энти, должно, перемрут, а вот те, которые здесь народятся, тех уже никто не сдвинет! Крепки будут, как следует!

Этот человек был выразителем народной веры в устойчивость русского типа и почти беспримерную приспособляемость его к самым разнообразным условиям. Он показал, что русский народ мудрее дальновиднее и духовно сильнее своей так называемой интеллигенции, как истинный хранитель наших созидательных заветов.

21. РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Говорить ли о кавказской русской интеллигенции? В предыдущих статьях указан ряд таких изъянов местной жизни, которые были бы немыслимы частью без изменнического участия, частью без преступного попустительства или постыдного равнодушия со стороны наших образованных людей, являющихся почти без исключения местными чиновниками; два-три энергичных торговца, пять-шесть газетчиков, в большинстве продажных и спившихся с кругу, да столько же измощенничавшихся кавказских адвокатов в расчет не идут. Все же остальные или служат, или принадлежат к служилым семьям.

Процент плохих служилых людей, т.е. неверных слуг государства и русского дела, на первый взгляд довольно велик. Но если вникнуть в положение служилого класса, то неизбежен вывод, что эти отрицательные явления не столько коренятся в нем самом, сколько получаются, так сказать, сверху, т.е. являются, с одной стороны, результатом недостаточно национальной краевой политики, а с другой — плодом общероссийского настроения.

Начать с того, что далеко не всякий русский человек в крае может быть уверен в том, что его поддержат, а не «съедят», если он проявит служебную безукоризненность и будет во всех случаях стоять за русские интересы и национальное достоинство. Он отлично знает, что какой-нибудь нефтяной король обладает и на Кавказе, и в столице, и в бюрократии, и в печати такими связями, что может его, бедного чиновника средней руки, и куса хлеба лишить, и оболгать. Чиновник средней руки, получающий тысячи три, т.е. человек лет 40, зачастую женат и имеет детей. Жизнь так нестерпимо дорога во всем Закавказье и склад ее столь ненормален, что в случае болезни, свадьбы или иного события, требующего расходов, чиновнику понадобится кредит.

Кредит на Кавказе — начало утраты независимости, т.е. для честного человека начало конца. И жизненные продукты, и кредит находятся в руках армян, представляющих крепкую противорусскую организацию. Первые векселя служилых людей учитываются в армянских банках с любезной улыбкой, переучет — ценой компромисса с совестью или служебным долгом, а дальнейшее — ведет прямо к полному рабству.

Нет ни одного учреждения, в котором бы туземцы, преимущественно армяне или иные армянствующие инородцы, не играли влиятельной роли, прямо или через своих прислужников. Если прибавить к этому борьбу между ведомствами, — отголосок столичной борьбы, то затруднительность положения честного служилого человека станет очевидною.

Безусловно, встречаются люди, которые изменяют русскому делу или нечисты в денежных делах только потому, что в противном случае к ним относились бы подозрительно влиятельные сослуживцы и, пожалуй, выжили бы их. Одно ведомство на Кавказе кишмя кишит поляками, среди которых, конечно, немало людей, объективно приличных, но, по меньшей мере, равнодушных к русскому делу. В местных органах другого ведомства доселе сильна «школа Хатисова» и немало противорусских элементов. Органы третьего «по принципу» космополитичны и проявляют вообще специальные тенденции этого ведомства, давшие ему особую окраску за истекшие десять лет; четвертое, — глядишь, — на Кавказе ниже, или, по крайней мере, кажется ниже, чем в остальной России, ибо на Кавказе оно, по своим руководящим принципам, от которых отказаться не может, находится в несоответствие с запросами жизни. Эти же принципы вовлекают его порой в пагубное разногласие с администрацией, к немалому вреду для обеих сторон и для обывателей.

Школа? Да есть ли вообще в России русская школа? Чему и как она учит? Ведь обучают все те же интеллигенты, которые наслушались мнимо-либеральных приват-доцентов, набили себе голову неомарксизмом, отрицанием всего русского и, особенно, русского строя. Откуда им взять что-нибудь иное, когда *денационализация нашей школы и сейчас продолжается во всей России?! И при всем том, нельзя не заметить, что среди значительной части кавказских педагогов существует благородное национальное течение*, пробившееся сквозь мусор прежних теоретических понятий и сквозь тяжкие препятствия, воздвигаемые местной жизнью.

Во всех ведомствах, во всех слоях и кругах русской интеллигенции на Кавказе есть такие светлые струйки, вытекающие, так сказать, не из головы, *а из сердца, страдавшего на чужбине*. Кавказ, как и вообще Восток, либо разлагает нравственную личность, либо закаляет ее. Тамошние русские люди, в основе, гораздо лучше, чем кажутся. Избавьте их от гнета искусственно созданных материальных невзгод, скажите им ободряющее слово устами властного лица или со столбцов честной газеты, дайте что-нибудь объединяющее, и получится такая картина, которой Россия вправе будет гордиться.

Между тем, делается как раз обратное. Даже вся почти без исключения печать теперь фактически в инородческих руках, невзирая на русские имена местных промышленников пера. У русских людей нет даже своего угла, где бы они могли по совести и безопасно поговорить о русских делах. Так называемый «Тифлисский кружок» — прекрасное русское учреждение, в котором царит большая порядочность, не избег, однако, наплыва посторонних элементов. А с ними прокралась и некоторая неуверенность русского чувства. Она доходит порою до того, что, например, однажды главные деятели этого учреждения гордились непринятием в свою среду известного шулера-армянина, который суется туда чуть не в десятый раз и заслуживает, что называется, битья батогами. Чем тут гордиться? Чему радоваться? Если это победа, то не прискорбно ли, что уже необходима борьба по вопросу, нравственно решенному?!

Люди, нравственность которых поддалась разлагающему воздействию Кавказа, представляют собою печальнейшее из зрелищ, какое только может увидеть русский человек, не утративший достоинства. Герои Максима Горького, конечно, менее отвратительны, чем эти благополучные люди, в которых не осталось ничего человеческого, иногда под личиною приличной внешности и при недурном общественном положении. Они составляют истинную язву местной жизни, так как обыкновенно находят доступ к людям гораздо более влиятельным и составляют банду, губящую всякое благое начинание и служащую всему противорусскому.

Есть еще категория людей, гораздо более многочисленных и менее вредных, но, в итоге, производящих неблагоприятное впечатление. Это люди, пассивно *«окавказившиеся»* умственно и отчасти физически, принявшие к разным зловониям растленной восточной общественности, примирившиеся с какими угодно гадостями и понемножку усвоившие какое-то левантийское мирозерцание. Они любят кахетинское вино, рыбку шамайку, свежую икру, мороженое, нескромные анекдоты на словах и на практике, выигрыш в карты и т.п. Они будут обедать у кого угодно, водить компанию с кем угодно, лишь бы физическая обстановка ласкала их натуры, разнеженные южным климатом. Если человек, которого они знали, попался в темном деле и понес наказание, они совершенно по-туземному скажут: «Ах, бедный, бедный!» Если на какую-нибудь скромную даму, которую, вследствие малого положения ее мужа, прежде не замечали, обратит лестное внимание высокопоставленный человек, — то люди указанного типа немедленно же окружают ее особенным почетом. В своих левантинских воззрениях указанная часть кавказского общества заходит порою еще дальше: она оказывает уважение проходимцам, которых подозревает в происхождении от людей более высоких, чем их официальные отцы.

Эта инертная группа опустившихся людей может еще ниже пасть со временем, но может, конечно, и очеловечиться. К сожалению, в этой группе довольно много женщин, являющихся нередко источником нравственного понижения своих мужей и братьев. Оторопь берет, когда подумаешь, на ком иногда русские интеллигентные люди женятся и каков современный уровень нашей женской школы, особенно на Кавказе!

Наши дамы и девушки любят говорить о бесцельности жизни. Неужели они не видят, какое огромное *национальное дело* они могли бы выполнять на наших окраинах, являясь воплощением русской совести и нравственности у домашнего очага обездоленных окраинных чиновников?! Достаточно быть буржуазно-честными, скромными в требованиях от жизни и немножко добрыми! Враги русского дела знают, как важен этот вопрос, — и недаром мне не удалось напечатать на Кавказе вышеупомянутую статью русской женщины, призывавшую к выполнению этой достойной роли.

Мне лично было бы грешно сетовать на кавказскую интеллигенцию и, в итоге, приходить к нелестному для нее выводу. Я имел счастье убедиться, что у нее сердце глубоко русское, чуткое ко всякому искреннему призыву. В чужой среде, среди чужих говоров, она стала забывать о родном народе, но горячо пошла навстречу народным нуждам первой же переселенческой волны. Плохо крещеные приват-доценты на школьной скамье отравили ее головы микробом западных мечтаний, — а в первый же миг столкновения с резкою действительностью, она поняла *аксиому Самодержавия* для России; стоило подняться национальным вопросам, стоило разобраться в национальных страданиях — и многие люди, которых в юности школа и печать оторвали от веры, — *идут с трепетом сердечным на призыв матери-церкви.*

Надо не осуждать этих людей, и не думать, что русское дело на Кавказе испорчено непоправимо. Поправить его куда еще легко. Если что трудно, так это расколыхать рутинное отношение к делу, убедить тех, от кого это зависит, в необходимости оздоровительной работы, и, наконец, предначертать для этой последней обдуманную, стройную программу.

Так или иначе, *а это придется сделать*. Когда течение реки запружается обвалом или нанесенным мусором, то не следует думать, что видимый перерыв стихийной работы равносильно ее прекращению.

Национальная работа стихийна не целиком. Она дает людям, любящим родину, возможность и налагает на них обязанность сознательно углублять русло родной реки, прорывать преграды, во избежание ненужных человеческих страданий.

Остановить же русскую реку нельзя: ей принадлежит простор будущего, необъятный, как русская сила.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ СТАТЬИ «ПРАВДА О ЗАКРЫТИИ АРМЯНСКИХ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХ ШКОЛ»

(«Кавказ», № 125, 1897 г.).

Опровергая распускаемые армянами и усердно поддерживаемые частью столичной и провинциальной печати, с «Спб. Ведомостями» во главе, слухи о том, что армянские церковно-приходские школы закрыты русским правительством, автор говорит:

«Возражения наши нужно начать с того коренного положения, что не правительство закрыло армянские школы, а закрыло их само армянское духовенство, не пожелавшее подчиниться основанному на законе, а стало быть, не неожиданным и не «произвольным» требованиям местного учебного начальства. Это было не правительственное притеснение, а демонстрация кавказского армянства, в лице его духовенства, против законных требований правительственной власти. Если при этом потерпело дело народного образования в крае, если оно потерпело особенно, хотя бы временно, в лице обучавшегося в закрытых школах юношества, если не оправдавшийся расчет на последствия демонстрации не внес во всяком случае успокоения в возбужденное с недавнего времени самими армянами недоверие к ним, то правительственная власть тут ни при чем, и правительство нельзя обвинять, при обнаруженном им долготерпении, даже в том, что оно превысило меры воздействия, необходимого для достоинства власти.

Все это выясняется следующим историческим очерком армянских церковно-приходских школ на Кавказе. Учредительный закон об этих школах — Высочайше одобренные 16-го февраля 1884 года правила для церковно-приходских школ армяно-григорианского вероисповедания, — в 1-й статье своей, цитированной и «Спб. Ведомостями», прямо говорит, что к разряду этих школ относятся *только* те элементарные учебные заведения, которые состоят *при церквях и монастырях* и содержатся: *или* исключительно на счет церковных или монастырских сумм, или при воспособлении со стороны *прихожан*. Если училище, хотя и церковное по источнику содержания, состоит из трех и более последовательных отделений, то оно подчиняется не этим (16-го февраля 1884 г.), а общим правилам о *частных* учебных заведениях (ст. 8). Чисто церковно-приходские школы открываются с разрешения духовного начальства армяно-григорианского вероисповедания, которое *обязано* об открытии... сообщать попечителю округа, с показанием местности и средств вновь открываемой школы.

Эти коренные правила, по удостоверению учебного начальства округа, *с самого начала* духовенством армяно-григорианского исповедания не исполнялись, и было бы неудивительно, если бы конфликт по поводу школ возник раньше. Правила 16-го февраля 1884 года не только не исполнялись, — но высшим армянским духовенством разосланы

были по училищам, взамен их, другие, *свои правила*, утвержденные патриархом, в которых вовсе не упоминалось о статуте 16-го февраля. Этими правилами разрешено было, между прочим, сельским обществам (*не приходам, а общинам*) участвовать по приговорам в содержании церковных школ, разрешено соседним деревням, не имеющим церквей, устраивать *центральные училища*, преподавателям *незаконно присвоены были льготы по отбыванию воинской повинности и т.п.* И в то время, как эти новые правила мы находим в каждом училище, правил 16-го февраля в них нельзя было найти, и учащие о таких правилах отзывались незнанием. Далее, 22-го марта 1889 г. состоялось Высочайшее повеление, по которому «преподавателями и преподавательницами русского языка, истории и географии России в церковные школы должны быть определяемы только лица, имеющие установленный учительский ценз», с дозволением, однако, патриарху допускать к преподаванию в сих школах *прочих предметов*, — и лиц, не имеющих означенного ценза, с тем, что такое исключение может иметь место *лишь в течение пяти лет*, т.е. до 1894 г., после же этого срока лица, не имеющие учительского права, к обучению в сих школах вообще не допускаются. *И это Высочайшее повеление оставалось без исполнения, и годы проходили в напрасных напоминаниях учебным начальством как об этих, так и о первоначальных, коренных правилах.*

В особом совещании по армянским делам, происходившем в феврале 1891 г., было признано необходимым стремиться к постепенному *полному* подчинению училищ учебному ведомству, и положено: по делам, касающимся армяно-григорианских церковно-приходских школ, требовать *точного и беспрекословного* исполнения правил 1884 г. с теми разъяснениями и временными отступлениями, какие последовали 16-го января 1886 и 22-го марта 1889 гг., и не допускать в этом отношении никаких новых послаблений. При нарушении сих правил патриархом-католикосом или кем-либо из подчиненных ему духовных лиц по отношению к каким-либо училищам, предоставить попечителю округа входить с представлением к Главноначальствующему *о закрытии* таких училищ или, в случае желания лиц, обеспечивающих эти училища материальными средствами, продолжать их существование, — о подчинении оных, на основании положения о частных учебных заведениях, *непосредственно* инспекции и дирекции народных училищ по закону 25 мая 1874 г. Журнал совещания Высочайше утвержден 2-го марта 1891 г. По поводу правил об учительском цензе патриарх испросил отсрочку сверх пяти лет еще на один год; но когда через год он вошел с ходатайством о новой отсрочке, то на это согласия уже не последовало. Предложено было исполнить упомянутые выше правила и Высочайшее повеление и указано было, что те школы, учителя коих будут без ценза, должны быть переданы учебному ведомству или закрыты. *Духовенство предпочло закрыть школы.*

Такова история закрытия школ, в общих чертах, если не касаться деталей. Но поучительны и некоторые детали.

«Спб. Ведомости» говорят, что противопоставлять армянские школы русским на Кавказе нет основания, так как из утвержденных попечителем округа программ и числа еженедельных уроков по русскому языку, русской истории и географии России видно, что преподавание русского языка поставлено так же правильно и высоко (?), как и в соответствующих казенных и общественных школах, и, так, как учебному начальству предоставлено (еще бы!) наблюдение за армянскими школами через своих представителей, а учебным округом в редких случаях только ставилась на вид армянскому духовенству слабая подготовка преподавателя русского языка учителями, которые в таких случаях удалялись и заменялись другими.

Но дело в том, что печатный план преподавания и программы — одно дело, а исполнение на практике — другое дело. Уже а priori, можно думать, что не особенно усердно будут исполняться отдельные требования и циркуляры попечителя там, где игнорировались *Высочайшие повеления*. Но в архивах дирекции и округа есть и документальные этому доказательства.

Замена одного лица, не имеющего учительского ценза, другим, *таким же* — конечно, не могла удовлетворить попечителя, а что значительное большинство учителей было таких, — лучше всего доказывается просьбами высшего духовного начальства об освобождении учителей от цензового экзамена все на новые и новые сроки. В местном учебном округе не могли быть так по-столичному наивны, чтобы довольствоваться для учителей вместо установленного ценза свидетельствами об окончании учителями курса в *армянских семинариях и даже академии*, — так как местному попечителю, как и многим здравомыслящим людям на месте, отнюдь не импонируют термины «семинария» и «академия». *Армянские учреждения под этими названиями на Кавказе объявленных и утвержденных правительством программ не имеют*, не имеют даже до сего времени установленных в законодательном порядке штатов!.. Что это за академия и семинарии можно заключить отчасти из того, что их воспитанникам так трудно выдержать цензовый экзамен!..

Что касается, в частности, фактического (а не на бумаге) преподавания русской истории, географии России и русского языка, — то вот некоторые иллюстрирующие дело материалы.

Попечитель округа как-то обратил внимание патриарха, что история и география Армении неправильно названы в программах «отечественными» и что в церковных училищах не должно быть особого курса истории и географии Армении. Замечание это было оставлено без внимания. При ревизии училищ усмотрены были *карты Армении, изданные в Париже или Венеции, оказавшиеся запрещенными к обращению в пределах России*. Странные ответы учеников по истории и географии России привели к необходимости ознакомиться с учебником, указанным патриархом в числе одобренных для руководства. В учебнике этом на 1-й странице говорится: «Армения — великое слово, великое воспоминание прошлых времен, *великий элемент будущего! Кто знает, в пятьдесят лет чем станет эта страна, (?) где день ото дня все разрастается армянский народ, — племя усердное и полное будущности*». Стр. 87: «Армяне, как в численном, так и в нравственном отношении, *превосходят все окружающие их народы*». Стр. 93: «Армянский народ Божественным Промыслом избран *посредником в распространении христианства и цивилизации на Востоке*». Стр. 61: «Если *производительность страны в упадке, то в этом виновато правительство*»... «С тех пор, как Армения лишилась своих природных царей, многие местности заглохли, обратились в пустыни... страна, благодаря дурному управлению, часто подвергается голоду... правительство обременяет земледельца всевозможными податями... правители притесняют и грабят... у земледельца нет собственной земли... *Русская Армения составляет из вышеизложенного маленькое исключение*» (стр. 64). Когда запрещено было преподавать историю и географию Армении, то из церковных училищ исчезли история и география России, а армянская история и география вошли в историю армянской церкви и в армянские хрестоматии.

Что касается русского языка, то замечательно следующее явление. Казенные и общественные училища, если при объяснении учителя надо пользоваться местным языком, употребляют, *тот, на котором ученики говорят с детства*. Не то в армянских школах. В Тифлисской губернии армяно-григориане говорят дома по-грузински, в селении Варташен — по-удински, в Армавире — по-черкесски, на Северном Кавказе большей частью по-русски; но в церковной школе, — раз ученик григорианского вероисповедания, — ему навязывают, как природный, армянский язык и, так как в три года нельзя выучить двух языков (русского и армянского), *то в жертву и приносится русский язык*.

Наблюдение агентов учебного начальства за церковно-приходскими армянскими школами составляло самую *тяжелую и неблагоприятную обязанность*, сопряженную с затруднениями и неприятностями, начиная с неимения сведений о том, где есть эти школы, и кончая унижительными для ревизоров объяснениями с учителями школ, не

желавшими признавать за собой никакого надзора, кроме духовного епархиального, без разрешения которого нельзя было добиться никаких сведений. Школы были буквально недоступны общей учебной инспекции.

Теперь школы закрыты для учащихся; но их ведь можно открыть вновь во всякое время: стоит только подчиниться Высочайшей воле, выраженной 2 марта 1891 г., подчиниться искренно и не надеясь на «послабления».

МОГНИНСКОЕ УЧИЛИЩЕ

(«Кавказ», 1898 г. № 338).

Как известно, переход мнимо-церковных армянских школ в ведение учебного начальства почти завершился, во исполнение Высочайшей воли. Этот переход, встреченный сочувственно народной массой, инстинктивно сознающей, что он является источником прогресса и благополучия для подрастающего поколения, — вызывал, однако, тенденциозное противодействие со стороны мнимых «интеллигентов», дисконтирующих армянское обособление в свою пользу, и со стороны некоторых фанатических представителей религии, унижающих эту последнюю, *превращая ее в орудие неудачного политиканства*. Поэтому бесполезно познакомить читающую публику с кое-какими, тщательно проверенными *типичными* фактами, ярко иллюстрирующими сущность дела, казавшегося доселе не подлежащим спору.

Злоключения могнинского училища наглядно рисуют отношение некоторых здешних общественных групп как к воле правительства, так и к самым насущным интересам той народной массы, заступниками которой сиюминутно пытаются показаться некоторые «дельцы»...

Могнинское армянское женское училище св. Гаяне, неправильно именовавшее себя церковно-приходским (ибо содержалось *не на церковные средства*), было одним из наиболее значительных и любимых в тифлисской армянской среде. Несмотря на высокую, плату за обучение (40 — 45 р. в год), в нем было до 200 учениц.

На пожертвованные средства для него было выстроено собственное двухэтажное каменное здание, оцененное потом страховым обществом в 10 тыс. руб. Училище было снабжено *прекрасной мебелью*, всевозможными учебными пособиями и довольно богатой библиотекой; имело даже такую роскошь, как рояль, ценою в 600 руб. На содержание училища ежегодно тратилась значительная сумма (так, напр., в 1895 году - 4379 руб., в 1894 г. - 5341 р. и т.д.). Когда в 1895 г. выяснилось, что могнинское училище вовсе не церковное, и когда, по распоряжению высшей гражданской власти, оно, во исполнение требований закона, вместе с некоторыми другими подобными ему армянскими школами, должно было быть передано в ведение учебного начальства, *то руководящие сферы армянского общества порешили вовсе закрыть училище, лишь бы не подчиниться состоявшемуся распоряжению*. И действительно, в начале 1896 г. училище было закрыто, а дети безжалостно выброшены за его стены среди самого разгара учебных занятий. Но этим гонение на любимое когда-то детище не кончилось. В 1897 году совет попечительства закрытого училища сделал постановление о том, чтобы *одну часть училищного имущества передать тифлисской (Нерсесовой) армянской духовной семинарии*, другую — *эчмиадзинской армянской духовной академии*, а все остальное *продать*. Под таким мудрым постановлением подписались члены совета: протоиерей Гевонд Харазянц, А.Кишимиянц, Захарий Григорянц, священник Езник Ерзинкянц, Петрос Симеонянц, К.Гонианц и Геворк Евангулянц. Лица все почтенные: тут и протоиерей, и публицист, и врач, и даже городской голова. Это постановление, при прошении от 16-го

октября 1897 года, было представлено на утверждение тифлисскому армяно-григорианскому епархиальному начальнику. Его высокопреосвященство, предложением на имя консистории от 22-го октября того же года, за № 681, во всем объеме *утвердил постановление совета*, причем продажу поручил произвести священникам Езнику Ерзинкянцу и Сааку Саакянцу. Как было приказано, так и сделано: в Нерсесову духовную семинарию отправлено 535 экземпляров книг и 285 предметов училищной мебели; в эчмиадзинскую академию отправлено 565 книг и 210 экземпляров учебных пособий и картин, всего весом 48 пудов, в восьми ящиках; продано 88 предметов, в том числе *рояль* (куплен содержателем музыкального магазина Мириманианом за 125 р.), столы, ученические скамьи, стулья, стенные часы и пр. *всего на сумму 250 р. 55 к. (!)* На эту операцию израсходовано 79 р. 69 к., и *оставшиеся 120 р. 86 коп. переданы в духовную консисторию*. Таким образом, когда летом этого года г. директор народных училищ, в силу состоявшегося *Высочайшего повеления*, производил прием армянских школ, то на долю могнинского училища получил лишь *деньги*, (25787 р. 22 к. процентными бумагами и наличными) да *голые стены разваливающегося здания*, за последние два года *служившего лишь местом для держания покойников до отпевания*. Чтобы получилась возможность открыть могнинское училище вновь, приходилось озаботиться *полным обзаведением* его всей необходимой обстановкой и, главным образом, *ремонтom здания*. Для производства ремонта директором училищ была организована строительная комиссия из приходских священников могнинской церкви, под председательством протоиерея Тер-Барсегянца, и с участием вновь назначенной заведующей училищем и инженера—техника. *Комиссия просто ужаснулась, когда подробно обследовала здание и увидела, в каком печальном положении оно находилось*. Железная крыша оказалась проржавленной и представляла собой решето, через которое беспрепятственно лил дождь, вследствие чего *потолки* верхнего этажа с дорогими сложными карнизами упали, *а полы и балки во многих местах совершенно прогнили*; капитальные стены оказались возведенными без фундамента, вследствие чего дали отклонения, а кладка стен верхнего этажа и перемычек дала крупные *сквозные трещины* и вообще расстроилась; *отводные бетонные трубы отхожее место*, проложенные под зданием, оказались сделанными из самого плохого цемента и не промывались водой, вследствие чего *нечистоты* не могли проходить в отводную трубу, заполнили окончательно выход, уничтожили стенки труб и *впитывались в грунт под зданием*; полы нижнего этажа балкона и балки оказались положенными прямо на земле без закладок концов в стены, и совершенно прогнили, — и т.д. ... и т.д. ... Словом, *пришлось чуть ли не вновь выстроить здание* и истратить на это свыше 3-х тысяч рублей из средств обедневшего училища. В настоящее время училище приведено в полный как внутренний, так и внешний порядок, день ото дня все более и более приобретая доверие и симпатии родителей, вверивших ему своих детей.

Sapienti sat!

Р.П.

Опровержение г. председателя кавказского военно-окружного суда, по поводу
Хубларовского дела

(«Русский Вестник», № 1, 1904 г.)

Г. редактор!

На основ. 26 ст. врем. пр. о ценз. и печ., прил. к прод. 1868 г. Св. зак., т. XIV, кавказский военно-окружной суд просит вас, милостивый государь, в интересе правды, напечатать в ближайшем номере вашего журнала следующее:

В «Русском Вестнике» за октябрь этого, 1903 г., стр. 473, г. В. Величко вспомнил в своих «Русских речах» хубларовское дело. Это дело рассматривалось временным военным

судом в г. Шуше в декабре 1897 г. Купец Хубларов, армянин, обвинялся в том, что, злобствуя против своих конкурентов по торговле: приказчиков купца Терентьева, Голубева и Маркова и заводчика Пирумова, подговорил татар убить их на заводе последнего, где они жили. Тринадцать татар обвинялись в том, что по подговору Хубларова, в ночь на 23 июля 1895 г., они выстрелами из ружей в саду Пирумова убили пять человек и ранили двух случайных посетителей сада, а не конкурентов Хубларова, которых в означенную ночь на заводе не было. «Армянствующая печать, — пишет г. Величко, — доходила до крайнего лиризма в защиту Хубларова, а против этого последнего, по местным цензурным условиям, было писать более чем затруднительно». То, что желал и не мог писать г. Величко в газете «Кавказ», он через шесть лет напечатал в «Русском Вестнике».

«Судебный следователь, — вспоминает автор «Русских речей», — взялся за хубларовское дело с таким усердием, «с каким по медвежьей мимике бабы на работу ходят». Веские улики против обвиняемых были добыты не предварительным следствием, а полицейским дознанием, но ожидалось, что неприятные Хубларову полицейские чиновники будут уволены со службы. Русский проходимец взялся «проводить» это дело и, оставаясь сам в тени, собрал на безгрешные расходы по хубларовскому делу от 40 до 100 тыс. рублей. Такие были слухи в Тифлисе, — пишет г. Величко, — а вот и несомненные три факта, 1-й: *помощник военного прокурора по хубларовскому делу вместо обвинительной речи сказал нечто, вроде оправдательной, и она была в таком виде напечатана в армянствующей газете «Новое Обозрение», 2-й: за два дня до произнесения приговора, который, казалось, не мог быть заранее никому известен, вся Шуша готовилась к лукулловскому пиришеству в ожидании оправдания Хубларова и 3-й: состав выездной сессии, за исключением одного подполковника Эриванского полка, принял участие в хубларовском пириестве*³⁰. Как велось это дело военном судом, — заключает г. Величко, — мог выяснить ревизор, который, к сожалению, туда послан не был».

Возражать против неизвестных нам городских слухов, повторяемых г. Величко и компрометирующих власть судебную и административную на Кавказ, мы не будем, а против несомненных для автора «Русских речей» фактов считаем себя обязанными возразить³¹.

Временный военный суд в г. Шуше признал доказанным факт нападения на завод Пирумова 23 июля 1895 г., убийство пяти человек, поранение двух и *ограбление денег и вещей у живых и мертвых*, но из 14 подсудимых признал виновным только одного Абас Кербалай Багир-оглы в том, что хотя он не принимал прямого участия в разбое и убийствах, но знал о готовящемся нападении на Голубева и Пирумова, у которых *разбойники предполагали найти значительные суммы денег*, предупредил разбойников, что в ночь на 23 июля Голубев и Пирумов будут ночевать на заводе последнего, и обещал злоумышленникам свое содействие в качества старшины с. Шеллы и начальника разъездной команды, а затем, по совершении преступления, направил полицейские власти на ложный след *разбойников*. Оправдав тринадцать подсудимых, временный военный суд представил главноначальствующему гражданской частью на Кавказе *особое постановление об обнаруженных на судебном следствии обстоятельствах, возбуждающих по этому делу ответственность других, суду не преданных лиц. По закону, представитель обвинения не должен преувеличивать значение имеющих в деле доказательств и даже, если находит оправдание подсудимых уважительным, обязан заявить о том суду по совести*. Вот причины, по которым речь помощника военного прокурора не ответила ожиданиям г. Величко, и первый несомненный для него факт по хубларовскому делу, вызвавший его неудовольствие против военного суда, *объясняется его личным недоразумением (?)*.

Судебное заседание по хубларовскому делу производилось при открытых дверях, при участии 5 защитников подсудимых: 4 присяжных поверенных и одного кандидата на военно-судебные должности, и продолжалось с 8 по 23 декабря 1897 года. В присутствии

многочисленной публики суд допрашивал свидетелей, выслушивал объяснения подсудимых и проверял доказательства вины и невиновности их. *Не надо большой юридической опытности, чтобы в последние дни такого большого процесса предвидеть его результат.* Приговор справедливого суда всегда отвечает данным судебного следствия, а не посторонним соображениям. В этом отношении репутация военного суда на Кавказ давно установилась, почему заинтересованные в судьбе Хубларова лица могли за день и даже за два перед провозглашением резолюции ожидать его оправдания и готовить торжественный обед для него. А потому второй несомненный и подозрительный для г. Величко факт также объясняется его *личным недоразумением* (?!). В состав суда по хубларовскому делу временными членами были войсковые старшины казачьих полков: I Лабинского и Сунженско-Владикавказского, и два капитана Асландузского резервного батальона. Напрасно г. Величко утверждает, что состав выездной сессии *был на хубларовском обеде.* Неправда, никто из состава суда там не был: приглашался на обед один кандидат на военно-судебные должности, защищавший татар, но и он отказался от приглашения.

Хубларовское дело, по кассационной жалобе, было в главном суде, который 29 января 1898 г. оставил жалобу без последствий. Производилось и дознание по инсинуациям на председательствующего по этому делу военного судью; но оно фактов г. Величко не подтвердило.

Председатель Кавказского
Военно-Окружного Суда Македонский.

От изд. 1) Первая и весьма серьезная неточность в письме г. Македонского, на которую находим нужным указать, заключается в его категорическом утверждении, что суд констатировал в хубларовском деле *«ограбление денег и вещей у живых и мертвых».* Это, безусловно, неправда. *Все без исключения судебные отчеты по этому делу констатировали, что у жертв преступления ограблены не были ни деньги, ни ценные вещи, оставшиеся на виду.* Убийцы даже не взяли портмоне с сорока рублями, находившееся в руках одного из убитых. Этот факт точно устанавливает характер преступления: тут не могло быть и речи об убийстве с корыстной целью. Мы искренно удивляемся, что г. председатель суда оказался столь неточно осведомленным в вопросе, дающем всему делу *совершенно определенный характер.* Эта существенная неточность сама по себе служит веским опровержением высказанного дальше г. Македонским утверждения, что *«разбойники» хотели убить Голубева и Пирумова (конкурентов Хубларова) просто потому, что предполагали найти у них большие суммы денег.* На Кавказе все чаще и чаще проявляется у многих тенденция сваливать на пресловутых «разбойников» преступления, в которых так или иначе замешаны всесильные армяне, — до покушения на жизнь князя Голицына включительно.

2) Укажем, как на характерную подробность, на упоминаемое вскользь г. Македонским особое постановление временного военного суда (оправдавшего первых подсудимых с Хубларовым во главе) о привлечении к ответственности других *«суду не преданных лиц»*, на основании *каких-то обстоятельств, обнаруженных судебным следствием.* Тут речь, несомненно, идет между прочим и о Джафар беке Везирове, уважаемом больном старике, на которого указывает В.Л. Величко. По-видимому, «особое постановление суда» оказалось основанным на данных довольно шатких, ибо Джафар бека, пришлось отпустить *после долгого предварительного заключения, не подвергая даже суду,* причем Г. Иваненко отнюдь не встретил освобождения этой невинной жертвы неправды или грубой ошибки лирической речью, подобной той, какую он наградил более счастливого г. Хубларова.

3) Из трех фактов, которые г. Македонский собирается опровергать, первый, т.е. произнесение г. помощником военного прокурора оправдательной речи, вместо

обвинительной, он не только не опровергает, но подтверждает целиком, доказывая только, что это законом не возбраняется. Но В.Л. Величко и не указывает на *юридическую незаконность* этого факта, а просто отмечает его, как несомненный и характерный для данного дела.

4) Второй факт, т.е. *приготовления к роскошным празднествам, начавшиеся за несколько дней до приговора суда, г. Македонский опять-таки признает действительным*, объясняя его только смысленностью шушинских обывателей, «и заинтересованных судьбою Хубларова лиц», догадавшихся *по ходу следствия и свидетельским показаниям*, что дело кончится добром.

В.Л. Величко опять-таки ведь и не утверждал, ничего другого; он только предполагал, как и многие другие, что следствие велось, по меньшей мере, неумело, и доверие суда к свидетелям было, пожалуй, преувеличено, если принять в соображение, *что все почти свидетели, показывавшие на предварительном следствии в 1895 г. против Хубларова, во время суда (спустя два с половиной года) резко изменили свои показания, повернув их в его пользу*.

Последний факт подтверждается не только всеми печатными отчетами, но и статьей одного почтенного кавказского юриста, своевременно не пропущенной тифлисской цензурой и находящейся в наших руках. Констатировано также, *что суд не принимал никаких мер к выяснению этого странного явления и основал свой приговор исключительно на вторых, исправленных свидетельских показаниях*.

Для юристов, знакомых с чудовищным развитием лжесвидетельства на Кавказе, особенно в делах, где замешаны богатые армяне, такое непроверенное доверие может показаться несколько рискованным, а самые свидетельства не столь уже решающими. А уж говорить речи, подобные сказанной г. председательствующим Иваненко Хубларову, который был известен и до этого темного дела всему Кавказу исключительно как водочный эксплуататор, высасывающий всю окрестность, — прямо неосторожно.

5) Относительно указания В.Л. Величко на то, что состав выездной сессии, за исключением забытого г. Македонским подполковника, «*принимал участие в Хубларовских празднествах*» г. председатель суда отвечает, что «*никто не был на Хубларовском обеде*». Нет ли тут недоразумения? Бывшие тогда в Шуше хорошо помнят, что празднества длились три дня и были очень разнообразны. Настаивать на последнем факте считаем, впрочем, лишним, думая что и предыдущих довольно, чтобы доказать, что в этом злосчастном деле было много досадно не разъясненных сторон, очень невыгодных для престижа русского имени, которым так дорожил покойный В.Л. Величко, и что возражение г. Македонского в общем мало пролило свету на эти темные стороны. Кем, когда и насколько умело производилось «дознание», о котором упоминает г. Македонский, и *какие именно факты* оно не подтвердило — мы не знаем, но продолжаем твердо верить, что серьезный подробный пересмотр *всего этого дела* дал бы, если не формальный повод к кассации, которого опытные юристы легко могут избежать, то, во всяком случае, ряд поучительных и «не радостных бытовых подробностей, не лишенных важности. Интересно уже то, что одних обвиняемых оправдали, других понапрасну арестовали, а настоящих так и не нашли. Единственный виновник оказался *укрыватель*; — а где же убийцы? Кому было выгодно это преступление без ограбления?

АХАЛЦЫХСКАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ

(«Кавказ», 1897 г. № 94)

Теперешний Ахалцыхский уезд составляет значительную часть Верхней Карталинии, занимавшей, главным образом, бассейн верхнего течения Куры и бассейн Чороха. Страна эта искони населена была грузинами и входила с отдаленных времен в состав грузинского царства. С XIV века Верхняя Карталиния именуется Саатбаго. 1828 г. составляет эпоху в судьбе значительной части старинного Саатбаго. В этом году, 15-го августа, русские войска, предводимые Паскевичем, после блистательной победы, одержанной над турецкими войсками, взяли штурмом Ахалцых. В 1829 г., по Адрианопольскому миру, Россия, между прочими приобретениями, получила от Турции и Ахалцыхский пашалык, который был вскоре обращен в Ахалцыхский уезд, сначала Кутаисской, а затем Тифлисской губерний.

Взятие русскими войсками Ахалцыха, считавшегося туземцами неприступным пунктом, навело панический страх на мусульман: масса туземного населения так и хлынула в Турцию. Зато, в течение каких-нибудь 5-6 месяцев, к нам пожаловало свыше 106 000 армян.

Уже в 1831 г. ахалцыхские армяне-эмигранты подали прошение графу Паскевичу, состоявшее из 10 пунктов; главные пункты: 1) чтобы с армянами-григорианами не были поселены другие народности; 2) чтоб ахалцыхские армяне имели право учредить свой особый «национальный суд»; 3) чтобы им предоставлено было право свободной и беспошлинной торговли и т. д. Но не таков был граф Паскевич: ясное дело, он отверг все эти наглые требования.

Русская веротерпимость и благодушие в вопросах религиозных известны.

Как же отвечают на это благодушное отношение армяне и во главе их армянское духовенство, этот всесильный двигатель и направитель отношений армян-эмигрантов к России?

А вот как.

При распланировке новой части города Ахалцыха отведены были участки для постройки церквей: армяно-григорианской 2128 кв. саж. и армяно-католической—1352 кв. саж., а в центре между ними и для православной церкви.

Первые две церкви давно уже существуют, и только православные лишены счастья до настоящего времени иметь свою церковь. Армянский собор — достопримечательность Ахалцыха; в нем имеется богатая ризница, со множеством крестов, сосудов и богатейшим собранием рукописей на пергаменте. Собор этот построен в самом центре новой части Ахалцыха.

Для удовлетворения религиозно-нравственных потребностей православного населения приспособлена, извольте видеть, покинутая турецкая мечеть, обращенная в православный храм!..

Благочинный ахалцыхско-ахалкалакского благочиннического округа, в виду крайне затруднительного положения прихожан его в религиозном отношении, за отдаленностью и недоступностью настоящей приходской их церкви, возбудил еще в 1893 году вопрос о постройке в центре новой части города православной церкви.

Теперешняя приходская церковь находится в старой части города, в упраздненной (турецкой) крепости. Старый город и крепость лежат на левом берегу, новый же город, получивший свое начало после 1828 года, лежит на правом берегу р. Поцховы и соединяется со старым посредством моста. А потому вполне понятно, что многие из православных, живущих в новой части города, вследствие бывающей в великий пост невылазной грязи, лишены возможности быть даже у исповеди и св. причастия, как за отдаленностью церкви от города (полторы версты), так и ввиду того, что она, в довершение всех бед, находится на горе, на которую в дурную, грязную погоду подыматься очень трудно, а извозчик, чтобы свезти в церковь и обратно, берет 1 р. - 1 р. 50 к.

В феврале 1893 года был возбужден вопрос об осуществлении заветного желания расположенных в Ахалцыхе; войск, а также служащих и проживающих в городе

православных — постройки в новой части города православной церкви на том самом месте (ю.-в. часть общественного сада), *которое было отведено под таковую еще при распланировке новой части города Ахалцыха.*

План, на котором было нанесено место для постройки православной церкви, был передан инженерным ведомством в городское полицейское управление, а последнее передало его в ахалцыхскую городскую управу, которая поступила в высшей степени предусмотрительно: *утеряла план...*

Узнав о намерении православных построить церковь в центре города, в ю.-в. части общественного сада, ахалцыхское городское самоуправление немедленно разрешило постройку, но... увы, не церкви для удовлетворения религиозно-нравственных потребностей православных, а летнего помещения для городского клуба — *«ротонды»...* Городской общественный клуб (поголовно состоящий из армян) немедленно приступил к постройке, и 1-го июня (через два месяца) последовало открытие *«летнего помещения ахалцыхского городского общественного собрания»...*

Этот наглый «захват», это дерзкое самоуправство совершено ахалцыхской городской думой, также состоящей поголовно из армян, с единственной целью: во чтобы то ни стало не допустить постройки православной церкви в центр города.

А вот вам и подробности этого проявления «права (!) собственности».

Узнав о том, что правление городского клуба приступило самовольно к постройке «ротонды» на участке, отведенном под православную церковь, начальник Ахалцыхского уезда подполковник Аландер приказал приостановить постройку ротонды; но на приказание, переданное приставом Куюмчибашевым, заведующий работами старшина общественного собрания г. Меписов (бывший начальник Артвинского округа!) *приказал рабочим продолжать работу*, так как-де уездный начальник не смеет останавливать работ. Бывший случайно в городском саду помощник начальника тифлисского жандармского управления ротмистр Тарановский, видя критическое положение пристава Куюмчибашева как власти в глазах собравшейся публики, обратился к уездному начальнику, который приказал составить протокол об оказанном г. Меписовым сопротивлении властям. Работы были прекращены, но на другой же день, 15 апреля, *таковые были возобновлены*, и уже непрерывно продолжались до окончания постройки.

Между тем, ахалцыхская городская дума, в заседании своем 16-го апреля единогласно решила: *«отказать православному населению г. Ахалцыха в просьбе отвести место в городском саду для постройки православной церкви и предложить построить таковую в одном из 5-ти указываемых думой мест».*

Указанные городской думой 5 участков находятся: 3 места — на конце города, над оврагом, *куда свозятся жителями разные нечистоты*, четвертое место — *за городом, на земле, отведенной военному ведомству для необходимых построек*, и пятое место — *в конце города, под горой, куда в дурную погоду нет никакой возможности пройти...*

Такое решение ахалцыхской городской думы относительно столь важного вопроса, как постройка господствующей в государстве церкви, глубоко оскорбило все православное население г. Ахалцыха и вызвало в сердцах их чувство жгучей боли и справедливый ропот.

Следовало бы немедленно снести этот увеселительный балаган и на этом месте, отведенном под православную церковь как единственном центральном месте в городе, построить православный собор, который да послужит вечным памятником того, что на земле, на которой стоит г. Ахалцых, нет ни единой пяди земли, не политой кровью русских чудо-богатырей.

Гг. Меписовым, этим потомкам армян-эмигрантов пашалыков: Баязетского, Карского и т.п., да послужит он вечным напоминанием, что России они обязаны всем, — она обеспечила им жизнь, имущество и создала их теперешнее завидное благосостояние.

Наиболее благоразумные армяне сами отлично знают, к чему приведет их наклонная плоскость, по которой они движутся с такой быстротой, — они сами понимают, что этому

«движению» может быть только один конец, сами, зажмурившись от страха, ждут последнего толчка, решительной минуты — беспощадной ревизии. Ведь Артвинский округ, во главе которого стоял тот же г. Меписов даст обширный материал для выяснения, например, вопроса: куда давались аборигены страны турки, и как их заменили армяне-эмигранты?

8-го апреля 1897 г.
г.Тифлис.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

1. Введение
2. Характер прошлого
3. Братья-грузины
4. Русско-грузинские отношения
5. Армяне
6. Историческое прошлое
7. Переход к теократии и монофизитство
8. Племенная обособленность и экономическое владычество
9. Правда о турецких зверствах
10. Политическая роль церкви и армянская программа
11. Народная масса
12. Реформа управления имуществами армяно-григорианской церкви и армянские бесчинства
13. Азербайджанские татары
14. Разбои
15. Ненормальность бытовых условий
16. Горцы Дагестана
17. Русские люди на Кавказе
18. Казачество
19. Славная кавказская армия
20. Сектанты и русские переселенцы
21. Русская интеллигенция

Приложение

- I. «Правда о закрытии армянских церковно-приходских училищ" R. («Кавказ», 1897 г.)
- II. «Могнинское училище». Р. П. («Кавказ», 1898 г.)
- III. Опровержение г. председателя Кавказского военного-окружного суда по поводу Хубларовского дела («Русский Вестник» 1904 г.)
- IV. От издателя
- V. «Ахалцыхская нетерпимость», Needle («Кавказь», 1897 г.)
- VI. «Система или обычай?». Русской женщины

¹ «Арабески», новые стихотворения В.Л.Величко.

² Эта ветвь Коргановых прекратила свое существование. Авт.

³ «Мурч» 1897 г. Статья под заглавием «Армяне из цыган».

«На свете существуют только два народа без национального языка и без отечества: это евреи и цыгане. Ни азиатская тирания, ни средневековое беспощадное преследование, ни даже современная

гуманная культура не могли ассимилировать их с другими народами, и все эти могучие факторы оказались, таким образом, бессильными задушить материальную алчность одного народа и необузданное безграничное стремление к скитанию другого. Везде, в Азии или в Европе, в старом ли или новом свете, цыган остается цыганом, еврей - евреем. *Только одному армянскому народу удавалось ассимилировать цыган*, и это я говорю, - прибавляет автор статьи, - не голословно, а на основании достоверных фактов. Эриванские, шемахинские, елисаветпольские, тифлиские и другие цыгане, о существовании которых лет 50 назад свидетельствует история, *перестали быть цыганами и, слившись с армянским элементом, ассимилировались с армянами*, сохранив одни только фамилии, как дальнейшее воспоминание об их происхождении. С каких сторон ни рассмотреть этот вопрос, придешь к одному и тому же заключению, - что дело массовой ассимиляции ни одному народу не удавалось. Кроме армянского. Из ассимилированных цыган-армян вышли даже талантливые люди. Например, профессор С.-Петербургского университета Керобе Патканьян был цыганского происхождения, монах поэт Аламдарьян - тоже, двое из нынешних армянских писателей - тоже цыганского происхождения, народный поэт Ганес-оглы, сочинивший много стихов и другие...

⁴ «Новое Время», 1903 г. № 9708

⁵ Из многочисленных примеров таких возмутительных фактов приводим на выдержку два случая, имевшие место на протяжении двух месяцев. «Кавказ», 1897 г. Июнь. Прихожане душетской св. Николая церкви составили приговор, коим поручили двум лицам из своей среды ходатайствовать пред высшим кавказским начальством о принятии мер против захвата армянским духовенством часовни «Бодавис-цминда Георгис - ниши» с принадлежащим ей участком земли (в ½ версте от г. Душета). Древние иконы из названной часовни, по словам составителей приговора, давно уже похищены и перенесены в душетскую армянскую церковь, участок примежеван к ней «неведомыми путями» истекшего 15-го мая, а самая часовня переименована в «Сурп-Геурковскую», и православные священники к служению в ней с тех пор не допускаются.

«Иверия», Апрель 1897 г. Гор. Ахалцых. Близ города, по ту сторону р. Поцхови, имеется целебный родник, вода которого замечательно помогает от головной боли. Около родника с давних пор стояла грузинская часовня и маленькая келья. Лечебные свойства этого родника были общеизвестны, так что из разных частей Грузии стекались больные и получали исцеление. Водой пользовались бесплатно, но добровольных приношений скоплялось в часовне немало. В начале минувшего марта кому-то вздумалось выставить в часовне армянские иконы, приделать в часовне двери, запереть их и забрать ключи. Об этом захвате местный благочинный священник Д. Хахутов донес экзарху Грузии.

⁶ Тот самый, на цыганское происхождение которого указывает газета «Мурч»

⁷ Указанная статья для примера целиком помещена в «Приложении» настоящей книги.

⁸ В указанной проповеди, помещенной в № 37 газ. «Ардзаганк» за 1897 г. католикос, в виде предисловия, предупреждал паству о наступлении, хотя и запоздалом, «весны» для армянского народа и о благах, которые она ему принесет: «Вот наступила весна, оживилась природа; но после *продолжительной и суровой зимы*, желанная нами весна еще не настала. Не знаю, почему так опаздывает она, но во что бы то ни стало она, наконец, должна придти. Будем ждать ее с терпением, вполне уповая на Бога».

Что подразумевал «Айрик» под «весною», видно из заключительных слов проповеди: «Имейте веру и упование на Бога, *надейтесь на ваше освобождение*, любите друг друга так, как подобает истинному христианину... Берите пример с меня. Я в продолжение всей своей жизни подвергался всевозможным превратностям судьбы и, достигнув глубокой старости, все же с полным упованием верю и надеюсь. Не отчаивайтесь и будьте мужественны! На свете нет ничего вечного, а все относительное и временное. Одна лишь истина и справедливость всегда восторжествуют. Да хотя бы то, что я говорил вам тысячу раз, сегодня повторю опять: *всякий раз, когда я молюсь Богу, я прошу Его продолжить мое существование до тех пор, пока я не буду приветствовать багряную зарю со свободой моего несчастного и многострадального народа*».

⁹ Грузинская газета «Иверия» констатирует в сентябре 1897 году тот факт, что прежде со всей Грузии стекались в Тифлис и другие города чернорабочие, не нашедшие труда у себя в селениях по малоземелью, климатическим и иным условиям, а теперь они вытеснены из Тифлиса армянами из Эриванской губернии и особенно беглецами из Турции. Произошло это не вследствие конкуренции или какого-либо иного политико-экономического столкновения, ибо заработная плата за эти годы не понизилась, как это бывает при естественной конкуренции, а напротив *значительно повысилась*. Например, чтобы перепилить кубическую сажень нетолстых дров трое армянских «амбалов» требуют от 4 р. до 5 р. 50 к., причем работа выполняется за 4-5 часов и очень небрежно.

В той же газете была напечатана справка, из которой явствует, что число городских чернорабочих служащих простирается от 300 до 400 человек и из них 93% *составляют армяне*. Метельщики и поливальщики улиц, караульные на авчальском водопроводе, числом до 200, все - армяне. Несколько лет тому назад большинство этих должностей были заняты рачинцами и айсорями, трезвыми хорошими работниками, замененными ныне ленивыми и грубыми выходцами из Турции, со значительно увеличенным окладом. Ярким примером грустных результатов этих ненормальных условий тифлиского рабочего рынка может послужить следующий факт, отмеченный газетой «Цнобис-Пурцели» в том же 1897 году.

12-го декабря, на тионетском почтовом тракте, недалеко от Сабадури, ямщик заметил полунагого, изнуренного пешехода, который оказался жителем сел. Сакдриони Симоном Сисаури. Бедняка доставили в

селение Сабадури, где он и умер от голода и изнурения. Оказалось, что покойный очень нуждался и отправился в Тифлис на заработки. Проскитавшись несколько времени и не найдя в Тифлисе никакой работы, Сисаури издержал здесь последние гроши и направился обратно в деревню, до которой ему не суждено было добраться.

¹⁰ Эти «временные правила», утвержденные в 1874 году на девять лет в Бозе почившим Государем Александром II, до сих пор заменяют какой бы то ни было устав для эчмиадзинской духовной академии. Все католикосы, восседавшие за эти тридцать лет на эчмиадзинском престоле, старались тем или иным путем избежать выработки устава и, к сожалению, достигали цели, невзирая на вопиющую ненормальность и опасность такого порядка вещей.

¹¹ Вот перевод того, что пишет по этому поводу после своей поездки в Эчмиадзин французский ученый, барон де Бай, которому принадлежит честь основательного ознакомления своей родины с Россией в целом ряде книг и брошюр. Кавказ он несколько раз изъездил вдоль и поперек, и тон его повествований всегда отличался умеренностью и беспристрастностью.

«Подъезжаем к селу Варшапату. Прежде всего, мы видим древнюю покинутую церковь святой Рипсимии, ныне восстанавливаемую, окруженную почернелыми стенами. Эта церковь была некоторое время притоном фальшивых монетчиков. Но вот мы и в Эчмиадзине; всякий иностранец там принимается весьма радушно, - и у меня нет слов, чтобы выразить, как монахи (почти все в епископском сане) были со мной любезны и предупредительны. Но, не взирая на всю мою благодарность, я должен быть откровенным. Этот монастырь произвел на меня впечатление скорее политического, нежели религиозного центра. Его святейшество католикос - весьма почтенный старец, ласково принимающий иностранцев; у него очень тонкий, очень дипломатичный ум; говорят, что он в своих проповедях охотно прибегает к иносказаниям»...

Вопреки преданию, относящему эчмиадзинский собор к четвертому веку, барон де Бай, по археологическим признакам, считает его памятником пятнадцатого столетия и находит, что стенная живопись является отражением персидского искусства. К «древним» предметам автор относится скептически:

«Древность реликвий, сохраняемых в ризнице, и, главным образом «священного копия», была оспорена учеными, гораздо более компетентными в этой области, чем я. Так как архивы монастыря, к несчастью, исчезли, то не существует и никаких сведений о предметах, собранных в его сокровищнице. В этих стенах мало озабочены трудами археологическими, историческими и художественными; все помыслы и заботы посвящены теперешнему времени и текущим вопросам. Люди, подозревающие, что здесь имеется очаг больших симпатий к Англии, пожалуй, ни мало не ошибаются. Во всяком случае, Англия употребляет все средства, чтобы вызывать эти симпатии в данном месте, близком к азиатской Турции...»

¹² Более подробные фактические данные по этому вопросу можно найти в выдержках из статьи г.Р. «Правда о закрытии церковно-приходских школ», напечатанных в «Приложении».

¹³ Карты этой воображаемой страны, которые я видел у бывшего попечителя кавказского учебного округа К.П.Яновского, распространялись в виде литографированном и даже вышитые шелками. Последние принадлежат ручкам каких-нибудь мазутных королевен, дрессируемых на иностранный лад. Авт.

¹⁴ Хорошенькие факты из этой области содержит помещаемая в «Приложении» статья г. Р.П. «Могнинское училище», напечатанная в 1898 г. в газ. «Кавказ».

¹⁵ Имеется в виду Гянджа – город в Азербайджане.

¹⁶ Ныне Тебриз.

¹⁷ Вываренный сок винограда, тут и др. ягод.

¹⁸ Кисломолочный продукт.

¹⁹ Вот, что говорит об армянской интеллигенции в № от 30 января 1898 г. газета «Мшак», единственная из армянских газет, бичующая иногда пороки и недостатки своих сородичей: «Целый ряд фактов доказывает, что ни один класс армянского общества так не ленив и не беззаботен, как его интеллигенция. Она боится тяжелого и добросовестного труда, боится серьезного отношения к делу.

Возьмем пример! Вот учитель без ценза, а потому лишенный права преподавания в армянских школах; ему предлагают подготовиться и держать экзамен на звание начального учителя - он от этого отказывается. А ведь он целые годы занимался педагогической деятельностью, ведь он побуждал своих учеников к прилежанию и труду, — и вдруг сам настолько ленив, что не хочет даже потрудиться, чтобы подготовиться к такому легкому экзамену. Далее. Вот армянская артистическая труппа, которая жалуется на холодность публики к армянскому театру; между тем, она все время подносит публике невозможные пьесы, артисты выходят на сцену, даже не разучивши хорошо своих ролей, не говоря уж о каком-либо стремлении к усовершенствованию... Вот целая плеяда литературных работников, взявших на себя труд переводить с иностранных языков на армянский выдающиеся литературные произведения: и они отличаются халатным отношением к делу, переводят на скорую руку, очень часто даже без понимания смысла оригинала, дают обществу плохие переводы, полные корректурных ошибок.

У нас нет и не возникает литературных или других тесно связанных умственными интересами кружков; ни один научный или общественный вопрос не сосредотачивает на себе внимания интеллигенции, которая общими силами стремилась бы к разрешению этих вопросов!.. А если даже последнее и встречается, то все делается поверхностно, вкось и вкривь, полно одним фразерством...»

Если прибавить к вышесказанному непреодолимое влечение к низкопробному политиканству и полное отсутствие благодарности за оказанное им Россией великодушное гостеприимство и иные благодеяния, мы получим образ «интеллигента», очень далекий от той «культурности» на которую громко претендуют армяне.

²⁰ Это констатируется армянской же газетой «Мшакъ» (№ 116, 1897 г.), которая говорит, что «он, более десяти лет играл роль ближайшего советника по делам Эчмиадзинского монастыря, и все то, хорошее или дурное, что совершенно там за это время, сделано по его совету, чего не скрывают даже и его друзья. Остается только его друзьям показать нам: сколько хорошего и сколько дурного сделано им там»? Продолжая характеристику того же почтенного деятеля, газета говорит: «Он известен как враг не только солидарности народов, но и как враг армян не-григорианского вероисповедания. *Несмотря на свое высшее образование*, он всегда пропагандировал: «Нет спасения вне армяно-григорианской церкви». Его девизом всегда было: «Цель оправдывает средства», и надо сознаться, что он с большим успехом проводил в жизнь эту иезуитскую идею. *Он никогда не питал никакого уважения к общественному мнению, не признавал права контроля в общественных учреждениях*».

Эту последнюю особенность своего мирозерцания г. Евангулов наглядно проявил во время своей диктатуры в тифлисской городской думе.

²¹ Сам покойный В. Л. Величко подвергался и во время редактирования им газеты «Кавказ», и потом до последних дней своей жизни, самым разнообразным проявлениям этого шантажа начиная с анонимных писем, то угрожающих, то истерически-ругательных, и кончая изумительными по своему разнообразию попытками иных шантажных воздействий. - Изд.

²² Ему просто предложили жить в Москве вместо Петербурга, куда он, впрочем, совершенно беспрепятственно весьма часто приезжает.

²³ «Мшак» 23-го января 1898 г. по поводу слуха о краже из эчмиадзинской кассы 200 000 рублей говорит, между прочим, следующее:

«Настоящий случай крупной кражи денег дает нам повод повторить по адресу эчмиадзинского монастыря ту элементарную истину, *что надо дать обществу отчет о денежных делах этого религиозного центра армян*. Несмотря на наши неоднократные напоминания об этой очень простой истине, к сожалению, все наши жалобы оставались «гласом вопиющего в пустыне». Главной причиной возникновения неблагоприятных слухов является сам Эчмиадзин, *так как он до сих пор не научился вести по правильной системе свои денежные дела, не научился охранять монастырские деньги от случайных приключений, не научился давать обществу подробный и верный отчет о том, сколько у него прихода, сколько расхода и сколько остается в кассе*. Делая все это тайно, Эчмиадзин этим дает повод к возникновению неприятных, вроде вышеупомянутого, слухов; он прямо вредит себе еще тем, что заставляет общество думать, будто он обладает несметными богатствами, *которые грабят со всех сторон*, почему и не находят нужным представить обществу отчет. Наилучшим способом опровержения таких слухов, а также регулирования денежных дел монастыря является приведение в систему всех денежных дел и представление точного и подробного отчета по всем делам. Эту элементарную истину мы принуждены повторить еще раз, *хотя армянское духовенство и слышать не хочет об этом*».

²⁴ По недавним сведениям, Тер-Арапатов был „сослан“... в Кутаис (!), где благополучно волновал более воспламенительные местные элементы уверениями, *что его святейшество католикос не позволит русскому правительству его тронуть*.

²⁵ Возмутительный, единственный по своей жестокости и низости факт бросания бомбы в толпу во время сочувственной манифестации, устроенной в Баку по поводу войны более человечными представителями местных армян, ясно доказывает, что этот «психоз» требует серьезного и быстрого лечения. Сколько нужно дикости и злобы, чтобы рука поднялась на подобное злодеяние в то время, когда вся Россия, до самых беспокойных окраин своих включительно, охвачена благородным объединяющим души порывом любви и преданности к Царю и Отечеству.

²⁶ Уже после смерти В.Л. Величко и через *три месяца* после появления настоящей главы отдельную статью в № 10 «Русского Вестника», по поводу этих фактов напечатано было в том же журнале (№ 1, 1904 г.), на основе 26 ст. врем. пр. о ценз. и печ., прил. к прод. 1868 г. Св. зак. т. XIV, опровержение за подписью председателя Кавказского Военно-Окружного суда г. Македонского. В виду того, что оно, как нам кажется, является лишь *возражением, а не доказательным опровержением по существу*, не считаем возможным, при издании настоящей книги, вносить какие-либо изменения или сокращения в текст, тем более что автор придавал слишком серьезное нравственное значение исходу этого дела для престижа «неуязвимых» монополистов-армян. Считаем справедливее всего поместить указанное возражение с нашими замечаниями в «Приложении» к настоящей книге. — Изд.

²⁷ Это стихотворение написано было к столетию водворения русской армии в Грузии.

²⁸ Статью «Ахалцыхская нетерпимость», содержащую интересные подробности этого возмутительного дела, помещаем в «Приложении».

²⁹ Приводим целиком помещенную в №174 «Кавказа» за 1899 г. корреспонденцию г. Бунятова, дающую яркий пример живучести этой школы:

«Селение Воронцовка, Борчалинского уезда. Молокане этого села были поселены без казенных наделов земли и без всякой помощи на первичное обзаведение, почему они вначале своего поселения терпели большую нужду в материальном отношении, пока неимоверными трудами удалось большинству из них купить в собственность наделы от частных владельцев. Но нельзя сказать, чтобы всем воронцовским молоканам жилось здесь хорошо: есть и между ними безземельные, которые живут единственно трудами рук своих. Из таких молокан 22 семейства лет десять тому назад обращались к управляющему государственными имуществами Тифлисской губернии покойному Хатисову с просьбой об отводе им участков земли в местности «Чугунный завод» Борчалинского уезда.

Хатисов вначале отказывал им под предлогом, что просимая земля находится в распоряжении не управления государственными имуществами, а собственников завода; но когда ходок молокан, Жабин, доказывая, что просимая земля уже перешла в ведение управления, просил о командировании чиновника, который бы мог убедиться в том, что в местности «Чугунный завод» имеется свободное и пригодное к поселению место, командирован был для означенной цели лесничий Лорийского уч. Кнаут, который и установил, что в местности «Чугунный завод» *имеется всего около 10 десятин* разбросанных лесных полей, на которых немисливо поселить 22 дыма просителей. Жабину пришлось чуть не месяцами жить в Тифлисе, докапываться справок из межевой палаты и *доказывать управлению государственными имуществами, что в просимом его доверителями участке не 10, а 447 десятин земли*. Управлению государственными имуществами пришлось вновь назначить чиновника для установления справедливости данных межевой палаты. Кажется, после перенесенных мытарств ходока воронцовских молокан Жабина, управление государственными имуществами Тифлисской губернии должно было удовлетворить их просьбу, но не тут-то было: молокане и по сие время хлопочут, не один раз в году посылают в Тифлис ходоков, расходуются, а делу их нет ходу.

В последнее время Жабин получил словесный не то ответ, не то совет: *«Просимый вами участок - арендуют хачинские армяне, которые просят его себе в надел. Лучшие вы попросите участок, арендуемый александровскими (русские) крестьянами, где тоже до 450 дес. удобной земли»*. На несогласие Жабина оставить тянувшееся 10 лет дело без результата и взяться за новое, последовал ответ: «Тогда ждите до осени, когда окончательно решится ваше дело».

Вряд ли это «решение» оказалось в пользу русских людей.

³⁰ Курсивы наши и отмечают те места, на которые мы ниже возражаем в особой заметке. - Изд

³¹ Этими «слухами», основанными отчасти на газетных отчетах, а главным образом на возмущенных отзывах русских людей, бывших в Шуше во время процесса, волновалось все благомыслящее русское и туземное общество, и особенно, как отмечает В.Л. Величко, военный элемент, сугубо бережно относящийся к вопросам чести. Указывая на неправоту или выдающуюся неумелость, проявленные в этом деле *некоторыми* представителями власти судебной и административной на Кавказе, В.Л. Величко стремился избежать невыгодных для ее престижа обобщений.

Изд.